

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный университет»

На правах рукописи

ПИВОВАРОВА ЮЛИЯ ИГОРЕВНА

**КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ 1800-1860-Х ГГ.
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация на соискание учёной
степени кандидата культурологии

Научный руководитель –
доктор культурологии,
профессор
Т.А. Дьякова

Ярославль
2017

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Особенности культурной среды русской провинции 1800-1860-х гг.	
1.1. Культура и культурная среда: основные подходы к определению.....	17
1.2. Социокультурные факторы формирования культурной среды Воронежской губернии 1800-1860-х гг.....	41
Глава II. Роль просвещенной личности в формировании культурной среды Воронежа 1800-1860-х гг.	
2.1. Система образования Воронежской губернии 1800-1860-х гг. как источник формирования просвещенной личности.....	63
2.2. Просветительские кружки Воронежа 1800-1860-х гг. как сфера актуализации деятельности просвещенной личности.....	78
2.3. Влияние просвещенной личности на развитие печати и книготорговли в Воронеже 1800-1860-х гг.....	98
Глава III. Литературно-музыкальные вечера как центры развития культуры Воронежской губернии 1800-1860-х гг.	
3.1. Литературно-музыкальный салон первой половины XIX века как социокультурный феномен.....	116
3.2. Литературно-музыкальные вечера Воронежской губернии 1800-1860-х гг. как инвариант столичных салонов.....	133
Заключение.....	148
Библиография.....	153

Введение

Актуальность диссертационного исследования

Современное общество стремительно меняется. Все дальше от нас удаляются прежние эпохи с их значимыми событиями и действующими лицами. В условиях процессов глобализации исчезает культурная специфика отдельных регионов страны. Может произойти так, что в скором времени сам феномен «русской провинции» окажется утерянным, а вместе с ним – и ключи к пониманию всей отечественной культуры прошлого. В этой ситуации актуальным становится культурологическое изучение общих закономерностей развития русской провинции начиная с 1800 г., которым открывался «Золотой век» русской культуры, до 1861 г. – начала «Великих реформ». Это было время, когда на фоне драматичных исторических событий каждая российская территория пыталась найти приемлемый для себя путь культурного развития, когда начинало приобретать смысл и значение понятие культурной среды провинции.

В данной работе под культурной средой понимается «стихийно сложившаяся система культурных предпочтений населения какого-то локального пространства (города, региона), обладающая определенными идеологическими, эстетическими, нравственными и иными особенностями»¹. Система культурных предпочтений формируется под влиянием ряда факторов: географическое положение, природно-климатические условия, исторический контекст, социально-демографические особенности носителей культуры и др.

Культурная среда имеет как устойчивые характеристики, сохраняющиеся на протяжении длительного времени, так и проявления конкретного исторического свойства. Дореформенный период в русской провинции характеризовался слабым уровнем культурной инфраструктуры, значительным отставанием от столиц, низким уровнем образования, что, в свою очередь,

¹ Флиер, А.Я. Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] / А.Я. Флиер // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 2 (март–апрель). – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/ (дата обращения: 21.06.15).

актуализировало значение просвещенной личности, порожденной идеалами эпохи Просвещения.

Понятие «просвещенный» в словаре Т.Ф. Ефремовой определяется как личность, «имеющая высокий уровень культуры и образования»². Частотность употребления характеристики «просвещенная личность» как в художественной литературе, так и в публицистике 1800-1860 гг. очень низка. Есть вероятность встретить рассуждения об образованном человеке как о человеке, который полезен своему государству. Примером может служить высказывание А.С. Грибоедова, что «чем человек просвещеннее, тем он полезнее своему Отечеству».

Яркой просвещенной личностью XVIII века был меценат, основатель Московского университета и Академии художеств И.И. Шувалов, главным качеством которого являлось стремление приобщать к культурным достижениям своих соотечественников³. В российских столицах рубежа XVIII-XIX вв. можно найти немало деятельных людей, которые направляли свои знания в русло просвещения широкой аудитории, например, Н.М. Карамзин.

Применительно к Воронежской губернии в роли просвещенных личностей выступали «доморощенные» литераторы, издатели и книгопродавцы, представители духовенства, преподаватели учебных заведений, чиновники и даже губернаторы. Просвещенные личности свои усилия направляли не только на расширение новых знаний, но и формирование новых культурных смыслов и ценностей провинциальной среды. Свои организаторские способности, творческий труд и просветительский энтузиазм они противопоставили провинциальной невежественности. Поскольку деятельность просвещенной личности была многосторонней, то помимо ставших традиционными для просвещения сфер реализации – образование и культура – такая личность проявила себя в талантливом администрировании, здравоохранении, гигиене

² Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.efremova.info/word/prosveschennyj.html#.WOtO1rj2R_E (Дата обращения: 18.03.2015)

³ Кулакова, И.П. И.И. Шувалов и Московский университет. Тип «просвещенного покровителя» (к постановке проблемы) [Текст] / И.П. Кулакова // Философский век. Альманах. Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории. – СПб., 1998. – Вып. 8. – С. 150.

населения, благоустройстве территории, благотворительности, изучении края и пр.

Проблема исследования

Процесс формирования особой культурной среды в русской провинции пока исследован мало, что обусловлено рядом причин, главной из которых является сохраняющийся стереотип об отсутствии в русской глубинке XIX века значимых процессов культурного развития.

Объект исследования: культурная среда русской провинции 1800-1860 – х гг.

Предмет исследования: особенности формирования культурной среды Воронежской губернии 1800-1860 – х гг.

Цель диссертационного исследования: выявить особенности развития культурной среды Воронежской губернии 1800-1860 гг. и определить значимость основных сфер активных изменений культуры данного периода, а именно: образования, искусства, издательского процесса и книготорговли.

В соответствии с указанной целью в работе необходимо решить следующие **задачи:**

- раскрыть сущность культурной среды русской провинции;
- выявить и охарактеризовать социокультурные факторы формирования культурной среды Воронежской губернии 1800-1860 гг.;
- установить роль просвещённой личности в культурной среде русской провинции 1800-1860-х гг.;
- определить значение просветительских кружков города Воронежа 1800-1860 гг.;
- исследовать процессы развития печати и книготорговли в городе Воронеже 1800-1860 гг.;
- изучить на материале Воронежской губернии 1800-1860-х гг. место и роль литературно-музыкальных вечеров в культурной жизни провинции как инварианта столичных салонов.

Хронологические рамки исследования ограничены рубежом 1800-1860 гг. В этот период культурная среда Воронежской губернии в значительной степени формировалась усилиями мещанско-купеческих сословий и разночинцами, роль которых возрастала в провинциальных городах России именно во время подготовки «Великих реформ» (60 гг. XIX века).

Территориальные границы исследования: Воронежская губерния.

Материалы и источники исследования

Основным материалом для диссертационного исследования послужили мемуарные источники, а также малоизвестные письма первой половины XIX века, опубликованные в периодических изданиях второй четверти XIX – начала XX века.

Изучение вклада отдельных личностей в культуру Воронежского региона, а также реконструкция культурного времяпрепровождения помещного дворянства проводились на основе воспоминаний очевидцев событий, с учетом присущего им особого взгляда на свое окружение.

Мемуары А.А. Бартенева⁴ «Жизнь и воспоминания одного дворянина» как нельзя лучше рассказывают о деятельности уездных предводителей и добавляют к широко известным фактам некоторые качественные сведения об образовательной среде того времени. Среди использованных материалов большую ценность представляют очерки М.Ф. Де-Пуле⁵, в которых детально описаны как биографии «действующих лиц» диссертационной работы, так и прослеживается взгляд автора на события второй трети XIX века. Дневник молодого купца А.П. Капканщикова⁶ содержит богатую информацию о повседневной жизни купеческого сословия того периода и авторскую оценку социальной действительности. Он начал делать записи незадолго до своего 17-летия в 1817 и продолжал их до 1821 года. Других подобных сочинений первой

⁴ Бартенев, А.А. Жизнь и воспоминания одного дворянина [Текст] // Воронежские губернские ведомости, 1862. – № 17, 19, 21-23, 25, 29, 31, 33, 34, 36, 38, 39.

⁵ Де-Пуле, М.Ф. Светлые черты воронежской жизни (из очерков «Николай Иванович Второв» 1847, «Иван Саввич Никитин» 1885) [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – 196 с.; Де-Пуле, М.Ф. Николай Иванович Второв [Текст] // Русский архив, 1877. – С. 426-469.

⁶ Дневник купца А.П. Капканщикова [Текст] // Из истории воронежского края: к 200-летию воронежского краеведения. Сбор. ст. / отв. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – Вып. 8. – С. 181-206.

четверти XIX века в Воронеже не сохранилось или пока еще не обнаружено. «Дневник» А.В. Никитенко⁷ стал ценным материалом для понимания общественных отношений и настроений того времени. Письма⁸ поэтов Д.В. Веневитинова, А.В. Кольцова, С.Н. Марина, И.С. Никитина, К.Ф. Рылеева, А.П. Серебрянского, Н.В. Станкевича вносят качественные дополнения в описание культурной жизни Воронежской губернии того периода.

Важной информацией, ранее не используемой в научной литературе, стали воспоминания иностранцев. Своеобразное, иногда критичное описание менталитета жителей воронежских земель дает Эдвард Кларк⁹ в своих путевых заметках «Travels in Russia, Tartary, and Turkey». «Письма из Воронежа»¹⁰ польско-литовского ссыльного М. Ромера в значительной степени расширяют представление о повседневной жизни горожан.

Важным источником сведений о культурной жизни г. Воронежа являются периодические издания¹¹: газеты «Воронежские губернские ведомости», «Воронежский телеграф»; журналы «Москвитянин», «Отечественные записки», «Русский архив», «Телескоп», «Воронежская старина», «Воронежский юбилейный сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа», «Памятные книжки Воронежской губернии», «Исторический вестник».

Статистические сведения были получены из следующих источников: «Статистические таблицы Всероссийской Империи» И.А. Голицына за 1807 год; М.И. Славинский «Историческое, этнографическое и статистическое

⁷ Никитенко, А.В. Записки и дневник: в 3 т. [Текст] / А.В. Никитенко. – М.: Захаров, 2005. – т. 1. – 640 с.

⁸ Веневитинов, Д.В. «Спокойно дни мои цвели в долине жизни...». Стихотворения. Письма из деревни [Текст] / Д.В. Веневитинов. – М.: Белый город, 2013. – 176 с.; Письма А.В. Кольцова [Текст] / под ред. П. Смирновского. – М.: типография А.В. Васильева и Ко, дом Обидиной, 1901. – 117 с.; Марин, С.Н. Стихотворения. Драматические произведения. Сцены и отрывки. Письма [Текст] / С.Н. Марин, М.В. Милонов. – Воронеж: Центр.- Черн. кн. изд-во, 1983. – 326 с.; Полное собрание сочинений К.Ф. Рылеева [Текст] / Лейпциг: типогр. F.A. Brockhaus, 1861. – 393 с.; Материалы для биографии И.С. Никитина: письма его [Текст] / отклик из IV-V вып. «Фил. зап.» за 1901 г. – Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1902. – 16 с.; Письмо А.П. Серебрянского к брату [Текст] / публ. П. Щукина // Филологические записки. – 1910. – Вып. I. – С.146-150.; Станкевич, Н.В. Проза. Статьи. Письма [Текст] / Н.В. Станкевич / вступ. ст., сост. и прим. Б.Т. Удодова. Воронеж: Центр.- Чернозем. кн. изд-во, 1988. – 271 с.

⁹ Clarke, E. Travels in Russia, Tartary, and Turkey [Text] / Edward Daniel Clarke. – 1848. – 383 p.

¹⁰ Ромер, М. Письма из Воронежа (1831-1832) [Текст] / пер. с польского. Публикация и предисловие О.Г. Ласунского. Примечания А.Н. Акиньшина. – Воронеж, 2013. – 104 с.

¹¹ Воронежские губернские ведомости [Текст]. – Воронеж, 1841-1862; Воронежский телеграф [Текст]. – Воронеж, 1872; Москвитянин [Текст]. – М., 1844; Отечественные записки [Текст]. – СПб., 1854; Русский архив [Текст]. – М., 1877; Телескоп. Журнал современного просвещения. Часть XXVII [Текст]. – М.: Типография Н. Степанова, 1835. – 545 с.; Воронежская старина [Текст]. – М., 1902-1916; Воронежский юбилейный сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа [Текст]. – Воронеж, 1886; Памятные книжки Воронежской губернии [Текст]. – Воронеж, 1856–1916; Исторический вестник [Текст]. – СПб., 1913.

описание Воронежской губернии» за 1818 год; «Военно-статистические обозрение Российской империи» за 1850 год, в котором авторы выходят за пределы круга вопросов, касающихся военной статистики, давая ёмкую, аналитическую информацию о русской провинциальной действительности дореформенного периода; «Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях», составленный Г.М. Веселовским за 1866 год¹².

Кроме того, в работе были использованы фондовые материалы Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина¹³, материалы Государственного архива Воронежской области (ГАВО)¹⁴.

Теоретико-методологическая основа исследования

Логика научного исследования и структурирование материала подчинены историко-культурному подходу. В центре внимания – социально-культурные реалии в динамике их изменений. Принципиальное значение в рамках работы имеет ракурс понимания культуры как особой надприродной реальности, сопряжённой с постоянным совершенствованием человеческого духа, задающим поступательное развитие общества.

Теоретико-методологические основы исследования обеспечивались благодаря ряду научных методов:

- хронологическому, который дал возможность рассматривать явления и события во временной последовательности, в динамике и изменениях;
- типологическому, который помог выявить своеобразие и установить причинно-следственные зависимости между различными явлениями культуры, определить их внутренние связи;

¹² Голицын, И.А. Статистические таблицы Всероссийской Империи или физическое, политическое, статистическое начертание России с XIX столетия, из новейших писателей извлеченное [Текст] / И.А. Голицын. – Москва: В Губернской типографии у А. Решетникова, 1807. – 109 с.; Славинский, М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии [Текст] / М.И. Славинский; науч. ред. А.Н. Акиньшин. – Воронеж: центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. – 240 с.; Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального Штаба. Том XIII, ч. 2 «Воронежская губерния» [Текст]. – Санкт-Петербург: Типография департамента Генерального Штаба, 1850. – 136 с.; Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях [Текст] / сост. Г.М. Веселовский. – Воронеж: Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета, 1866. – 454 с.

¹³ ВОЛИМ им. И.С. Никитина. ВМН 12, 13, 582, 621, 639, 777, 778, 786, 787, 790, 973, 1177, 1419, 2057, 2061, 2062, 2065, 2068, 2080, 2097, 2081, 2322, 2930, 2931, 2932, 3360, 5810, 6732, 8012, 8013, 8014, 8089, 8090.

¹⁴ ГАВО. Ф. И-167; ГАВО. Ф. И-29.

- сравнительно-историческому, позволившему сопоставить в историческом разрезе исследуемые нами явления культурного комплекса и найти соответствия и различия в культурной жизни российских столиц и провинции;
- структурно-функциональному, направленному на выявление внутренних связей исследуемых явлений;
- деятельностному, который позволил изучить процессы духовного обогащения общества, самосозидания человека как субъекта культурно-исторического процесса.

Степень научной разработанности проблемы

Процесс формирования культурной среды русской провинции в настоящее время исследован не полно. Только в последние двадцать пять лет в России начали складываться исследовательские центры региональной культуры (Ярославль, Пенза, Самара, Саранск, Нижний Новгород), и вместе с этим укоренилась практика регулярного проведения научных конференций и симпозиумов по проблемам провинциальной культуры. Разумеется, усилиями нового поколения российских исследователей уже накоплен существенный материал по данной теме. Однако комплексных исследований, связанных с выявлением роли просвещенной личности в формировании культурной среды русской провинции 1800-1860 гг. весьма немного.

Изучению концепта культурной среды как социальной системы с выявлением её структурных компонентов посвящены работы таких исследователей, как О.Н. Астафьева, Е.В. Дзякович, Е.И. Кострица, И.В. Макеева, Л.А. Пронина, П.Н. Савицкий, Е.И. Стрелкова, А.Я. Флиер.

Методология исследования культурной среды провинциального города обозначена в работах Е.Я. Бурлиной, Е.А. Ермолина, Т.И. Ерохиной, Т.С. Злотниковой, Н.М. Инюшкина, М.С. Кагана, В.Н. Козлякова, Л.В. Кошман, Н.Н. Лётиной, Л.М. Салаховой, А.Н. Севастьяновой, Л.Б. Сукиной, А.Ю. Тихоновой, С.О. Шмидта, Э.А. Шулеповой.

С позиций социальной философии культурная среда провинции рассматривается в работах Г.Н. Баженовой, С.В. Барышникова, Е.А. Сайко, И.В. Чванова.

Изучению взаимодействия личности и культурной среды провинции посвящены работы А.Н. Акиньшина, Н.И. Ворониной, Н.А. Дидковской, А.Ю. Тихоновой и др.

Концепт «культурное гнездо» определён и описан в работах Н.П. Анциферова, И.М. Гревса, Н.К. Пиксанова.

Усадьба как специфическое культурное пространство исследовалась в трудах таких учёных, как Е.Е. Дмитриева, М.И. Долженкова, О.С. Евангулова, Т.П. Каждан, О.Н. Купцова, Е.Н. Марсианова, С.Д. Охлябинин, М.А. Полякова, Г.Ю. Стернин. Феномен литературной усадьбы раскрывается в трудах Л.И. Густовой, Т.Ю. Колягиной, В.И. Новикова.

Истоки и традиции русской салонной культуры разрабатывались следующими отечественными специалистами: И.П. Азерниковой, Т.И. Акимовой, М.И. Аронсоном, Н.Л. Бродским, И.В. Канторович, Е.Н. Палий, С.А. Рейсером. Роли отдельных личностей в формировании салонной культуры посвящены работы В.Э. Вацура, Н.В. Сайкиной, И.А. Смирновой, А. Юнггрен. Гендерный аспект салонной культуры отражен в работах Э.А. Гареевой, В.И. Успенской и др. Среди зарубежных исследователей, следует отметить труды по истории и культуре французских салонов знаменитого историка повседневности А. Мартен-Фюжье, а также работы М. Лекёр, А. Мэйсон. Однако во всех этих работах акцентируется внимание на столице, а феномен провинциального салона все еще остается слабо изученным объектом.

Культуре и быту русского дворянства посвящены работы С.Д. Домникова, Е.В. Лаврентьевой, Ю.М. Лотмана, О.С. Муравьевой, Н.И. Яковниной.

Что касается воронежских специалистов, то они в своих работах затрагивали лишь отдельные аспекты истории родного края, а зачастую краеведческие материалы вообще формировались непрофессионалами. По словам историка А.Н. Акиньшина, изучение культурной жизни в провинции присутствовало в

работах краеведов на протяжении всего периода, но с разной степенью интенсивности. «Эта ветвь краеведения была наиболее доступна для исследователей-непрофессионалов и для восприятия публикой <...>. Объектом изучения служили разные сферы духовной жизни, включающие в себя развитие просвещения, литературу, журналистику, архитектуру, музыку, изобразительное искусство, театр, деятельность общественных, благотворительных и научных организаций, издательское и библиотечное дело, книжную торговлю, нравы и обычаи населения, положение церкви в обществе»¹⁵.

Так, различные аспекты истории литературного движения и печати в Воронежском крае первой половины XIX века в разное время разрабатывались в трудах В.М. Акаткина, Г.В. Антюхина, В.В. Будакова, А.И. Гайворонского, О.Г. Ласунского, Е.Г. Новичихина, Б.Г. Окунева, А.М. Путинцева, В.А. Тонкова, Б.Т. Удодова.

Музыкальная и театральная жизнь г. Воронежа первой половины XIX века подробно отражена в работах Ю.В. Воронцова, Т.В. Юровой, З.Я. Анчиполовского.

История воронежского дворянства представлена, как правило, в контексте генеалогических изысканий; заметное место в библиографии трудов здесь занимают работы А.Н. Акиньшина, О.Г. Ласунского, Л.М. Савелова. В публикациях Т.Н. Литвиновой показана роль дворянских сословных учреждений в губернии. Хроника важных исторических событий Воронежа отражена в работах В.П. Загоровского.

В книгах П.А. Попова и Б.А. Фирсова показаны некоторые стороны быта горожан изучаемого периода, а история образования относительно полно исследована в трудах Л.Н. Кораблиной, П.В. Никольского, Ю.В. Пыльнева.

Таким образом, несмотря на устойчивый интерес ученых к отдельным вопросам истории края, комплексного исследования культурной среды

¹⁵ Акиньшин, А.Н. Воронежская культурная жизнь в трудах местных исследователей (XIX – начало XXI века) [Текст] / А.Н. Акиньшин // Общественное движение и культурная жизнь центральной России XIV-XX веков: сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – С. 8.

провинции до недавнего времени не проводилось, а изучение роли просвещенной личности в культурных процессах Воронежской губернии 1800-1860 гг. нами осуществляется впервые.

Научная гипотеза исследования состоит в следующем предположении: провинция не имела того многообразия культурных ресурсов и форм проведения досуга, как в главных городах государства, но все же культивировала свои особые формы социокультурной активности. Литературно-музыкальные образования (кружки, вечера, книжные лавки), функционировавшие в период с 1800 по 1860 гг., играли важную роль в формировании культурной среды Воронежского края, а значение просвещённой личности было здесь определяющим.

Новизна научного исследования

1. Впервые осуществлен комплексный анализ культурной среды Воронежской губернии 1800-1860 – х гг.

2. Выработано концептуальное видение системы оценки деятельности просвещенной личности в контексте ее влияния на различные сферы культурной жизни южнорусского провинциального города, предполагающее экстраполяцию применённых подходов к характеристике других провинциальных территорий России.

3. Для исследования привлечены фондовые, архивные, другие малодоступные и малоизвестные материалы по истории литературной и культурной жизни Воронежской губернии в дореформенный период (письма, дневники, воспоминания), которые были проанализированы в соответствии с современным опытом культурологического изучения русской провинции.

4. Выявлены основные сферы общественной жизни провинциального города, определявшие в период с 1800 по 1860 гг. характер формирования культурной среды.

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном рассмотрении понятия «культурная среда русской провинции» и в актуализации роли просвещенной личности в процессах изменений культурной

среды, а также в апробировании концептуальных подходов на богатом историко-культурном материале Воронежской губернии. Понятие «просвещённая личность» имело до настоящего момента узко временное применение и в современных научных трудах не фигурировало. В данной диссертации исследование мировоззренческих и поведенческих характеристик просвещённой личности представлено как важное условие достоверного описания культурной среды русской провинции 1800-1860 гг.

Практическая значимость диссертации связана с перспективой дальнейшего изучения провинциальной культуры данного периода, с написанием обобщающих трудов по воронежской культуре дореформенного времени. Результаты данного исследования могут быть включены в экскурсионную и научно-методическую работу Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина, Воронежского областного краеведческого музея, Воронежского областного художественного музея им. И.Н. Крамского. Материалы диссертации могут быть использованы для составления программ и создания текстов лекций при формировании ряда спецкурсов по культурологии, истории, регионоведению, истории печати. Представленная в диссертации информация некоторым образом расширяет и уточняет содержание статей Воронежской историко-культурной энциклопедии.

Личный вклад диссертанта заключается в следующем:

1. В научный оборот введены материалы из фондов Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина и ГАВО, ранее не привлекавшиеся исследователями при изучении культуры Воронежского края.
2. Определено состояние основных сфер активных изменений культуры Воронежской губернии 1800-1860 гг. (а именно: образования, искусства, издательского процесса и книготорговли), их комплексная характеристика и роль конкретных имён в формировании культурной среды города.
3. Выявлен перечень основных интересов воронежских просветителей и их оценка происходящих культурных процессов, содержащаяся как в официальных печатных изданиях, так и письмах, дневниках, мемуарах.

4. Осуществлён перевод на русский язык нескольких иностранных книг: работ по истории европейских салонов и путевых записок с описанием Воронежской губернии первой половины XIX века.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается широким рядом привлекаемых источников; исторической и культурологической традициями, представленными в работах российских и региональных исследователей; соответствием методов исследования его цели и задачам; выводами в ходе теоретического анализа проблемы исследования, фиксацией и обобщением его результатов, широкой апробацией.

Положения, выносимые на защиту:

1. Специфика культурной среды провинции в южной части России в период с 1800 по 1860 гг. была обусловлена процессами медленного заимствования столичных веяний и отсутствием инфраструктурных условий для её быстрого развития. В этот период в Воронеже еще не был открыт университет, не было общественной библиотеки, не издавались литературные журналы, а газеты содержали узкий информационный спектр материалов.

2. Основной движущей силой процесса изменения культурной среды в Воронежской губернии были представители мелкопоместного дворянства, купечества и мещанства, которые взяли на себя роль просветителей и реформаторов. Эти просвещенные личности в той или иной степени были связаны с образованием и литературным развитием города.

3. В Воронеже процессы воздействия литературы и образования на передовую часть общества были настолько сильны, что у исследователей есть основания говорить об устойчивом литературацентризме местной культуры. Основное понимание путей развития культурной среды города в 1800-1860 гг. выкристаллизовывалось, главным образом, в литературных кружках.

4. В условиях русской провинции кружки и салоны существенно отличались своей организационной структурой и функциями: первые выполняли миссию социально-культурного преобразования и интеллектуального осмысления реальности, вторые – культурного общения. Роль привычного для столиц

литературно-музыкального салона в провинции играли вечера, особенностью которых была тесная связь с народной крестьянской культурой.

Апробация и внедрение результатов работы осуществлялись на заседаниях кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Основные положения исследования были представлены на следующих конференциях: 20-21 декабря 2013 г. Научная конференция «Творческая личность-2013: между миром и войной, или Бытие на гранях», ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль; 25 апреля 2014 г. Научно-методическая конференция «Культурология: пересечение научных сфер», ВГУ, г. Воронеж; 28-30 мая 2014 г. Международная научно-практическая конференция «Деятельность литературного музея в современных условиях», Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина, ВГУ, г. Воронеж; 2 июля 2014 г. Научная конференция «Русская художественная культура конца XVIII-первой половины XIX века», с. Новоживотинное, Музей-усадьба Д.В. Веневитинова; 18 декабря 2014 г. Научная конференция «Творческая личность-2014: поступок и образ», ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль; 7-9 октября 2015 г. Международная научно-практическая конференция «Романтизм как вектор развития культуры: академический и музейный опыт», Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина, ВГУ, г. Воронеж; 17-20 декабря 2015 Научная конференция «Творческая личность-2015: архетип и имидж», ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль; 28 апреля 2016 г. Научно-практическая конференция «Культурология: пересечение научных сфер», ВГУ, г. Воронеж.

Результаты исследований были использованы при разработке концепции выставочной работы Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина, а также включены в материалы лекций в Воронежском государственном университете. Основные положения диссертации отражены в девяти публикациях автора в научных изданиях, три из которых относятся к изданиям, рекомендованным Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ.

Соответствие паспорту специальности. Проблематика и выводы диссертации соответствуют **паспорту специальности 24.00.01 – теория и история культуры**, а именно пунктам: 1.15 Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества; 1.18 Культура и общество; 1.23 Личность и культура.

Структура и объём исследования

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Общий объем работы составляет 180 печатных страниц. Библиографический список использованных источников и литературы насчитывает 279 наименований.

Глава I. Особенности культурной среды русской провинции 1800-1860-х гг.

1.1. Культура и культурная среда: основные подходы к определению

Понятие «культурная среда» долгое время существовало в качестве метафоры или синонима слова «культура». В научный обиход оно вошло в отечественной науке в 1990-х гг., и в некоторых работах приобрело особый смысл, не совпадающий с содержанием термина «культура».

То, что термин «культурная среда» до сих пор не получил единого содержательного определения исследователи связывают в первую очередь с многообразием и неоднозначностью толкования слов, входящих в данное словосочетание. Уже после выхода в свет в 1952 году труда американских культурологов А. Кребера и К. Клакхона стало понятным, что термин «культура» многозначен, а найти общее определение невозможно. В отечественной науке первым, кто затронул в своих работах фундаментальные проблемы теории культуры, был Э.С. Маркарян; его деятельностный подход предполагал включение в понятие «культура» совокупных результатов всей деятельности человека. По Маркаряну культура – «все созданное человеком, специфически человеческий способ деятельности»¹⁶. Однако, деятельностный подход в отечественной науке не стал единственным и определяющим. Можно говорить об оценках культуры с позиций семиотики, аксиологии, и др.

Термин «среда», введенный французским философом И. Тэнном, был очень распространен в философии и социологии. «В середине XIX в. научная мысль акцентировала внимание на принципе, учитывающем роль культурно-исторических традиций, лежащих в основе термина «культурная среда», поэтому понятие «культурная среда» приобрело широкую популярность особенно в прикладных и теоретических областях знания»¹⁷. В словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение среды: «Среда – это

¹⁶ См.: Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) [Текст] / Э.С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

¹⁷ Кострица, Е.И. История возникновения термина «культурная среда» на примере статьи П.Н. Савицкого «Евразийство» [Текст] / Е.И. Кострица // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 350.

окружающие социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий»¹⁸. В данном случае люди, причастные к данной среде, связаны именно фактором единства социально-бытовых условий своего существования.

Если исходить из современной философско-лингвистической установки о значении языка как знаковой системы в постижении неязыковой объективной действительности, то понимание среды может быть иным. «В слове “среда”, – как подчёркивает И.В. Макеева, – присутствует значение “среди”, “середина”. Таким образом, среда – это то, что находится посередине, занимает промежуточное положение между объектами, будучи посредником между ними»¹⁹.

Исследователь П.Н. Савицкий в своей работе «Евразийство»²⁰ приравнивает понятие «культурная среда» к понятию «культура». Для него культура является совокупностью трех компонентов: культурная среда, эпоха существования культурной среды и отрасли культуры. Таким образом, «культурная среда» входит в более широкое понятие «культура».

Современные исследователи О.Н. Астафьева²¹, Е.В. Дзякович²², Л.А. Пронина²³, Е.И. Стрелкова²⁴, А.Я. Флиер, Э.А. Шулепова²⁵ и др., напротив, делают различие между понятиями «культура» и «культурная среда», акцентируя внимание на территориальной обусловленности последнего. В частности, главным фактором возникновения культурной среды, по мнению

¹⁸ Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30279> (дата обращения: 15.05.15).

¹⁹ Макеева, И.В. Обзор направлений в исследовании культурной среды [Текст] / И.В. Макеева // Вестник ЗабГУ. – 2007. – №4. – С. 82.

²⁰ Савицкий, П.Н. Евразийство [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий. – Режим доступа: <http://www.gumilevica.kulichki.net/SPN/spn09.htm> (дата обращения: 17.06.15).

²¹ Астафьева, О.Н. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды [Электронный ресурс] / О.Н. Астафьева, А.Я. Флиер // Культурологический журнал. – 2013. – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/182.html&j_id=13 (дата обращения: 25.05.15).

²² Дзякович, Е.В. Подходы к исследованию провинции как социокультурного, ментального и кроссрегионального феномена [Текст] / Е.В. Дзякович // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 4. – С. 47 – 50.

²³ Пронина, Л.А. Качество культурной среды: проблемы измерения [Текст] / Л.А. Пронина // Известия Томского политехнического университета. – 2014. – Т. 324. – № 6. – С. 65-73.

²⁴ Стрелкова, Е.И. Культурная среда и ее системообразующие компоненты [Текст] / Е.И. Стрелкова // Культурология: Теория и практика общественного развития. – 2014. – №13. – С. 121-122.

²⁵ Шулепова, Э.А. Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция [Электронный ресурс] / Э.А. Шулепова // Культурологический журнал. – 2011. – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/59.html&j_id=6 (дата обращения: 25.06.15).

А.Я. Флиера, является наличие общества. «Культурная среда – явление социальное и для ее возникновения требуется социальная ситуация, образуемая устойчивыми контактами нескольких людей»²⁶. Среда предполагает коммуникацию двух и более людей. В своей статье Флиер приводит пример с Робинзоном Крузо, который оказался на необитаемом острове, где не могло быть никакой культурной среды вне общества, а значит, не было диалога сторон. Только с появлением Пятницы на этом острове стала формироваться культурная среда. Сам Робинзон и вне контакта с себе подобными был носителем культуры. Он сохранял и в определённой степени распространял вокруг себя весь тот культурный опыт, который приобрёл до злополучного кораблекрушения.

По мнению все того же исследователя, культурная среда не является одной лишь суммой взаимодействий людей, так как в повседневной реальности взаимодействие и коммуницирование могут быть совершенно разными: нормативными, девиантными и др. Культура же, в своем истинном значении, является продуктом только нормативных социальных контактов. «Культурная среда – это стихийно сложившаяся система культурных предпочтений населения какого-то локального пространства (города, региона), обладающая определенными идеологическими, эстетическими, нравственными и иными особенностями»²⁷.

Структуру культурной среды А.Я. Флиер представляет следующим образом²⁸:

- 1) символическая деятельность, которая выполняет функции обучения людей нормам предпочитаемого социального поведения;
- 2) нормативное социальное поведение;

²⁶ Флиер, А.Я. Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] / А.Я. Флиер // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 2 (март–апрель). – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/ (дата обращения: 21.06.15).

²⁷ Флиер, А.Я. Принципиальные модели модернизации культурной среды [Электронный ресурс] / А.Я. Флиер // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 6 (март–апрель). – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Flier_Environment-Modernization (дата обращения: 23.06.15).

²⁸ Флиер, А.Я. Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] / А.Я. Флиер // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 2 (март–апрель). – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/ (дата обращения: 21.06.15).

3) язык, посредством которого происходит информационное обеспечение социальных взаимодействий;

4) нравы, при помощи которых регулируются социальные взаимодействия.

Таким образом, культурная среда является особым пространством социального поведения людей, социальных ритуалов, социального мимесиса.

Более широко структуру культурной среды представляет Е.И. Стрелкова²⁹, выделяя следующие ее компоненты (факторы):

1) территориальные границы и географические особенности пространства культуры;

2) природно-климатические характеристики территории;

3) исторический контекст складывания социокультурной среды, знаковые личности и события;

4) социально-демографические особенности носителей культуры;

5) локальная идентичность и ее основные характеристики;

6) язык;

7) традиции, ритуалы, система норм;

8) культурные особенности и наследие;

9) визуальная политика и символика территории;

10) памятники и уникальные продукты культуры.

Раскрытие содержания данных компонентов на примере Воронежской губернии дает возможность полно охарактеризовать особенности конкретной культурной среды.

Некоторые ученые (В. Глазычев, Л. Михайлова, Г. Широкалова) выделяют три слоя культурной среды: физический, социальный и духовный. К физическим элементам относят пространство, предметный мир, плотность населения, предметы культуры общественного пользования – учреждения социокультурного значения и др. Социальный слой культурной среды состоит из разных страт. Социальная стратификация осуществляется по

²⁹ Стрелкова, Е.И. Культурная среда и ее системообразующие компоненты [Текст] / Е.И. Стрелкова // Культурология: Теория и практика общественного развития. – 2014. – №13. – С. 121-122.

демографическим, классовым, профессиональным, территориальным и другим признакам. Духовный слой представляет собой ценности, присущие как отдельной личности, так и целой группе людей.

Культурная среда формируется под влиянием ряда факторов, оказывающих воздействие на состояние и развитие культуры определенной территории. Главными маркерами культурной среды являются территория или место, на котором происходят какие-либо культурные процессы, а также время, которое определяет специфику культуры определенного периода.

Все компоненты культурной среды в условиях устойчивого развития той или иной территории тесно взаимосвязаны и определяют ее культурную специфику. Таковой, например, является культура русской провинции. Как конкретная культурная среда русская провинция формировалась в условиях исторических, социальных, экономических и иных обстоятельств, что, безусловно, повлияло на ее специфичность, непохожесть на «центр». Изучение специфики провинции велось очень активно в последние 20 лет, что позволяет говорить о существовании *провинциологии* как определенного типа и формы знания (И.Л. Беленький, Т.С. Злотникова, Т.Г. Исламшина, Н.Н. Лётина, В.А. Фортунатова, Г.Р. Хамзина, В.И. Юдина и др.). Сам термин «провинциология» был предложен В.А. Фортунатовой³⁰ и обозначал дисциплину, «предметом которой являются онтология, гносеология, морфология, историческая динамика развития провинции».

«Для российской провинциологии XIX-XX веков характерна эмпиричность и определенная наивность; различают провинциологию повседневности, художественную провинциологию, “метафизику” и “историческую поэтику” провинции. Стремясь дать “внутреннее”, имманентное описание провинции, субъект высказывания укореняется в описываемой среде и достигает эмоционально мотивированного понимания провинции. В этом смысле провинциология рассматривается как нарратив. Отсюда следует

³⁰ Фортунатова, В.А. Провинциальный учитель в статусе русской ментальной категории [Текст] / В.А. Фортунатова // Жизнь провинции как феномен духовности. Международн. научн. конф. / под ред. Н.М. Фортунатова. – Нижний Новгород, 2004. – С. 7.

предположение, что провинциология одновременно выступает как система или, по крайней мере, совокупность знаний о провинции»³¹.

Для дальнейшего анализа специфики русской провинции обратимся к самому термину «провинция». «Провинция» (лат. *provincia*) имеет три общеизвестных значения: завоеванные римской армией страны, находящиеся вне Италии, и управляемые римскими наместниками; единица административного деления (в таких странах, как Италия, Франция, Россия); заселенная территория страны, находящаяся вдали от столицы. С самого начала, в ранней Римской республике, слово «провинция» обозначало круг деятельности должностного лица, а затем подчиненные области за пределами Италии.

В русский язык это понятие вошло как обозначение одной из единиц административно-территориального деления России, предпринятого Петром I в начале XVIII века. Вторая реформа Петра (провозглашенная указом от 29 мая 1719 года) была направлена на «разукрупнение» огромных губерний, которые поделили на провинции, а те, в свою очередь, – на дистрикты. Хотя после 1780 года провинция как определенный элемент административной структуры России исчезла, но это понятие в языке сохранилось, приобретя немного другие смыслы. Так, провинцией стали называть все то, что находилось за пределами обеих столиц, а провинциалом – человека не просто из этой территории, но с определенным типом ментальности, мировосприятия. Отметим, что провинциальный тип ментальности может проявить себя и в какой-то отдаленной усадьбе, и в столичном высокообразованном светском обществе.

В русской литературе представление о провинции приобрело двойственное значение. С одной стороны, «семантически за этим термином укоренилось представление как о месте, характеризующемся отсталостью

³¹ Злотникова, Т.С. Провинция в философском, социопсихологическом, социокультурном значениях [Текст] / Т.С. Злотникова // Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Лётиной, М.В. Новикова. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 19.

развития, вторичностью культуры, “захолустностью”³². Негативная оценка провинциального мира встречается довольно часто в произведениях русской классической литературы (например: Н.С. Лесков, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Н.А. Островский и др.), где он представлен застывшим во времени и пространстве, с царящим патриархальным укладом, специфическими нормами и ценностями, часто непонятными приезжающим из столиц людям. Однако, с другой стороны, параллельно формировалось мнение, что именно в провинции сохранились здоровые традиции русского народа, и в большей степени выражены признаки русской идентичности. Следовательно, можно предполагать, что значимость провинции в данном контексте определяется ее «разумным консерватизмом»³³, благодаря которому сохраняется уникальность облика всей русской культуры. Этот консерватизм служит фильтром идей и действий, и не допускает широкого распространения создаваемой столичными градами пошлости, упрощения и зрелищности.

Современные исследователи, обращаясь к анализу провинции, дают самые разные трактовки этого феномена. Так, например, Е.А. Сайко в своей диссертационной работе говорит о провинции как «специфической социокультурной среде, обладающей известным потенциалом для развития личности»³⁴. В работах Н.М. Инюшкина провинция видится как «зона определенной гармонизации, балансировки центробежного и центростремительного в большой системе»³⁵. Н.А. Дидковская российскую провинцию определяет как «носителя специфических социальных, ментальных, духовных, аксиологических характеристик <...>»³⁶.

³² Купцова, И.А. Динамика русской провинциальной культуры в условиях исторических трансформаций российской цивилизации [Текст] : дисс. ... доктора культурологии : 24.00.01 / И.А. Купцова. – Москва, 2011. – С. 24.

³³ Злотникова, Т.С. Человек. Хронотоп. Культура: Введение в культурологию [Текст] / Т.С. Злотникова. – Издание 3-е. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 108.

³⁴ Сайко, Е.А. Российская провинция как социокультурный феномен [Текст] : дисс. ... канд. фил. наук / Е.А. Сайко. – Москва, 1997. – С. 4.

³⁵ Инюшкин, Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри [Текст] / Н.М. Инюшкин. – Пенза, 2004. – С. 19.

³⁶ Дидковская, Н.А. Идентичность в системе жизнеустроительной деятельности: провинциальное и региональное измерение [Текст] / Н.А. Дидковская // Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография [Текст] / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Лётиной, М.В. Новикова. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 37.

Определяющим среди всех значений термина «провинция» является баланс представлений о подвижности с одной стороны, и заторможенности с другой. Так, Т.С. Злотникова выделяет следующие функции провинции: 1) функция оппозиции; 2) функция самобытного, самостоятельного развития; 3) функция «эха», отклика на явления культуры, происходящие в другом регионе или в столице³⁷.

Функция оппозиции имеет древние корни. Еще во времена Римской Империи провинции как завоеванные территории не хотели подчиняться своим противникам. Отсюда и происходит их оппозиционность, в первую очередь, господствующей власти. Однако эта оппозиционность гораздо шире и касается культуры. Часто происходит противостояние общепринятой моде на то или иное явление, предмет.

Понятие провинциальной культуры сформировалось в России на основании однозначного противопоставления ее культуре столичной, официальной³⁸. Русский философ Н.А. Бердяев в начале XX века писал, что жизнь передовых кругов Петрограда и Москвы, и жизнь глухих уголков далекой русской провинции принадлежат к разным историческим эпохам. Философ критически относился к столице, к централизации, считая ее губительным явлением для всей русской культуры: «Исторический строй русской государственности централизовал государственно-общественную жизнь, отравил бюрократизмом и задавил провинциальную общественную и культурную жизнь. <...> Вся наша культурная жизнь стягивается к Петрограду, к Москве, отчасти лишь к Киеву»³⁹.

Отметим также, что наравне с оппозицией «столица-провинция» есть оппозиция внутри самой провинции. «Во времени-пространстве провинциального бытия, частенько воспринимаемого из центра как аморфное целое, как единая миргородская лужа, налицо внутренняя иерархия центров и

³⁷ Злотникова, Т.С. Человек. Хронотоп. Культура: Введение в культурологию [Текст] / Т.С. Злотникова. – Издание 3-е. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 107.

³⁸ Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография [Текст] / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Лётиной, М.В. Новикова. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 21.

³⁹ Бердяев, Н.А. Судьба России [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Philosophical Society USSR, 1990. – С.71-72.

провинций, своя дуальная оппозиция города и деревни, области и района, города и городка, села и деревушки»⁴⁰. Это действительно так, и отсюда следует, что жизнеспособность и баланс при развитии края будут обеспечиваться своими инициаторами новаций, активными личностями, своими представителями традиционного и консервативного направления.

В функции самобытного развития просматривается самое главное и уникальное явление в провинциальной культуре. Эта непохожесть, «инаковость» и традиционность провинции на протяжении всего времени подпитывала общерусскую культуру, являлась источником творческой энергии и силы. Выполняя функцию самостоятельного развития, провинция тем самым формировала особую культурную среду, в которой часто созревали яркие личности, впоследствии занимавшиеся просвещением этой же самой среды.

Советский академик Д.С. Лихачев, обозначая роль провинции, также считал, что она обладает огромным потенциалом самостоятельного развития, в частности, он писал: «Мы ждём обновления нашей жизни именно из провинции. Мы верим в провинцию и во все то русское, что она сохранила. В провинции больше непосредственной любви к Родине, чем в городах, претендующих на столичность...»⁴¹.

Функция «эха» предполагает трансляцию столичных веяний на периферию. Не всегда провинция оппозиционна столице, а зачастую принимает ее новаторские идеи и проекты, отражает ее образцы художественной культуры, досуга и поведения. Посредством этой функции провинция перенимает столичный опыт, который сливается с местными традициями, образуя при этом совершенно иные формы деятельности и мировоззрения. Культурная среда провинции впитывает материал главного города страны по-своему.

Отдельно отметим, что такое явление, как провинциальность проявлялось и в столичной культуре. Н.К. Пиксанов констатировал: «В истории столичной

⁴⁰ Инюшкин, Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри [Текст] / Н.М. Инюшкин. – Пенза, 2004. – С.19.

⁴¹ Лихачев, Д.С. Верю в провинцию [Текст] / Д.С. Лихачев // Российская провинция. – 1994. – № 4. – С. 119.

культуры были целые периоды, когда она жила под знаком провинциализма»⁴². Провинция глубоко вошла в столицу в первой половине XIX века вместе со своими разночинцами, которые зачастую там держались обособленными группами.

Другие исследователи (В.Ю. Афиани, Е.Я. Бурлина, Н.И. Воронина, Е.А. Ермолин, Т.С. Злотникова, Н.М. Инюшкин, Е.А. Сайко, И.В. Чванов) выделяют следующие особые черты провинции, которые оказывают влияние на ее культурную среду: общность национального самосознания; культурно-цивилизационную и духовно-нравственную целостность; традиционность и социально-политическую стабильность; устойчивость жизненных приоритетов; глубокое внутреннее содержание⁴³.

В отечественной религиозной философии сложилось представление, что русский провинциал имеет сильные различия с западным. Если первый, покинув отчий дом, будет ностальгировать, то последний более мобилен, подвижен и к дому не привязан, для него разлука с малой родиной обычное явление. Менталитету русского провинциала присуще упрощение сложных понятий, их адаптация под местные нормы, условия. Это отчетливо прослеживается в языке, моде, искусстве.

Особенность российской провинции связана с необъятными территориями страны. «Именно пространственная мощь российской земли порождает сложность архитектоники центропериферийных отношений и их “содержаний”, диктует, необходимо требует развития опор, системы провинциальных центров. Пространство разъединяет единую периферию, порождает неизбежность определенной региональной самодостаточности, самооценности, своеобразия, самобытности, уникальности. Но с той же неизбежностью оно объединяет провинциальное бытие и сознание целым

⁴² Пиксанов, Н.К. Областные культурные гнезда [Текст] / Н.К. Пиксанов. – М.: Государственное издательство, 1928. – С. 56.

⁴³ Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография [Текст] / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Лётиной, М.В. Новикова. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 39.

комплексом родовых черт, которые не зависят от местного говора, обычаев или климата»⁴⁴.

Провинцию можно рассматривать не только в горизонтальном измерении, но и, что немаловажно, в вертикальном. Считалось, что «опуститься до провинции» означало умереть. Если рассматривать провинцию во временном ракурсе, то получится, что она находится вне времени, в то время как столица стремительно мчится в будущее.

Главное место в структуре культурной среды провинции, помимо категории времени и пространства, занимает человек, в особенности, активная, образованная, просвещенная личность. Провинциальная среда создает человека как члена общества, с одной стороны, но с другой стороны, человек создает среду вокруг себя, он влияет на культурную ситуацию. Человек, преобразовывая природу вокруг себя, тем самым создает культурную среду обитания. Культурная среда создает систему норм и правил, однако человек, который не смог к ним адаптироваться, рассматривается как маргинал.

В провинции с ее полуграмотным, а иногда и вовсе неграмотным населением значительна была роль «провинциальных творческих личностей»⁴⁵, которые умели противостоять массам. «Они становились своеобразными двигателями местного прогресса, неся в низы свет знаний, воспитывая чувство гражданского самосознания, культивируя в своем окружении интерес к политической злобе дня»⁴⁶. Такие личности жили в каждом крае, образовывая вокруг себя культурные локусы.

Поскольку культура является плодом деятельности человека, то роль личности в ее повышении неоспорима. Социокультуролог В.Л. Глазычев активно использует понятие «активного меньшинства», которое является движущей силой развития культуры. Культуру, по его мнению, создает меньшинство, а большинство будет встраиваться в любую волну, создаваемую

⁴⁴ Инюшкин, Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри [Текст] / Н.М. Инюшкин. – Пенза, 2004. – С. 22.

⁴⁵ Летина, Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII-XX вв.) [Текст] / Н.Н. Летина: монография. – Ярославль: изд-во ГОУ ВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», 2009. – С. 109.

⁴⁶ Ласунский, О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции [Текст] / О.Г. Ласунский. – Воронеж: изд. ВГУ, 1985. – С. 11.

активным меньшинством⁴⁷. В свою очередь, Н.М. Инюшкин подчеркивает значимость субъективного фактора, который воплощается в типологической провинциальной черте, обозначенной как «большая осязаемость личного участия активных членов сообщества в культурной жизни»⁴⁸. По его мнению, в рамках провинциальных территориальных общностей становятся не только заметными, но и реально осязаемыми конкретные результаты деятельности любого достаточно активного члена данной общности.

В первой половине XIX века основную роль в культуре российской столицы играли дворяне или, как их назвал Н.П. Семенов, «первенствующее в государстве культурное сословие»⁴⁹. Выходцы из аристократической среды служили проводниками европейских традиций в Россию. Просвещенный дворянин был призван стать воплощением разума и совести государства, быть образцом добросовестного слуги этого государства. Получив прекрасное образование, имея неплохое состояние и время, зачастую выходец из дворян становился профессионалом культуры, а именно: литератором, преподавателем, содержателем салона и др.

Иная ситуация имела место быть в провинции. В губернских и уездных городах ведущую роль играла не элита, а разночинная интеллигенция, ставшая на ноги ко второй трети XIX века. Выходцы из крестьянского, мещанского, купеческого сословия, лица духовного звания взялись за серьезную культурно-просветительскую деятельность.

Стоит отметить, что русское провинциальное общество XIX века было противоречивым. Находясь вдали от двух столиц, провинциалы ощущали сильное влияние местной бюрократической верхушки. Здесь царила атмосфера произвола и чиновничества. Неприятие чужой точки зрения, инакомыслия ощущалось во всех сферах губернско-уездной жизни. Поместное дворянство проводило время в бездействии. В кругу чиновничества, в купеческо-

⁴⁷ Глазычев, В.Л. А где Московия? [Электронный ресурс] / В.Л. Глазычев. – Режим доступа: http://glazychyev.ru/publications/interviews/1999-07-16_interview_Moskovia.htm (Дата обращения: 01.07.2014)

⁴⁸ Инюшкин, Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри [Текст] / Н.М. Инюшкин. – Пенза, 2004. – С. 205.

⁴⁹ Семенов, Н.П. Наше дворянство [Текст] / Н.П. Семенов. – СПб: Гос. тип., 1898. – С. 13.

мещанской среде процветала борьба честолюбий, забота о личном благополучии и выгоде. Однако, несмотря на устоявшееся негативное представление о губернских властях (особенно отчётливо это просматривается в литературе указанного периода), среди них тоже было очень много подвижников культуры. «Стратегийные импульсы местной власти, инициированные незаурядными администраторами, во все времена становились наиважнейшим фактором культурного подъёма провинции»⁵⁰. Зачастую динамика культурной жизни региона зависела от личности его управителей: «<...> Именно целеустремленный талант просвещенной местной власти радикально преобразовывал провинциальную культуру, оставаясь её вдохновителем и хранителем на отпущенный историей срок»⁵¹.

Объём и характер культурных преобразований городского управляющего во многом зависел от самого города, его численности, местоположения, готовности инфраструктуры к преобразованиям и многого другого.

В отечественной науке термин «город» имеет самые разные дефиниции. На протяжении XIX века официальная статистика так и не выработала четкого типологического признака, определяющего данный тип поселения. Ввиду преобладания аграрной составляющей в экономике России четкого разделения на города и деревни до определенного времени вообще не существовало. Исследователь И.М. Гревс, один из инициаторов изучения культуры города как целостной системы, писал: «Россия – страна деревенская с преобладающей деревянной культурой, <...> но в ней есть города всех категорий, вплоть до мировых»⁵².

Понятие «город» в толковом словаре Даля определяется как «крепость, укрепленное стенами место внутри селения, кремль»; но и как – «селение,

⁵⁰ Дидковская, Н.А. Российский провинциальный город как сфера реализации коллективных и личностных культуротворческих стратегий в исторической динамике [Текст] / Н.А. Дидковская // Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального: коллективная монография / под науч. ред. М.В. Новикова, Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. – С. 127.

⁵¹ Там же, С. 128.

⁵² Гревс, И.М. Монументальный город и исторические экскурсии [Текст] / И.М. Гревс // Анциферовские чтения. – Ленинград, 1989. – С. 34.

обнесенное городьбой, городок»⁵³. Как показано в статье историка А.В. Белова, признаками города можно было считать «наличие в поселении присутственных мест; соборного городского храма и богатых церквей; гостиного двора; мощеных прямых улиц и мощеных площадей, крупных и доходных фабрик и заводов; наличие среди жителей богатых купеческих фамилий; функционирование и пребывание в хорошем состоянии начальных учебных заведений, больниц и приютов; обеспеченное состояние местного мещанства; наличие культурной общественной жизни и инфраструктуры для свободного времяпрепровождения»⁵⁴. Обозначенный спектр характеристик города, прежде всего, указывает на противопоставленность города природе, искусственно созданного, цивилизованного уклада жизни, укладу жизни естественному, природному.

Сегодня дать однозначное определение города также трудно, поскольку критерии отнесения к числу городских поселений по-прежнему расплывчаты⁵⁵. Современный исследователь Михельсон М.О. дает следующие определения города: 1) «архитектурная организация пространства»; 2) «социальный институт, связывающий различные общности людей»; 3) «центр административной, политической, торговой, культурной жизни»⁵⁶. Во всех попытках определения города скрывается его полифункциональность, поскольку исторически главной функцией русского города была административная, а затем просвещенческая, транспортная, торговая, промышленная, рекреационная, военная. Ближе к XIX в. культурная функция стала все больше определять направление духовного развития горожан посредством разнообразных социально-культурных институтов (театров, библиотек, книжных лавок, дворянских клубов и др.) и форм досуговой

⁵³ Даль, В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 186.

⁵⁴ Белов, А.В. Русский провинциальный город в середине XIX века. Формы и функции городского развития [Текст] / А.В. Белов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История, политология, экономика и право». – 2009. – №4. – С. 22.

⁵⁵ Васильев, А.Г. Urban Studies: классическое наследие – современное состояние – перспективы развития [Текст] / А.Г. Васильев // Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник / отв. ред. М.В. Новиков, Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2010. – С. 33.

⁵⁶ Михельсон, М.О. Городская культура и методология ее исследования [Текст] / М.О. Михельсон // Парадигма: очерки философии и теории культуры. Под ред. проф. М.С. Уварова. – СПб.: Изд-во С.-Петер. ун-та, 2006. – Вып. 4. – С. 14.

активности. Культура города также характеризуется вариативностью бытовых условий, по сравнению с деревенской.

Конец XVIII века стал важным этапом в историческом развитии русских городов, когда в правление Екатерины II были заложены правовые основы его образования, отличающиеся от предшествующих эпох. Губернская реформа 1775 г. «Учреждение для управления губерний» упорядочивала административное устройство в империи, а «Жалованная грамота городам» 1785 года впервые определила юридический статус города и основу его развития на последующие годы. Город следовало застраивать по определенному плану, он получал грамоту, в которой записывали его права, имел герб. Административная система городов, сложившаяся еще в конце XVIII в., выглядела так: столичные, губернские, уездные, заштатные.

По мнению Л.В. Кошман, «особенностью культурного пространства русского города была “выгонная” земля, которая окружала город и создавала основу для длительного сохранения сельскохозяйственных занятий горожан»⁵⁷.

Еще одной особенностью российских городов можно назвать наличие среди его жителей сословной стратификации, которая стала особенно очевидной к началу XIX века, с появлением интеллигенции. Как отмечают специалисты, что тип ведущего культурного деятеля в значительной степени связан с характером преобладающего в городе культурного проекта, а отчасти – с материальными условиями культурной деятельности. «В соответствии с этим законом основным культурным деятелем в России первоначально был монах, иногда светский руководитель (князь, представитель столичной администрации и т.п.), а затем, в петербургский период, дворянин и интеллигент»⁵⁸.

Находясь вдали от «центра», провинциальный город к началу XIX в. наряду с заимствованием столичных обычаев формирует свои особенные, уникальные явления и черты. Несмотря на то, что Петербург и Москва

⁵⁷ Кошман, Л.В. Культурное пространство русского города XIX – начала XX вв. К вопросу о креативности исторической памяти [Электронный ресурс] / Л.В. Кошман // NB: Культуры и искусства. – 2013. – № 2. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/ca/article_639.html (дата обращения: 10.09.14)

⁵⁸ Исторический город русской провинции как культурный универсум [Текст]: учебное пособие / науч. ред. Т.С. Злотникова, М.В. Новиков, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2010. – С. 301.

обладали большим выбором культурных форм активности, таких как посещение балов, салонов, кружков, различных концертов, театров, библиотек, ритм жизни в обычном провинциальном городе был не намного ниже. «Во-первых, невеликость того или другого губернского или уездного городка совсем не мешала ему устраивать широкие искрометные балы в родных пенатах. Во-вторых, в русской глубинке существовали и уникальные гнезда дворянской культуры, которые ничем не уступали столичным – ни культурой, ни умением повеселиться, ни даже пространством, на котором происходили все эти представления»⁵⁹.

Особенностью культуры города можно считать наличие в нём мест концентрации социокультурной активности или «культурных гнёзд». Концепт «культурное гнездо» был введен в научный обиход Николаем Кирьяковичем Пиксановым (1878-1969) в работе «Два века русской литературы» в 1923 г. Автор считал необходимым изучение региональных культурных центров для того, чтобы в дальнейшем использовать полученную информацию в описании истории литературы в целом. Он полагал, что «культурное гнездо» обладает тремя постоянными признаками: определённым кругом деятелей, постоянной деятельностью и выдвижением питомцев⁶⁰.

Концепция Н.К. Пиксанова была в дальнейшем разрабатываема историком-энциклопедистом И.М. Гревсом («История в краеведении», 1926). Работы М.М. Богословского («Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи», 1923), В.В. Богданова («Культурно-исторические очерки отдельных районов как результат накопления краеведных материалов», 1923), Н.П. Анциферова («Краеведный путь в исторической науке (историко-культурные ландшафты)», 1928), С.В. Бахрушина («Задачи исторического изучения края», 1928) способствовали в дальнейшем

⁵⁹ Охлябинин, С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века [Текст] / С.Д. Охлябинин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 182.

⁶⁰ Пиксанов, Н.К. Областные культурные гнёзда [Текст] / Н.К. Пиксанов. – М.: Государственное издательство, 1928. – С. 62-63.

становлению концепта «культурное гнездо» для описания истории провинциальной культуры.

На основе концепта Н.К. Пиксанова Е.В. Полутина ввела в научный оборот понятие «социокультурные гнёзда»⁶¹, которые, по словам автора, «формируют социокультурный облик провинциального города». Как примеры социокультурных гнёзд исследователь рассматривает сообщества, объединённые по роду деятельности и сословной принадлежности (священнослужителями, земскими служащими, учителями, книгоиздателями и др.), общество любителей изящных искусств, любительские театральные труппы, благотворительные общества и попечительские советы.

Филолог Владимир Новиков писал, что культура имеет свои «области сгущения», которые образуются в больших городах и вокруг них. По его мнению, тяготение к крупным центрам вполне естественно, поскольку там есть все предпосылки для быстрого духовного созревания, такие социокультурные институты, как университеты, театры, музеи, библиотеки. В России культурно богатых регионов было всего два, с центрами в Петербурге и Москве. Но мы не должны забывать и русскую провинцию, с её не менее привлекательными усадебными ансамблями. «Многие русские писатели вышли из “губернского захолустья” – и никогда об этом не забывали. Время от времени они возвращались в родные гнёзда, ибо без этого считали неполной свою творческую жизнь»⁶².

В первой половине XIX века за пределами города культурная жизнь преимущественно сосредотачивалась в поместных дворянских усадьбах. В отечественной историографии посвящено немало работ повседневной жизни дворянства. В этом направлении усердно работали следующие исследователи: Ю.М. Лотман, В.Д. Лелеко, Е.Н. Марасинова, Н.Л. Пушкарёва и др. Большой интерес в последнее время вызывает не только сама русская усадьба как памятник культуры, но и личность «живого помещика» – владельца такого

⁶¹ См.: Полутина, Е.В. Социокультурная жизнь провинциального города на рубеже XIX-XX веков [Текст] : дисс. ... канд. ист. н. : 24.00.01 / Е.В. Полутина. – Саранск, 2006. – 219 с.

⁶² Новиков, В. Русская литературная усадьба [Текст] / В. Новиков. – М.: Ломоносовъ, – 2012. – С. 241.

имения, а также его повседневный быт⁶³. В работах Л.В. Беловинского, Е.Е. Дмитриевой, О.С. Евангуловой, Л.В. Ивановой, Т.П. Каждан, М.В. Нащокиной, В.И. Новикова, С.Д. Охлябинина изучались взаимосвязь духовных установок дворянина с его жизнедеятельностью в усадьбе, мировоззрением, просветительскими и научными устремлениями, общим вкладом в русскую культуру.

В современных исследованиях существует трудность определения понятия «усадебная культура», что, в свою очередь, связано с проблемой идентификации самого слова «усадьба». Важно отметить, что это понятие прежде существовало наряду с «вотчиной» и «поместьем», «владением» и «имением», и даже «деревней». На данный момент отсутствует единое определение «усадьбы», что стало причиной различных интерпретаций этого явления культуры. Одни исследователи вкладывают в его состав только основной архитектурный ансамбль, т.е. жилой дом помещика с парком, другие добавляют в это понятие еще прилегающие хозяйственные постройки, третьи отождествляют с «имением», которое трактуется в словаре Ожегова как «поместье, земельное владение; имущество, собственность (устар.)»⁶⁴. Сегодня «имение» и «поместье» считаются равными понятиями, о чем свидетельствует синонимический словарь З.Е. Александровой⁶⁵.

«В литературе конца XVIII – первой половины XIX вв. слово “усадьба”, встречающееся не часто, используется наряду с более распространенным в то время понятием “деревня”»⁶⁶. В соответствии со «Словарем языка Пушкина», слово «усадьба» употребляется в наследии великого поэта 8 раз, а «деревня» (в разных значениях) – 285 раз⁶⁷. Дело в том, что уклад усадебной жизни был тесно связан с природой, земледелием, охотой, родовыми обычаями и

⁶³ Охлябинин, С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века [Текст] / С.Д. Охлябинин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 27.

⁶⁴ Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9802> (дата обращения: 27.02.2014).

⁶⁵ Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов [Текст] / З.Е. Александрова. – 11-ое изд., перераб. и дополн. – М.: Рус. яз., 2001. – С. 161.

⁶⁶ Колягина, Т.Ю. «Усадебный» тип культуры в художественном сознании А.С. Пушкина [Текст] : автореф. дисс. ... канд. филологических наук : 10.01.01 / Т.Ю. Колягина. – Омск, 2007. – С. 8.

⁶⁷ Там же.

крестьянской культурой в целом, и, будучи окруженной деревнями, она и считалась такой же деревней.

Необходимо констатировать, что дворянская усадьба является преимущественно провинциальным феноменом, ибо до середины XIX века понятия «деревня» и «усадьба» были фактически равнозначными. Раздельное понимание их значений и локализация произойдет лишь во второй половине XIX века, когда слово «усадьба» войдет в литературу и культуру в своем буквальном значении⁶⁸.

По словам М.И. Долженковой, «культура усадеб представляла собой синтез культуры аристократической (элитарной), культуры крепостных интеллигентов и традиционной народной культуры»⁶⁹. Типичное дворянское поместье состояло из барского дома – усадьбы (с прочими хозяйственными постройками) и крестьянских деревень. С одинаковой уверенностью, с которой Россию XIX века называли страной крестьянской, ее можно назвать и дворянской. И касается это не только качественного уровня отечественной культуры, но и количественного. Оказывается, общее число поместий в империи составляло в середине XIX столетия несколько сотен тысяч, из которых около 90 процентов принадлежали бедным помещикам либо однодворцам⁷⁰. Однако нам «важна та потенциальная культура многих из этих мелкопоместных родов, которая постоянно подпитывала не только живущих в округе крестьян, но даже порой и власть имущих, государственных служащих»⁷¹.

Жизнь помещика проходила по одному сценарию изо дня в день. У разных писателей было написано много шуточных эпизодов о том, как помещики ленятся что-либо менять в своей жизни, не приемлют всего нового, неизвестного, или о том, как они глупо начинают себя вести и становятся

⁶⁸ Густова, Л.И. Трансформация образа усадьбы в русской поэзии XVIII- первой трети XIX вв. [Текст] : дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01 / Л.И. Густова. – Псков, 2006. – С. 7.

⁶⁹ Долженкова, М.И. Художественный мир провинциальной усадьбы [Текст] / М.И. Долженкова // Народные традиции в художественной культуре Тамбовского края: Практико-ориентированная монография. – Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2014. – С. 28.

⁷⁰ Охлябинин, С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века [Текст] / С.Д. Охлябинин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 140.

⁷¹ Там же.

объектом насмешек, попадая в высшее общество. В народном фольклоре существует много пословиц, в которых содержится та или иная характеристика помещика. При анализе 75 пословиц и поговорок В.А. Шаповаловым, только лишь 7 несут положительные характеристики и суждения о барине, остальные же – резко негативные⁷².

Считалось, что уездная аристократия всегда жила в свое удовольствие. Помещики ездили на охоту, содержали у себя шутов и приживалок, организовывали празднества, играли в карты, ходили в гости и сами их принимали в своем доме, занимались разведением особых пород собак или лошадей, проводили время на природе, прогуливаясь по своему имению, были погружены в различные земельные тяжбы и пр. Все это хоть как-то компенсировало провинциальную скуку.

Русское поместное дворянство было разномастным: от «старосветского» до новой чиновной аристократии, этим же определялся и усадебный уклад жизни. Одни помещики первой половины XIX века все еще сохраняли быт и традиции своих предков, другие все более придерживались светского тона, одним словом, были европейски ориентированы. Старинные обряды и обычаи со временем теряли свою актуальность, все чаще оставаясь элементом культуры крестьянства⁷³.

Если постараться представить расписание дня обычных жителей усадьбы, то оно приблизительно выглядело так: утро проходило в каких-либо индивидуальных занятиях, в обеденное время хозяева и их гости собирались в столовой, а по вечерам располагались в гостиной, где устраивались чтения литературных произведений, игры в шахматы, девушки были заняты вышиванием или вязанием. Редко, но все же имели место домашние спектакли или небольшие концерты.

⁷² Шаповалов, В.А. Русский помещик в народном фольклоре: благородство и жестокость (социально-психологический аспект) [Текст] / В.А. Шаповалов // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политологи. Экономика. Информатика, 2012. – №1 (120). – С. 96-107.

⁷³ Викулова, В.П. Быт провинциальной усадьбы и русские писатели первой половины XIX века [Электронный ресурс] / В.П. Викулова. – Режим доступа: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/202/> (Дата обращения: 01.07.2016).

Конечно же, значительный промежуток времени отводился на хозяйственные дела и заботы. Многие помещики в провинциальных усадьбах не доверяли своим старостам и управляющим, так как они небрежно распоряжались с не принадлежащим им имуществом и часто воровали у господ. Помещики старались все чаще сами вникать в тонкости и секреты хозяйственного производства и домоводства. Они ездили сами в поля, ходили в сараи смотреть за идущими работами, порой даже сажали сады, кормили животных. Некоторые из помещиков сами занимались расчетом и строительством хозяйственных помещений, конструировали предметы для аграрных нужд. Еще одним очень важным занятием было совещание с управляющими, ознакомление с ведением записей в хозяйственных журналах, а по утрам или вечерам обязательный подсчет различных расходов и доходов.

Женский мир сильно отличался от мужского, прежде всего тем, что она была исключена из сферы государственной службы. Ю.М. Лотман писал: «Подобная исключенность женщины из мира службы не лишала ее значительности. Напротив, роль женщины в дворянском быту и культуре в течение рассматриваемых лет [в начале XIX века] становится все заметнее»⁷⁴. Женская половина дома не была чужда разнообразных работ, домашних хлопот. Часто случалось, что после смерти мужа, помещицам приходилось брать в свои руки некоторые из дел по управлению имением. Барыни, бывало, сами участвовали в приготовлении обеда, варенья, только делали это не своими руками, а лишь присматривали за работой. Во всем этом чувствовалось соприкосновение с народной культуры.

Усадьба образованного, погруженного в творческий труд дворянина превращалась в культурный центр округа⁷⁵. Дворянская усадьба притягивала творческие силы со всех её окрестностей. В ней собирались неравнодушные к искусству, музыке и литературе люди, представители местной интеллигенции. Усадьбы зачастую сочетали в себе определенные шедевры архитектуры и

⁷⁴ Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-нач. XIX в.) [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство СПб», 1994. – С. 48.

⁷⁵ Новиков, В. Русская литературная усадьба [Текст] / В. Новиков. – М.: Ломоносовъ, – 2012. – С. 8.

садово-паркового искусства. «Можно сказать, что усадьба представляет собой в некотором смысле художественный перекресток. <...> Она домовито сводит под своей кровлей самые разнообразные потоки: русскую школу и россику, произведения старые (“родительские”, “дедовские”) и современные, высокого, среднего и даже посредственного качества, высокопрофессиональные и доморощенные...»⁷⁶. Русские дворяне воспитывались в этих усадьбах с раннего детства, там им прививали любовь к природе и красоте, народной культуре, учили нравственности.

В социально-культурном отношении дворянская усадьба становилась цельной самодостаточной системой, которая включала в себя богатейшие библиотеки, коллекции живописи и скульптуры, ансамбли садово-паркового искусства, усадебные музыкальные салоны и театры⁷⁷. Помещики с огромным удовольствием участвовали в любительских спектаклях, устраиваемых как членами семьи, так и дворовыми крестьянами. Поскольку в систему образования молодого дворянина или дворянки входила музыка, то ее исполнение можно было часто услышать на домашних вечерах-концертах. При усадьбах имелаась церковь, в которой звучало сакральное пение. Повседневность обитателей усадеб составляли как будние, так и праздничные дни. Для одних помещиков прием гостей был формальным ритуалом, для других же он становился формой дружеского общения.

Отметим то, что существовали и такие усадьбы, чьи культурные комплексы не замыкались на художественном обслуживании владельца, а экстраполировали свои художественные эталоны и ценности на соседние усадьбы, уезды и даже всю губернию⁷⁸.

По мнению Е.Н. Палий, «дворянская усадьба как исторический и культурный феномен России XVIII-XIX вв. сформировала новый,

⁷⁶ Евангулова, О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы [Текст] / О.С. Евангулова. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 25.

⁷⁷ Долженкова, М.И. Художественный мир провинциальной усадьбы [Текст] / М.И. Долженкова // Народные традиции в художественной культуре Тамбовского края: Практико-ориентированная монография. – Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2014. – С. 29.

⁷⁸ Там же, С. 35.

оригинальный вид салонной культуры»⁷⁹. Усадебные салоны имели свои характерные черты. Они отличались большей свободой в этикете, простотою манер, в чем и чувствовалось влияние и проявление народной культуры. Однако эта свобода и непринужденность часто приводила к такому явлению, как «смесь французского с нижегородским». «Смесь “французского с нижегородским”» выступает с особой откровенностью чаще именно в усадьбе, а не в городе, где все в большей степени лимитировано правилами общественного суждения. Более того, такое сочетание в усадьбе не кажется предосудительным»⁸⁰.

Отдаленность усадебного мира от центра, от столицы, накладывало определенный отпечаток: «С одной стороны, это неплохо, с другой – по той же причине многие достижения рискуют остаться неизвестными обитателям или доходят к ним с большим опозданием»⁸¹. Жизнь в русской усадьбе была изолированной, она протекала в ожидании новостей из столиц, уездного города, или просто из уст соседей.

Усадьбу можно считать сосредоточием как художественного, так и научного мира. Многое, конечно, зависит от степени просвещенности и состоятельности ее владельца. Приобщение к науке в усадьбах выражалось в коллекционировании книг (из чего следовало создание огромного библиотечного наследия), картин, скульптур, гербариев, бабочек и т.д. «Усадьба вбирала в себя наиболее значительные достижения того времени, которые шли в “родное гнездо” напрямую из столиц и создавали культурную среду для дальнейшего развития как самих хозяев усадьбы, так и для ближайшего окружения»⁸².

Вдохновение, полученное от жизни в усадьбах, русские классики воплотили в своих литературных произведениях (А.С. Пушкин «Евгений

⁷⁹ Палий, Е.Н. Салон как феномен культуры XIX века. Традиции и современность: Монография [Текст] / Е.Н. Палий. – М.: Изд-во «НЕФТЬ и ГАЗ», 2008. – С. 80.

⁸⁰ Евангулова, О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы [Текст] / О.С. Евангулова. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 27-28.

⁸¹ Там же, С. 75.

⁸² Медведева, М.В. Унесенные ветром. Воронежская дворянская культура эпохи романтизма [Текст] / М.В. Медведева // Романтизм как вектор развития культуры: академический и музейный опыт: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 7-9 октября 2015 г.) / науч. ред. Т.А. Дьякова. – Воронеж: Кварта, 2016. – С. 230.

Онегин», А.Н. Толстой «Детство Никиты»; Н.В. Гоголь «Мертвые души»; Л.Н. Толстой «Детство», «Война и мир»; И.А. Гончаров «Обломов», «Обрыв»; И.С. Тургенев «Дворянское гнездо»; Ф.И. Тютчев «Я встретил вас»; К.Д. Бальмонт «Памяти Тургенева» и т.п.). В частности, А.С. Пушкин называл ее «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья».

Сестра поэта Е.Б. Боратынского Софья, воспитываемая в тамбовской усадьбе Мара, так же как и ее брат, с восторгом отзывалась о своей малой родине. В частности, во время пребывания в 1822 году в Петербурге она написала письмо матери, Александре Фёдоровне, в котором были следующие строки: «Мы с братом не переставали повторять, что нет ничего лучше нашей деревушки!»⁸³ Ей очень понравилась северная столица, она оценила её архитектурное богатство и величественную красоту, но все же душе была ближе тихая и уютная усадьба.

Культура провинциального города и культура усадьбы хотя и были неравнозначными, но все же имели точки пересечения. Развиваясь по столичному образцу, провинциальный город заимствовал многие черты и в этом плане становился расширением культуры столицы. В окрестностях города формировалась особая усадебная культура, которая была одновременно и копией, и противоположностью столичной жизни аристократии. Возвращаясь с военной службы, или же просто приезжая с семьей на лето в усадьбу, помещик привозил с собой частицу столичной культуры. Уровень знатности и образованности, а также степень финансового богатства влияли на размер как самой усадьбы, так и на развитость художественного мира в ней.

Таким образом, культурная среда русской провинции обладала своими специфическими чертами. Отдаленность от двух «центров» огромной страны – Москвы и Петербурга – способствовала самостоятельному, во многом самобытному развитию. В 1800-1860 гг. в провинции все еще отсутствовали стабильные институты и механизмы передачи культуры. Центральное место

⁸³ Духовные традиции усадебной культуры рода Боратынских: Сб. материалов Всерос. науч. семинара [Текст] / Сост. и науч. ред. М.А. Климова. – Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 34.

здесь заняла просвещенная личность, которая осуществляя просветительскую деятельность, формировала эту самую культурную среду.

1.2. Социокультурные факторы формирования культурной среды Воронежской губернии 1800-1860-х гг.

С момента своего возникновения в 1585 году (точная дата основания до сих пор не установлена, но есть основания полагать, что его закладка состоялась зимой 1585-1586 годов, а весной 1586 года развернулись основные строительные работы)⁸⁴ город-крепость Воронеж стал надежным стражем на южных границах России, обеспечивая в конце XVI – начале XVIII вв. защиту государства от набегов крымских и ногайских татар, а также вторжения польско-литовских войск. Основными категориями населения были служилые люди, и соответственно, их главной обязанностью являлась военная служба. Воронеж был центром сначала Азовской, а после Воронежской губернии с 1715 по 1928 гг.

В 1696 году город стал «колыбелью» российского регулярного военно-морского флота, что было необходимым условием исполнения геополитических планов Петра I и важнейшим средством для решения государственных военно-политических задач. В петровскую эпоху провинциальный Воронеж практически взял на себя роль временной столицы государства. Это обуславливалось частыми и длительными приездами сюда царя, руководства страны, а также иноземных дипломатов, обсуждением и принятием в городе важных политических решений.

Если рассматривать культуру Воронежской губернии через призму обозначенных в предыдущем параграфе характеристик, то следует отметить, что географическое положение и природно-климатические условия наиболее заметно повлияли на социокультурное развитие губернии. Историк Г.М. Веселовский отмечал, что Воронежский край в судьбе России издавна имел

⁸⁴ Попов, П.А. Площадь пяти веков [Электронный ресурс] / П.А. Попов // Альманах «Университетская площадь». – 2011. – №4. – Режим доступа: <http://pus.vsu.ru/pdf/2011/2011-01-04.pdf>. (дата обращения: 25.06.15).

свою «особенную физиономию, отличную от других областей»⁸⁵. Так сложилось, во-первых, благодаря пограничному положению с Украиной, которое способствовало формированию настоящего культурного диалога. Выпускники Харьковского университета находили применение своим знаниям на Воронежской земле. Значительные заимствования народных обычаев, традиций, языка, фольклора, и в особенности быта – все это повлияло на специфику губернии.

Во-вторых, плодороднейшие черноземные почвы, теплый климат, обилие пастбищ и сенокосных угодий, лесные массивы, реки (Дон, Битюг, Хопер) благоприятствовали развитию аграрной, сельскохозяйственной мощи губернии. В первой половине XIX века основным функциональным типом поселений по-прежнему являлся земледельческий. В целом Центрально-Черноземный край в эти годы может быть охарактеризован как один из наиболее «сельских» районов России, так как городское население составляло меньше 10 % всех жителей.

В-третьих, через Воронежскую губернию проходил путь, соединявший Москву и Кавказ. Эта дорога сыграла важную в социально-культурном плане роль. По ней часто проезжали знаменитые государственные, общественные и культурные деятели, которые делали остановку в городе. В такие моменты на воронежской земле происходили встречи, знакомства, организовывались вечера, распространялись вольнолюбивые произведения российских и зарубежных авторов. Эти произведения содержали мысли о совершенно другой жизни, они волновали размеренный провинциальный мир, в какой-то степени активизировали общественную деятельность его жителей.

По поводу национального состава жителей края Г.М. Веселовский констатировал следующие данные: «Народонаселение губернии состоит из двух главных племен: великороссийского и малороссийского, где последнее составляет более 40 % населения всей губернии, кроме того, в губернии есть

⁸⁵ Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении [Текст] / сост. Г.М. Веселовский. – Воронеж: Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета, 1866. – С.1.

еще немцы-колониисты и цыгане, но их, сравнительно, самая ничтожная доля...»⁸⁶. Из чего следует, что население края было неоднородным, и это внесло определенный колорит в общекультурные процессы.

Важную роль в определении культурного облика Воронежского края сыграли представленные в нем сословия, из которых коренными считались купечество и мещанство. Мещанское сословие объединяло в себе людей, которые занимались ремеслами и мелкой торговлей. В старину слово «мещанин» не носило отрицательных характеристик, поскольку типично городское население было мещанским. В более ранних источниках это сословие именовалось посадскими людьми. С подписанием Екатериной II «Жалованной грамоты городам» было узаконено мещанское общество, которое наделили судебными функциями и правом создавать свой орган управления. В более позднее время мещанство характеризовалось утилитарным отношением к вещам, ограниченным мировоззрением, благоговением перед материальными ценностями, потребительским отношением к жизни, консервативными взглядами на мир, высокой самооценкой.

Не последнюю роль в развитии городов Воронежской губернии сыграло купеческое сословие. Неспроста говорили, что «купец (если он в первом поколении) – это полумужик»⁸⁷. Хотя представители купеческих родов по традиции рисовались погрязшими в темноте, разгуле и лени, именно это сословие заботилось об обеспечении города продовольствием, бытовыми товарами, одеждой; открывало заводы и фабрики, тем самым создавая рабочие места. Знаменитыми купеческими родами Воронежа были Титовы, Клочковы, Веретенниковы, Вяхиревы.

Особенностью воронежского купечества можно считать его тесную связь с дворянством. В «Военно-статистическом обозрении Российской империи» содержится следующая информация: «Граждане Воронежской губернии и в особенности города Воронежа, в мещанском и цеховом звании, мало чем

⁸⁶ Там же, С.7.

⁸⁷ Охлябинин, С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века [Текст] / С.Д. Охлябинин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 153.

отличаются от общего типа этого сословия в других русских губернских городах; что же касается до купцов, то это сословие преимущественно перед другими городами, имеет лоск образования, живет открыто и придерживается обычаев и тона дворянства, которому, к несчастью, подражает только в дурных его привычках, в клубах, игре и роскоши»⁸⁸. Однако уже в конце XVIII века появляются яркие примеры продвижения по сословной лестнице из купцов в дворяне. Такими стали фабриканты Гарденины и Тулиновы.

М.Ф. Де-Пуле в своем очерке, говоря о купце Иване Алексеевиче Придорогине, писал следующее: «...воронежское купечество, по крайней мере, аристократическая его часть, т.е. древние, богатые роды, всегда резко отличалось от типа русского купца, выработанного еще допетровской историей и всецело сохранившегося в ближайших к Воронежу торговых городах – Ельце и Козлове; оно приняло лоск европейского образования, подобно дворянству, и чуть ли не более, чем где-либо, с ним смешивалось и роднилось»⁸⁹.

Важную роль в распространении прогрессивных идей сыграли разночинцы, или как их еще называли «образованные простолюдины», которые начинают заметно выделяться в социальной и культурной жизни страны с 40-х годов XIX века⁹⁰. В историографии существует немало дискуссий по поводу определения этого термина. Основная проблема заключается в том, что в государственных документах не было выработано четких социальных границ этого понятия – кого относить к разночинцам. В имперской России не было последовательного метода определения социальных групп. Начиная с правления Николая I, общественные представления о разночинцах добавили новый культурный компонент к многочисленным правовым, административным и социальным значениям. Отталкиваясь от прежних

⁸⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального Штаба. Том XIII, ч. 2 «Воронежская губерния» [Текст]. – Санкт-Петербург: Типография департамента Генерального Штаба, 1850. – С. 34.

⁸⁹ Де-Пуле, М.Ф. Светлые черты воронежской жизни (из очерков «Николай Иванович Второв» 1847, «Иван Саввич Никитин» 1885) [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Бюллетень лаборатории региональной журналистики / сост. Д.С. Дьяков; под ред. Л.Е. Кройчика. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 110-111.

⁹⁰ Печерская, Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Мемуары, дневники, письма, беллетристика [Текст] : дисс. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Т.И. Печерская. – Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 1999. – С. 27.

определений разночинцев как незнатных образованных простолюдинов и социальных низов, выдающиеся писатели либерального и радикального направлений начали связывать эту категорию с широким социально-культурным кругом, и приносить в ее употребление особую ценностную окраску⁹¹. Одни писатели стремились осудить разночинцев, а другие – превознести, поскольку эта социальная группа всегда во многом противостояла застойному миру губернской элиты.

Подчеркивая провинциальную природу разночинцев, Н.К. Пиксанов писал следующее: «О пришествии в культуру разночинца много говорили. Но не договорили, что пришел он именно из провинции, из губернских, из уездных городов, из богатых сел»⁹². К воронежской разночинной интеллигенции относились местные литераторы, публицисты, книгоиздатели, владельцы книжных магазинов, преподаватели, а также актеры из профессиональных трупп и др. Эти люди противостояли невежественным провинциалам и брали на себя миссию просвещения населения.

Особое место в провинциальной культуре Воронежа занимали ссыльные люди. Попадая сюда, они сразу же начинали притягивать к себе местную общественность. Зачастую ссыльные люди были образованными, воспитанными, с хорошими манерами и своим особым мировоззрением, что не могло не нравиться здешним аристократам. Они были лишены возможности заниматься политической борьбой, вместо которой охотно отдавались всем культурным процессам (ярким примером может послужить пребывание в Воронеже с 1831-1832 гг. Михала Ромера, польско-литовского ссыльного⁹³).

Интересующий нас период оказался сопряжён с важнейшими историческими событиями в стране, а Воронежская губерния была сопричастна многим процессам общественных изменений. Можно говорить о подъёме общественно-политической и культурной жизни русского дворянства.

⁹¹ Виртшафтер, Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской Империи [Текст] / пер. с англ. яз. Т.П. Вечериной; под ред. А.Б. Каменского. – Москва: Логос, 2002. – С. 158.

⁹² Пиксанов, Н.К. Областные культурные гнезда [Текст] / Н.К. Пиксанов. – Москва: Государственное издательство, 1928. – С. 58.

⁹³ См.: Ромер, М. Письма из Воронежа (1831-1832) [Текст] / пер. с польского. Публикация и предисловие О.Г. Ласунского. Примечания А.Н. Акиншина. – Воронеж, 2013. – 104 с.

Воронежский край и его аристократические представители не стояли в стороне от общероссийских событий, а принимали в них активное участие. 24 июня 1812 года началась Отечественная война. Армия французского императора Наполеона продвигалась вглубь страны, а для защиты Отечества повсюду формировались полки из новобранцев. По словам Л.Б. Вейнберга, «патриотизм воронежцев проявился с такой силой, что этот период составил одну из лучших страниц истории города Воронежа»⁹⁴. Так, например, трижды на Бородинском поле в ходе битвы был ранен воронежский офицер и поэт А.Н. Марин. Позже он написал воспоминания о Бородинской битве и посвятил ей несколько стихотворений. Неоднократно воронежское дворянство было удостоено благодарности правительства, за оказанную помощь в ходе войны.

Другое узловое событие первой четверти XIX века – это восстание декабристов, которое также имело к Воронежскому краю отношение и некоторым образом повлияло на систему социально-исторических ориентиров передовых людей. Воронежский след в истории декабристского движения оставили К. Рылеев, М. Бестужев-Рюмин, Е. Лачинов, С. Раич и др.⁹⁵.

С начала XIX века менялся облик русской провинции. В крупных городах возводились архитектурные ансамбли, устанавливались памятники монументальной скульптуры. Изменялся внешний вид и самого центра Воронежа. В 20 годы XIX века в городе были замощены булыжником главные улицы. Шло полным ходом освещение территории. В 1825 (1826) году был построен каменный мост, который стал первым и до сих пор остается единственным арочным сооружением в городе. Проектировал его И.А. Блицын. На главной улице города, на Большой Дворянской, появилось много новых зданий. Архитектором Т.С. Кондратьевым с 1811-1813 гг. был построен жилой дом губернского предводителя дворянства В. Тулинова.

⁹⁴ Вейнберг, Л.Б. Город Воронеж: исторический очерк [Текст] / Л.Б. Вейнберг // Воронежский юбилейный сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа, т.1. – Воронеж: Воронежский губернский статистический комитет, 1886. – С. 176.

⁹⁵ Волдошинский, В.П. Декабристы – воронежский след [Текст] / В.П. Волдошинский // Романтизм как вектор развития культуры: академический и музейный опыт: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 7-9 октября 2015 г.) / науч. ред. Т.А. Дьякова. – Воронеж: Кварт, 2016. – С. 254-259.

В этот период, помимо губернского центра, активно растут и преобразуются в архитектурном отношении лишь несколько городов: Острогожск, Павловск, Новохоперск, Бобров и Борисоглебск. «Они, находясь в фокусе торговых путей, приобретают статус важнейших ярмарочных центров и в силу этого формируют вокруг себя районы интенсивного развития товарного хозяйства, с преимущественно сельскохозяйственной специализацией»⁹⁶.

Историю культуры Воронежского края нельзя представить без истории дворянских родов, каждый из которых внес свой вклад, свою лепту в сокровищницу русской культуры. Отметим, что значительная доля российского провинциального дворянства, особенно в преддверии отмены крепостного права, относилась к мелкопоместной страте. «<...> Именно эта категория дворянства и являлась олицетворением российского помещика, по своим жизненным стандартам и поведенческим стереотипам сильно отличаясь от представителей верхних страт поместного дворянства. Нередко низшие подгруппы мелкопоместных дворян по стилю жизни мало чем отличались от собственных крестьян, проводя целые дни за сохой или на других работах»⁹⁷.

Однако были и дворянские семьи, которые из поколения в поколение активно служили государству и оказывали существенное влияние на культуру. Так было и в Воронежской губернии. Один из древнейших родов Воронежского края – Веневитиновы. Свою историю они ведут с атамана Терентия (или Тереха), служившего в крепостце Веневе под Тулой. Отсюда и происходит фамилия Веневитиновы. За свою хорошую службу он получил от государя землю в 1622 году. В селе Новоживотинное построил дом, и велел жене и сыну Герасиму вести хозяйство, а сам тем временем продолжил воинскую службу. Осенью 1788 года Веневитиновы были внесены в шестую часть родословной книги российского дворянства⁹⁸.

⁹⁶ Кригер, Л.В. Архитектура исторических городов Воронежской области [Текст] / Л.В. Кригер, Г.А. Чесноков. – Воронеж: Центр духов. возрождения Чернозём. края, 2002. – С. 26.

⁹⁷ Шаповалова, И.В. Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья в 1850-х – начале 1860-х гг. [Электронный ресурс] / И.В. Шаповалова. – Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/lib_r/ru2sbor16.php (дата обращения: 25.06.15).

⁹⁸ Акиншин, А.Н. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии [Текст] / А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – С. 10.

На первую половину XIX века приходится страница из биографии Владимира Петровича Веневитинова (1777-1814) и его жены Анны Николаевны (1782-1841), троюродной тёти А.С. Пушкина. Владимир Петрович служил в Преображенском полку и как все состоятельные гвардейцы много кутил, жил на широкую ногу, играл в карты, частенько проигрывал большие суммы денег. Вскоре влез в долги, ушел в отставку и жил в Москве на Мясницкой улице, где у него был просторный гостеприимный дом, который знала, пожалуй, вся столица.

Пережив зиму, семейство Веневитиновых отправляло в Воронежскую губернию обоз с вещами, а потом и сами приезжали в свое «родовое гнездо». После шумной Москвы усадьба становилась раем для ее обитателей, в котором они могли отдохнуть душой и телом за чтением книг, прогулками по имению. У Владимира Петровича было пятеро детей, старшим из которых являлся Дмитрий Владимирович (1805-1827). Тонкая натура, поэт-романтик, философ, прожив очень короткую жизнь, он оставил после себя драгоценное поэтическое наследие. Он входил в литературное окружение Пушкина, которое оказало на него сильное влияние. В последний раз Дмитрий Владимирович посетил Новоживотинное после окончания Московского университета, это произошло летом 1824 года. Нужно отметить, что это село оказало огромное влияние на творчество поэта. В письмах к сестре есть такие строки: «Всякий раз, когда я переправляюсь через Дон, останавливаюсь на середине моста, чтобы полюбоваться на эту чудную реку, которую глаз хотел бы провожать до самого устья, которая протекает без всякого шума, так же мирно, как само счастье»⁹⁹. Можно смело сказать, что село Новоживотинное открыло поэту путь к литературе, здесь «начал формироваться его подлинно русский характер, его национальное мировоззрение»¹⁰⁰.

⁹⁹ Веневитинов, Д.В. «Спокойно дни мои цвели в долине жизни...». Стихотворения. Письма из деревни [Текст] / Д.В. Веневитинов. – М.: Белый город, 2013. – С. 150-151.

¹⁰⁰ Новичихин, Е.Г. Веневитинов и Новоживотинное [Текст] / Е.Г. Новичихин // Первые Веневитиновские чтения: Статьи. Исследования. Очерки. – Воронеж: Отд. Союза писателей России; Обл. лит. музей им. И.С. Никитина. – 2010, Печ. в тип. «Колибри». – С. 55.

После хозяином усадьбы в Новоживотинном стал брат Дмитрия Алексей Владимирович (1806-1872) и его жена Аполлинария Михайловна (1818-1884), в девичестве графиня Виельгорская. Алексей Владимирович был очень тесно связан со столичной аристократической средой, в которой царила поэзия и музыка. «Так что едва ли будет натяжкой предположить, что литературные тени витали в животиновских поместьях Веневитиновых»¹⁰¹. Алексей Владимирович в усадьбе бывал нередко, при нем произошла отмена крепостного права.

Другим знатным родом Воронежской земли стал род Станкевичей. Станкевичи считали, что произошли от сербского короля Стефана Душана, однако подтверждения этой информации пока не нашлось. Владимир Иванович Станкевич (1786-1851) был у себя в уезде исправником и предводителем дворянства. Обосновался он со своей семьей в усадьбе Удеревка Бирюченского уезда Воронежской губернии. У него и его жены Екатерины Иосифовны (1794-1866) родилось восемь детей, среди которых яркой фигурой был Николай (1813-1840).

Николай Владимирович появился на свет в Острогожске, и здесь же он окончил уездное училище, затем воспитывался в Воронеже в пансионе Павла Кондратьевича Федорова. Потом учился в Московском университете, где им был создан знаменитый литературно-философский кружок поклонников гегельянства. Станкевич был в теплых дружеских отношениях с поэтом Кольцовым, которому в свое время оказал помощь и поддержку в его литературном творчестве. К моменту встречи Николай Владимирович был, по местным меркам, известным литератором, поскольку уже опубликовал в столичных «Бабочке», «Атенее», «Северных цветах» с десяток своих стихотворений¹⁰².

¹⁰¹ Акиншин, А.Н. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии [Текст] / А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – С. 15.

¹⁰² Карташов, Н.А. Станкевич [Текст] / Н.А. Карташов. – М.: Молодая гвардия, 2013. – С. 44.

Творчество Николая Станкевича, начавшееся в Воронеже, к сожалению, угасло рано. После окончания университета в 1834 г., он уже к нему не возвращается, а когда его друг Я.М. Неверов, надеясь видеть в нем второго Пушкина, усердно поощрял его занятия поэзией, Станкевич насмешливо отзывался о своих стихотворных опытах. Вскоре он вообще перешел к философии¹⁰³.

Мемуарист П.В. Анненков, подчеркивая многосторонний талант Станкевича, написал следующие строки: «Он никогда не был исключительно философ, занимающийся отвлечением и логическими постройками без устали, также как не был обожателем искусства до забвения природы, или любитель природы, который принадлежит обществу только за невозможность его избежать. Он был как дома во всех этих сферах и обращался в них с равной свободой, способность сосредоточиваться в идее не лишала его способности постигать явления жизни во всей их индивидуальности; серьезные цели мышления не притупляли его живой восприимчивости; он также легко восходил на высоту отвлечения, как и спускался с нее; душа его находила себе столько же пищи в произведении искусства, сколько и в уединенных полях и рощах его Удеревки»¹⁰⁴.

Однако не только дворяне вносили вклад в развитие культуры, но и некоторые воронежские губернаторы, занимавшие сей пост в период с 1800-1860 гг., во многом способствовали развитию края. Были среди них и такие, которые проявили себя больше как подвижники культуры и искусства. Они способствовали как внешнему обустройству города, так и его духовному росту.

Кривцов Николай Иванович (1824-1826) – один из самых знаменитых воронежских губернаторов. Своей известностью он обязан, пожалуй, знакомству с А.С. Пушкиным. Николай Иванович родился в 1791 году в селе Тимофеевском Болховского уезда Орловской губернии. Происходил из

¹⁰³ Воронежская литературная беседа: Материалы и исследования по истории литературы и театра [Текст] / под. ред. А.М. Путинцева. – Воронеж: Издание Воронежского Губполитпросвета и Никитинского музея, 1925. – С. 15.

¹⁰⁴ Анненков, П.В. Николай Владимирович Станкевич: переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым [Текст] / П.В. Анненков; [вступ. статья Е.М. Таборисской; науч. коммент. М.И. Медового; под ред. А.Б. Ботниковой, Ю.Л. Полевого]. – Воронеж: Кварта, 2013. – С. 72.

достаточно знатного, богатого рода. В 1807 году вступил в лейб-гвардии Егерский полк. Участвовал в Отечественной войне и заграничных походах. Был тяжело ранен, почему и оставил впоследствии службу. Кривцов три года провел в путешествии по Европе, где познакомился с Шатобрианом, Бенжаменом Констаном, Талейраном и др. После возвращения на родину Николай Иванович сразу вошел во все знаменитые литературные салоны столиц, подружился с Н.М. Карамзиным, П.А. Вяземским, В.А. Жуковским и, конечно, с А.С. Пушкиным. Б.Н. Чичерин в своих воспоминаниях писал: «В салонах или в театре, в ученом обществе или у себя дома, везде он искал мысли, ценя ее в других, стараясь развить ее в себе и постоянно имея в виду одну высшую цель: приготовить себя на служение Отечеству»¹⁰⁵.

В 1824 году Н.И. Кривцов назначается губернатором в Воронеж и сразу же начинает активную деятельность по благоустройству города. Г.М. Веселовский потом назовет его строительную активность «кипучей». Свое внимание он обратил на мощение нагорных улиц и спусков, ведущих к реке, строительству моста, обеспечение города водой, устройство бульвара для гуляний на Большой Дворянской. Его дом в ту пору привлекал общественность, здесь проходили балы. Так в августе 1824 года губернаторский дом посетил поэт Дмитрий Владимирович Веневитинов, о чем он сообщил в своем письме: «Мы посетили губернатора, которого раньше встречали у Льва Алексеевича и который сразу пригласил нас к себе обедать в тот же день. <...> Губернатор – человек очень любезный, и его дом, я полагаю, единственный, где можно спастись от скуки, царящей обычно в Воронеже»¹⁰⁶.

В 1826 году Н.И. Кривцов был переведен из Воронежа в Нижний Новгород, навсегда покинув наш город. По одной из версий, случилось это из-

¹⁰⁵ Чичерин, Б.Н. Из моих воспоминаний (По поводу дневника Н.И. Кривцова) [Текст] / Б.Н. Чичерин // Русский архив. – 1890. – №4. – С. 503.

¹⁰⁶ Чернышев, М.А. «В душе неразгаданной думы тая...» О жизни и творчестве Д.В. Веневитинова [Текст] / М.А. Чернышев. – Саратов: ИИЦ ГКПО «Заволжье», 1992. – С. 93-94.

за того, что его брат Сергей Иванович Кривцов состоял в Северном обществе и был арестован прямо у него дома, в особняке на Большой Дворянской улице¹⁰⁷.

Губернатор Бегичев Дмитрий Никитич (1830-1836) – одна из ярчайших фигур местного правления, которая мощно проявила себя в социокультурной сфере. Родился он в 1786 году в селе Никитское Ефремовского уезда Тульской губернии и принадлежал к старинному дворянскому роду, ведущему свое происхождение от татарского мурзы Бегича¹⁰⁸. В десятилетнем возрасте родители его определили в Пажеский корпус. Служил в качестве адъютанта командира Чугуевского казачьего полка. Он участвовал в сражениях при Аустерлице, Фридланде и в 1812 году. В 1819 году вышел в отставку, а в 1830 году Дмитрий Никитич был назначен воронежским гражданским губернатором с производством в чин статского советника.

Нужно отметить, что в это время по воронежской земле и за ее пределами часто проявлялись и оглашались чудесные исцеления от нетленных мощей Святителя Митрофана. Ежегодно в Воронеж приезжали богомольцы. Летом 1830 года приток богомольцев был настолько велик, что началась эпидемия холеры. Губернатор проявил себя как очень талантливый, просвещенный администратор: «При таких затруднительных обстоятельствах Д.Н. Бегичев показал свою вполне самоотверженную деятельность. Являясь сам первым щедрым доброхотным благотворителем, он сумел склонить многих местных дворян и купцов к пожертвованиям и на них устроил в короткое время больницу для холерных больных на 200 человек»¹⁰⁹. Однако летом 1833 года губернию накрыла засуха, вызвавшая сильный голод, но и здесь Дмитрий Никитич поступил очень грамотно. Он убедил многих помещиков взять на себя заботу о прокормлении крепостных крестьян: «Заблаговременно Д.Н. Бегичев лично объехал всю губернию, исследовал нужды народа и затем принял

¹⁰⁷ Волдошинский, В.П. Декабристы – воронежский след [Текст] / В.П. Волдошинский // Романтизм как вектор развития культуры: академический и музейный опыт: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 7-9 октября 2015 г.) / науч. ред. Т.А. Дьякова. – Воронеж: Кварта, 2016. – С. 258.

¹⁰⁸ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710-1917: Историко-биографические очерки [Текст] / ред.-сост. А.Н. Акиншин. – Воронеж: Центр.-Чернозем. книжное изд-во, 2000. – С. 182.

¹⁰⁹ Литвинов, В.В. Воронежский губернатор Д.Н. Бегичев и его распоряжения при открытии мощей св. Митрофана и перенесении их из Архангельского собора в Благовещенский [Текст] / В.В. Литвинов // Воронежская старина: [сборник: в 14 вып.]. – Воронеж: Издание Воронежского Церковного Историко-Археологического Комитета, 1914. – Вып. 13. – С. 110.

благоразумные меры к своевременной подаче помощи всем нуждающимся в хлебе, причем заботу о прокормлении крепостных крестьян он возложил на их владельцев-помещиков, у большинства которых были запасы ржи».¹¹⁰

Губернатором была предпринята инициатива по сооружению памятника Петру Великому, который предполагали открыть на Острожном бугре, а в цейхгаузе устроить храм во имя св. Митрофана, отведя особую комнату для музея истории кораблестроения в городе. Проект Д.Н. Бегичева был высочайше утвержден Императором Николаем I 15-го мая 1834 года¹¹¹. Из столицы прислали различные живописные и гравированные работы для музея. Губернатор отдал распоряжение, в котором приглашал все сословия Воронежской губернии к пожертвованиям. В этом же году на пожертвования был куплен цейхгауз и сразу же начались работы по его благоустройству. Поначалу дела шли весьма успешно, вызывая всеобщую заинтересованность и помощь, но с отъездом инициатора строительство прекратилось. Памятник открыли лишь в 1860 году, а музей так и не создали.

Дмитрий Никитич увлекался беллетристикой и был известен как автор романов и повестей. В 1832 году он издал нравоописательный роман «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» (1832). По словам племянницы автора Е.П. Соковниной, «роман “Семейство Холмских” есть произведение бытописательное и в высшей степени нравственное»¹¹². Этот роман пользовался серьезной популярностью в городе, а события и персонажи, описанные в нем, угадывались местными жителями. Император Николай I в свое пребывание в городе положительно оценил это произведение. Другими произведениями губернатора стали «Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия» (1840), «Быт русского дворянства в разных эпохах и обстоятельствах его жизни» (1851), «Быт русского дворянина» (1855).

¹¹⁰ Там же, С. 112.

¹¹¹ Там же, С. 113.

¹¹² Соковнина, Е.П. Воспоминания о Д.Н. Бегичеве [Текст] / Е.П. Соковнина // Исторический вестник, 1889. – Т. 35. – № 3. – С. 663.

Воронежская губерния была хорошо описана автором в произведении «Провинциальные сцены» (1840).

Хорошо знаком Бегичев был и с Алексеем Кольцовым, которому много помогал в решении денежных тяжб его семьи. Губернатор подарил Кольцову один экземпляр «Семейства Холмских» с автографом, на что поэт ответил стихотворением «Благодетелю моей родины», напечатанным после отъезда Дмитрия Никитича из Воронежа¹¹³.

Отметим, что увлеченность губернских руководителей написанием художественных произведений и весь общий интерес к литературе, который проявлялся повсеместно в Воронеже в 1800-1860 гг. – все это подготавливало почву к формированию воронежского литературоцентризма, который наиболее ярко себя проявит в XX веке. Литературоцентризм как «упорное тяготение культуры в целом к литературно-словесным формам самопрезентации»¹¹⁴, проявлялся еще и в занятиях сбором и изучением фольклора местными поэтами, писателями и общественными деятелями. Среди наиболее ярких фольклористов этого периода назовем А.В. Кольцова и А.Н. Афанасьева.

Как пишет исследователь Т.Ф. Пухова, что работа по собиранию, обработке и анализу фольклорного материала в Воронежской области началась еще в XIX веке¹¹⁵. Первые записи воронежских песен и пословиц были сделаны известным воронежским поэтом – Алексеем Васильевичем Кольцовым (которые в дальнейшем подготовил к печати и опубликовал (438 пословиц) А.М. Путинцев¹¹⁶, проведя детальнейшее обследование воронежских архивов). Занятия А.В. Кольцова торговлей скотом давали ему хорошую возможность постоянного общения с народом, возможность записывать песни, пословицы,

¹¹³ Корниенко, Н.Г. Очерки по литературному краеведению [Текст] / Н.Г. Корниенко. – Воронеж: ВГПУ, 2007. – С. 30.

¹¹⁴ Кондаков, И.В. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX-XXI вв. [Электронный ресурс] / И.В. Кондаков // Вопросы литературы. – 2008. – №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2008/5/ko5.html> (дата обращения: 20.06.15).

¹¹⁵ Пухова, Т.Ф. Изучение фольклора и этнографии в Воронежском крае [Электронный ресурс] / Т.Ф. Пухова. – Режим доступа: <http://folk.phil.vsu.ru/hist/hist.doc> (дата обращения: 20.06.15).

¹¹⁶ См.: Путинцев, А.М. А.В. Кольцов как собиратель русских народных пословиц [Текст] / А.М. Путинцев // Труды Воронежского гос. Ун-та, 1926. – Т. III. – с.75-94.

поговорки не только в Воронежской губернии, но и даже в Московской. Это же дело продолжил и поэт И.С. Никитин.

Знаменитый издатель русских народных сказок, историк литературы, фольклорист, мифолог, библиограф А.Н. Афанасьев в историю русской культуры вошел как создатель двух фундаментальных трудов: знаменитого сборника «Народные русские сказки» и книги «Поэтические воззрения славян на природу». Сборник «Народные русские сказки» является серьезным изданием не только отечественной, но и мировой фольклористики, поскольку во многом способствовал началу научного собирания и изучения восточнославянских сказок. Афанасьев, живя в Москве, поддерживал отношения с воронежской интеллигенцией. Во время своих приездов в Воронеж он посещал заседания «второвского кружка», организовывал сбор фольклорного материала по всей губернии¹¹⁷.

Качественную информацию о быте и частной жизни воронежцев можно получить и из зарубежных источников. Профессор Кембриджского университета, писатель и путешественник Эдвард Даниэль Кларк в 1800 году приехал в Российскую Империю. Следуя на юг, в казачью станицу, он посетил город Воронеж и окрестные сёла. В своей книге «Travels in Russia, Tartary, and Turkey» (перев. «Путешествия по России, Татарии и Турции») он делает ценные зарисовки характера и менталитета местного населения.

Эдвард Кларк очень часто сравнивает увиденное им в Воронеже с Европой. Так, например, экстерьер деревенских домов (хат), по его мнению, похож на тот, что популярен в Уэльсе, Шотландии. Интерьер, в свою очередь, сродни норвежскому. А небольшой сад, разбитый около дома, напоминает ему сад английских крестьян. Описывая воронежскую землю, автор поражается «беспредельным степям» и «благоуханию цветущих растений» в июле. В городе он обратил внимание на многочисленность цыган, и что удивительно,

¹¹⁷ Пухова, Т.Ф. А.Н. Афанасьев и воронежский фольклор [Электронный ресурс] / Т.Ф. Пухова. – Режим доступа: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/nasled_afanasiev2003/pukhova.pdf (дата обращения: 20.06.15).

смешанных браков. Отмечает большое число воронежцев украинского происхождения.

Путешественника поразила физическая непохожесть местного населения на столичное. В частности он пишет: «Приближаясь к югу империи, яркие черты русских людей всё реже встречаются. К счастью путешественника, чем дальше он уезжает из того места, которое ошибочно полагает цивилизованной частью страны, тем ему всё реже приходится жаловаться на воровство, мошенничество и лицемерие»¹¹⁸. Или же: «Мы начали замечать, что чем дальше продвигаемся от обыкновенных скоплений русских людей, тем всё больше встречаем вежливость и гостеприимство – полную противоположность тому, к чему нас заранее готовили жители Москвы»¹¹⁹.

Проанализировав письма Михала Ромера, польско-литовского ссыльного, находившегося в Воронеже с 1831-1832 гг., мы получаем яркое представление о домашнем досуге жителей города. Воронежцы первой половины XIX века большую часть своего свободного времени отводили визитам и приему гостей. Визиты представляли собой кратковременное официальное посещение (обычно не более 15 минут) кого-либо с целью общения, обмена информацией, поздравления с праздником и др. Количество таких визитов за день могло достигать большого числа. Так, Михал Ромер в своем письме жене писал: «В первый день праздника нанес 13 визитов, а как на второй день крутился, уж и не помню»¹²⁰. Пожилые главы семейства с хозяйками сидели весь день дома и принимали гостей, для которых у них всегда был накрыт стол. Представители дворянства и некоторые служивые люди совершали такие визиты не только по праздникам. Принимать визитеров начинали не ранее двух часов дня и не позднее шести. В некоторых семействах существовали специально обозначенные приемные дни. Когда возникали внезапные визиты, то этих гостей провожали в гостиную, где им предлагали посидеть и подождать за

¹¹⁸ Авторский перевод: Clarke, E. Travels in Russia, Tartary, and Turkey [Text] / Edward Daniel Clarke. – 1848. – P. 123.

¹¹⁹ Там же, С. 128.

¹²⁰ Ромер, М. Письма из Воронежа (1831-1832) [Текст] / пер. с польского. Публикация и предисловие О.Г. Ласунского. Примечания А.Н. Акиншина. – Воронеж, 2013. – С. 72.

различными напитками и иногда семейными альбомами. Если же визитеры не заставляли хозяев дома, в таком случае оставлялись визитки, печатавшиеся в лучших типографиях города. Существовал своеобразный язык визитных карточек, на которых с особым значением могли загибать уголки или же слегка надрывать их. Как важная составляющая светского этикета визит был делом достаточно утомительным, хотя бы потому, что необходимо было приходить с ответным визитом.

Немного отличной от визитов формой общения были хождения в гости. Ходили по гостям по приглашению. В деловых кругах такие встречи определялись соображениями выгоды. Со временем в городе все больше начало входить в моду устройство званых обедов с заранее объявленным меню.

Особое место в домашнем обиходе воронежцев занимали музицирование и пение. Как писал исследователь музыкальной жизни Воронежа Ю.В. Воронцов, «среди воронежских меломанов тогда было очень распространено домашнее музицирование, и нередко даже концерты выдающихся музыкантов проводились в домах богатых помещиков и высших чиновников для узкого круга приглашенных гостей»¹²¹. Молодые люди должны были уметь разбираться в музыке, чему их прилежно учили с раннего детства, а навык игры на инструменте всегда оказывался в почете. Богатые родители нанимали учителей для своих чад. Вокруг определенных семей, которым искусство не было чуждым, складывались кружки любителей музыки, своеобразные салоны, отдалённо напоминающие столичные. В их домах устраивались музыкальные вечера, на которых встречались люди из разных социальных групп, что было очень характерно для провинциального общества.

Популярными музыкальными инструментами в домашнем быту стали фортепиано, скрипка, гармоника и даже балалайка, что может в который раз засвидетельствовать о тесной связи светской и народной культуры в провинциальных кругах. В среде военных излюбленным инструментом часто

¹²¹ Воронцов, Ю.В. Музыкальная жизнь дореволюционного Воронежа. Исторические очерки [Текст] / Ю.В. Воронцов. – Воронеж: изд-во «Левый Берег», 1993. – С. 22.

была гитара, на ней прекрасно исполнялись романсы, имевшие огромную популярность в ту пору. О моде на музыкальную жизнь в городе указывает факт наличия нескольких специализированных магазинов.

К 40-м годам XIX века музыкальная жизнь Воронежской губернии становится разнообразнее. В репертуаре действующего театра особое место занимают комические пьесы – водевили, в которых важную роль играет музыкальное сопровождение таких знаменитых композиторов, как А.А. Алябьев, К.А. Кавос, А.Н. Верстовский. Со временем начинают ставиться оперные спектакли.

Излюбленным занятием воронежцев, помимо визитов и музыки, было посещение театра, который являлся одним из центров культурной жизни города Воронежа на протяжении всего XIX века. Как писал исследователь театральной жизни города З.Я. Анчиполовский, «провинциальный театр является важной составляющей всей русской культуры, который обогащает наши представления об искусстве. Он позволяет судить не только о распространенности социальных, нравственных и эстетических идей, наиболее характерных для эпохи. Он служит еще выражением интеллектуальной, духовной жизни»¹²².

Зарождение театральных традиций в городе уходит в конец XVIII века, когда в 1787 году при доме наместника В.А. Черткова был создан любительский театр, а в 1801 году в Воронеже выступала первая профессиональная труппа актеров. В 1820-х годах представления шли в специальном театральном помещении на Никитинской площади. В начале XIX века в репертуаре было около 37 пьес (в их числе трагедии Сумарокова, а также немецких и французских авторов). В театре выступали М.С. Щепкин, П.С. Мочалов, Н.Х. Рыбаков.

Видным воронежским драматургом того времени был Андрей Матвеевич Эллин. Будучи членом дирекции, Эллин принимал деятельное участие в жизни театра, участвовал в постановке спектаклей, вел репетиции с актерами. Среди

¹²² Анчиполовский, З.Я. Старый театр. Воронеж 1787-1917 [Текст] / З.Я. Анчиполовский. – Воронеж: ИПЦ «Черноземье», 1996. – С. 298-299.

пьес, изданных в Воронеже, наиболее интересны: «Пролог на Новый Год», «Горы, или Пустынник от ревности», «Американец в Европе», «Ошибка от сходства лиц» и др. Ему театр обязан обширным репертуаром, включавшим трагедии, мещанские драмы и комические оперы.

В эпистолярных источниках содержится как положительная, так и отрицательная информация об уровне спектаклей в театре. Много, конечно, зависело от игры актера. С приездом в театр столичной звезды город просыпался. В одном из писем А.В. Кольцова к Белинскому сообщается весьма любопытная информация: «Мне скучно в Воронеже: живу-страдаю, – людей нет, одиночество, жутко; дела грязны и время берут почти все сутки. Однако ж, ни на что несмотря, я, кажется, недели три поживу хорошо, и, может быть, примусь за работу. Двадцать третьего апреля приехал к нам Павел Степанович Мочалов с женою, и раз уж, вчера, двадцать восьмого, играл “Скопина Шуйского”, тридцатого будет играть “Коварство и любовь”, второго мая – “Смерть или Честь”, шестого – “Гамлета”, потом “Отелло”, “Короля Лира”, “Ненависть к людям”. И у нас в Воронеже большой праздник; у театра шум и давка. Он пробудил наш сонный город»¹²³. Примечательно то, что в этих письмах содержится ещё и образ города. Его поэт видит «сонным». Далее в письме он добавляет еще одну характеристику, говоря о том, что ему «трудно жить в тихом, материальном городе»¹²⁴.

Представители высшего сословия Воронежа проявляли интерес к балам, маскарадам, танцевальным и поэтическим вечерам, на которых общение сочеталось с развлечением. Бальный сезон начинался осенью и длился всю зиму до Великого поста. Балы бывали разные в зависимости от сословной принадлежности организатора: дворянские и купеческие. Их устраивали в частных домах, при клубах, существовали публичные платные и ученические.

Молодых барышень начинали вывозить на бал с 15 лет, где они должны были вести себя скромно, в рамках этикета. В специальный блокнотик дамы

¹²³ Письма А.В. Кольцова [Текст] / под ред. П. Смирновского. – М.: типография А.В. Васильева и Ко, дом Обиной, 1901. – С. 33.

¹²⁴ Там же, С. 33.

записывали имена кавалеров, приглашающих пройти тур. Умение танцевать было важным навыком. Танцы преподавали в средних учебных заведениях, в частных домах, куда подбирали равное количество дам и кавалеров. Распорядителем бала указывалась последовательность танцев в специальных карточках, выдаваемых при входе.

Бал в Воронежском кадетском корпусе всегда был самым большим светским событием города. Его устраивали на Михайлов день 8 ноября. В этот торжественный, праздничный день сюда приезжали все военные, дворяне, выпускники и родственники учащихся. Существует описание празднования годовщины в кадетском корпусе в «Губернских ведомостях» 1846 года: «8-го Ноября, в торжественный день тезоименитства Его Императорского Высочества Государя Великаго Князя Михаила Павловича Корпус имени Его Высочества праздновал годовщину своего открытия, тем искреннее и тем радушнее, что главный виновник существования этого заведения, Попечитель Корпуса, в Воронеже по случаю Высочайше возложенной на него инспекции. Накануне праздника совершено было в церкви Корпуса всенощное бдение в присутствии многочисленных посетителей. Наутро к 9 часам Директор, все чины Корпуса и воспитанники имели честь представиться Его Превосходительству *Николаю Дмитриевичу Черткову*, а к 10-ти часам собрались в корпусе: Начальник 1-й Драгунской дивизии Генерал-Лейтенант Барон Врангель, Военный Губернатор Генерал-Майор Барон Фон-дер-Ховен и другие генералы, первоклассные чиновники, Дворянство»¹²⁵.

Воронежский губернский предводитель дворянства С.А. Викулин, владея оркестром из крепостных крестьян, очень любил устраивать разного рода празднества. В одном из своих писем М. Ромер дает описание маскарада, состоявшегося в феврале 1832 г.: «Дам было только 23, а мужчин около ста, среди них один в дамской маске. Дамы же без масок все – высокого положения, одетые, как на бал. При входе нас встретили распорядители Клуба, имеющего

¹²⁵ Годовщина Михайловского Кадетского Корпуса [Текст] // Воронежские губернские ведомости. – 1846. – №46. – С. 221-222.

здесь помещение, и ввели в боковую комнату зала. Когда съехались первые гости, маскарадные забавы открылись польским танцем, после чего мужчины за несколькими столиками за колоннами зала сели играть в вист, остальная же публика, сидя или прохаживаясь по залу, слушала музыку, играющую вальсы, англезы, мазурки и т.д. <...> Многочисленный оркестр вельможного пана губернского маршала звучит вполне гармонично. Я слушал музыку, и, беседуя с некоторыми знакомыми, разглядывал компанию, развлекающуюся в последние дни карнавала так, как у нас развлекаются в Великий пост, и, узнав, что купцы и мещане, не будучи на маскараде, веселее в своих домах время проводят, в одиннадцать часов вернулся домой»¹²⁶.

В противовес будничным дням существовали праздники, которые вырывали человека из однообразной, рутинной жизни и возвышали его эмоциональный тонус. Праздничные дни сочетали в себе отдых, общение, развлечение и выполняли объединяющую функцию. Большинство праздников были религиозными, среди которых самыми главными можно назвать Рождество и Пасху. Эти праздники у жителей региона требовали особой подготовки: накопления денег, покупки продуктов, пошив новой одежды. Участие в религиозном празднике включало посещение церкви, раздачу милостыни и участие в крестном ходе. По мнению местных историков, Воронеж всегда отличался добрыми православными традициями¹²⁷. Главными религиозными праздниками здесь были 7 августа – день открытия мощей святителя и чудотворца Митрофана, первого епископа Воронежского, и 23 ноября (по старому стилю) – день преставления Митрофана.

Таким образом, культурная инфраструктура Воронежской губернии 1800-1860 гг. не была сильно развитой, многое зависело от отдельных активных личностей. Поскольку здесь не проживало крупнопоместное дворянство, не было такой насыщенности именитыми аристократическими родами, как в

¹²⁶ Ромер, М. Письма из Воронежа (1831-1832) [Текст] / пер. с польского. Публикация и предисловие О.Г. Ласунского. Примечания А.Н. Акиншина. – Воронеж, 2013. – С. 34.

¹²⁷ Попов, П.А. Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII – начала XX века [Текст] / П.А. Попов, Б.А. Фирсов. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – С. 6.

столицах, то роль подвижников культуры играло мелкопоместное дворянство, купечество и мещанство, а также губернаторы, священнослужители и преподаватели местных учебных заведений. Университета в качестве главного источника культурной жизни не было. Деятельность местного театра была направлена на удовлетворение потребностей немногочисленной аудитории и в большей степени носила развлекательный характер. Первая попытка открытия библиотеки еще в первой трети XIX века не увенчалась успехом. Серьезных журналов в Воронеже не издавалось до начала 60-х годов XIX века. Лишь благодаря усилиям отдельно взятых просветителей менялся культурный облик всей Воронежской губернии.

Глава II. Роль просвещенной личности в формировании культурной среды Воронежа 1800-1860-х гг.

2.1. Система образования Воронежской губернии 1800-1860-х гг. как источник формирования просвещенной личности

Современные ярославские исследователи пришли к выводу, что «эпицентрами созидательных импульсов, обладающими глубокой укорененностью в культуре городского универсума, масштабностью и разнообразием интеракций, являются две компоненты провинциального культурного локуса: образование и искусство»¹²⁸. На основе такого положения можно выделить следующие места сосредоточения социокультурной деятельности, наличие и функционирование которых можно считать показателем культурной среды провинциального города: учебные заведения, литературно-музыкальные кружки, салоны, вечера, театр, библиотеки, книжные и музыкальные лавки.

Одним из главных показателей культуры общества всегда было развитие системы образования. Из образовательной среды выходили просвещенные личности, которые создавали и распространяли культуру. Эти личности работали педагогами в местных учебных заведениях, были причастны к развитию печати в городе, собирались в кружки, занимались изучением края, переводили зарубежную литературу, становились инициаторами открытия библиотеки, выписывали журналы, газеты, ноты и редкие книги из столицы, тем самым распространяя их среди провинциальной публики.

В Воронеже 1800-1860 гг. собственного университета как главного источника просвещения еще не было. Но, несмотря на это, вся губерния находилась под сильным влиянием трех других умственных центров:

¹²⁸ Дидковская, Н.А. Российский провинциальный город как сфера реализации коллективных и личностных культуротворческих стратегий в исторической динамике [Текст] / Н.А. Дидковская // Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального: коллективная монография / под науч. ред. М.В. Новикова, Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. – С. 128.

Харьковского, Московского и Казанского. Выпускники этих учебных заведений своими знаниями повышали уровень культурной жизни в провинции.

М.Ф. Де-Пуле в одном из своих очерков писал о роли университетских выпускников следующее: «...провинции даже оживели, благодаря наплыву университетской молодежи <...>. Так было везде, так было и в Воронеже, но с тою лишь разницей, что здесь в числе университетской молодежи большинство составляли воспитанники Харьковского университета; это же большинство преобладало и в старшем образованном поколении, что и придавало, естественно, всему образованному обществу не только города Воронежа, но и целой губернии, особенную физиономию».¹²⁹

Влияние Харьковского университета было особенно сильным в южных уездах (где преобладало малороссийское население), до 20-х годов XIX в. входивших в состав Слободско-Украинской губернии (Острогожский, Бирюченский, Богучарский и частью Павловский уезд). Особенно выделялся по культурному значению город Острогожск, который еще называли «Воронежскими Афинами». Из числа образованных семейств этой местности пользовались известностью Станкевичи, Фирсовы, Тевяшовы (родственники по жене К.Ф. Рылеева), Харины, Шидловские и др. С 30-х годов стало усиливаться влияние Московского университета, чему способствовали выпускники-педагоги. А в 50-е годы, с приездом Н.И. Второва и К.А. Александрова-Дольника, Воронеж жил под влиянием Казанского университета.

Создание в 1802 году Министерства народного просвещения положило начало новой эпохе в системе образования. Учебное дело было выделено в особую часть, и государство взяло на себя заботу об образовании народа. Так, начиная с XIX века в Воронежской губернии активно развивается система образования. Новые социально-экономические условия требовали квалифицированных кадров для провинции, которыми столица не могла обеспечивать в достатке все регионы огромной страны, это и послужило причиной роста числа учебных заведений. На 1807 г. в Воронежской губернии

¹²⁹ Де-Пуле, М.Ф. Николай Иванович Второв [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Русский архив. – 1877. – №6-8. – С. 436.

насчитывалось 7 гимназий: в Воронеже, Бирюче, Валуйках, Боброве, Павловске, Верхососенске и Задонске.¹³⁰ 17 января 1809 года в Воронеже открыта губернская мужская гимназия – среднее общеобразовательное учреждение, которое получило собственное помещение лишь только в 1822 году¹³¹. Гимназия была преобразована от Главного народного училища, основанного еще в 1786 году. По правительственному распоряжению в начале XIX века гимназии открывались во всех губернских городах.

Первый педагогический коллектив гимназии выглядел следующим образом: «директор – Григорий Андреевич Петров, из дворян, премьер-майор. Закончил Главное Петровское лютеранское училище в Петербурге. <...> Дмитрий Семенович Борзенков – учитель российской словесности и философии, изящных наук и политической экономии, Закона Божьего. Из духовного звания, выпускник Харьковского университета. Матвей Иванович Славинский – учитель истории, географии и статистики. Из дворян, выпускник Харьковского университета. <...> Григорий Данилович Шрамков – учитель математических наук. Из духовного звания, выпускник Белгородской духовной семинарии, затем Харьковского университета. Дю Боа де Ливри – учитель французского языка. «Французской нации», из офицеров. Жан Бабтист де Лойбель – учитель немецкого и латинского языков. «Венский уроженец». Григорий Федотович Сысуев – учитель рисовального искусства. «Из польской нации». Первый учитель рисования, специально обучавшийся этому предмету в Харьковском Главном народном училище»¹³².

Как мы можем заметить, значительная часть преподавательского состава являлась выходцами Харьковского университета, поскольку гимназия была подчинена харьковскому учебному округу¹³³.

¹³⁰ Голицын, И.А. Статистические таблицы Всероссийской Империи или физическое, политическое, статистическое начертание России с XIX столетия, из новейших писателей извлеченное [Текст] / И.А. Голицын. – Москва: В Губернской типографии у А. Решетникова, 1807. – С. 47.

¹³¹ Загоровский, В.П. Воронеж: Историческая хроника [Текст] / В.П. Загоровский. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1989. – С. 81.

¹³² Пыльнев, Ю.В. История народного образования Воронежского края: (конец XVII – начало XX века): монография [Текст] / Ю.В. Пыльнев; ред. М.Д. Карпачев. – Калининград: Аксиос, 2012. – С. 129.

¹³³ Веселовский, Г.М. Исторический очерк воронежской гимназии от 1785 до 1835 года [Текст] / Г.М. Веселовский // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб., 1861. – С. 336.

Особенно ярко в преподавательской среде выделяется М.И. Славинский (1733-1824), которого можем назвать просвещенной личностью. Матвей Иванович помимо преподавательской деятельности занимался еще изучением края. Одним из главных его трудов можно считать исследование «Историческое, статистическое и топографическое описание Воронежской губернии» (1818 г.). «Уроженец Черниговской губернии М.И. Славинский отметил различия в сельскохозяйственных занятиях, бытовой культуре, языке, одежде, менталитете в целом между великороссами и малороссами, показал, как шло заселение края и формировались эти различия»¹³⁴. Он также опубликовал ряд печатных статей в «Журнале департамента народного просвещения» (1822 г., части 2-4).

Что касается организации учебного процесса, то выделенных министерством средств для гимназии не доставало: жители города нанимали помещение для этого учебного заведения до постройки собственного здания. «В 1817 г., вследствие неоднократных просьб директора к воронежским почетным гражданам, с общего согласия дворянства, купечества и мещанства гимназии был подарен каменный двухэтажный дом. Дополнительным источником пополнения гимназической казны являлись пожертвования. Ежегодные частные и публичные испытания использовались для воздействия на общество в целях получения разного рода пожертвований в пользу гимназии. Гимназическое начальство предлагало посетителям подписной лист, на котором каждый желающий записывал свои пожертвования. Богатые граждане Воронежа проявляли сочувствие к нуждам гимназистов и даже брали некоторых из них на свое иждивение»¹³⁵.

Многие выпускники этой гимназии впоследствии стали знаменитыми людьми. Например, в 1831-1833 гг. здесь обучался русский и украинский историк, этнограф, писатель Николай Иванович Костомаров; Лев Федорович

¹³⁴ Акиншин, А.Н. Этнографическое изучение Воронежского края в конце XVIII – начале XXI века [Текст] / А.Н. Акиншин // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2015. – №4. – С. 44.

¹³⁵ Кораблина, Л.Н. Благотворительность и народное образование в Воронеже в конце XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс] / Л.Н. Кораблина // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. – Режим доступа: <http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/c35b724d27a34028d743071f2ad0fd34d8a40390.pdf> (дата обращения: 22.02.15).

Змеев – известный врач, историограф русской медицины, библиограф получал образование здесь с 1847-1852 гг.; Александр Николаевич Афанасьев – российский этнограф, фольклорист и историк прошел полный курс с 1837-1844 гг.; М.Ф. Де-Пуле – краевед, публицист и педагог обучался в гимназии с 1836-1842 гг. В гимназию часто заходил поэт А.В. Кольцов, который дружил с педагогами И.С. Дацковым, И.А. Добровольским, директором гимназии З.И. Трояновским, а после П.И. Севостьяновым.

Отдельно остановимся на личности Ивана Семеновича Дацкова (1814-1872). Он окончил философский факультет Харьковского университета (1834). Работал учителем латинского языка в гимназии (1834-1850), преподавал географию в Воронежском Михайловском кадетском корпусе (1850-1869). Помимо преподавательской деятельности живо интересовался театром. Историки считают его первым театральным критиком Воронежа. И.С. Дацков опубликовал в «Воронежских губернских ведомостях» несколько отзывов на проходившие спектакли конца 30-х - 40-х годов XIX века¹³⁶.

В июле 1837 г. Воронеж посетил будущий император, великий князь Александр Николаевич. В его свите находился знаменитый русский поэт В.А. Жуковский, а также историк, статистик, автор школьного учебника «Краткая всеобщая география» К.И. Арсеньев. Столичные гости посетили гимназию, в которой Василий Андреевич Жуковский выступил с речью, тепло отзываясь о творчестве А.В. Кольцова. Он обратился с просьбой к местным педагогам поддержать поэта в его творчестве, что впоследствии и было исполнено.

Социальный состав и число учащихся Воронежской губернской гимназии по состоянию на декабрь 1826 г. был следующим: «Всего учеников в 1 классе – 29 человек: дворян – 24, мещан – 2, отпущенник – 1, обер-офицеров – 1, иностранцев – 1. 2 класс – всего 15 человек: дворян – 6, обер-офицеров – 5, войсковых жителей – 2, иностранцев – 1, отпущенник – 1. 3 класс – всего 13 человек: дворян – 4, обер-офицеров – 3, мещан – 4, однодворец – 1, купец – 1. 4 класс – всего 6 человек: дворян – 5, обер-офицеров – 1. Женского пола – нет во

¹³⁶ См.: Дацков, И.С. Театральная хроника [Текст] / И.С. Дацков // Воронежские губернские ведомости. – 1851. – №6. – С. 6.

всех классах»¹³⁷. Из этих данных видно, что основу гимназии составляли дети дворян и обер-офицеров – 50 человек, остальные представляли различные сословия. Всего в Воронежской гимназии обучалось на тот момент 63 человека, что выглядело очень малым числом.

«По идее организаторов реформы 1803-1804 гг. каждый крупный город должен был иметь университет, губернский – гимназию, уездный – уездные училища, а села – приходские. В действительности же из 553 губернских и уездных городов 131 город не имел ни одной школы»¹³⁸. В сельской местности училища часто отсутствовали. Во многих губернских городах гимназий совсем не было. Одной из серьезных проблем оставалась нехватка преподавателей и низкая заработная плата. Денежное содержание учителей в гимназиях и уездных училищах не достигало прожиточного минимума, по этой причине престиж педагогической профессии падал, а качество обучения понижалось.

Явной проблемой была еще и несоразмерность учеников: в младших классах их было во много раз больше, чем в старших, что свидетельствовало о желании родителей как можно быстрее забрать детей из гимназии и определить куда-нибудь на службу. Получив навыки чтения и письма, мальчики должны были помогать семье вести хозяйство, торговые дела и пр.

«Таким образом, гимназия с трудом решала поставленные перед ней задачи – “готовить учащихся к слушанию академических или университетских курсов наук”. Общество не было заинтересовано в среднем образовании, для большинства многопредметная программа гимназий казалась излишней роскошью. В таком виде гимназия была обречена на вымирание. Ее реформирование стало насущной необходимостью»¹³⁹.

Для того чтобы еще лучше представить образовательную среду начала XIX века обратимся к воспоминаниям воронежского дворянина Алексея Аникеевича Бартенева (1792-1860). Перейдя во второй класс народного

¹³⁷ Пыльнев, Ю.В. История народного образования Воронежского края: (конец XVII – начало XX века): монография [Текст] / Ю.В. Пыльнев; ред. М.Д. Карпачев. – Калининград: Аксиос, 2012. – С. 137.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же, С. 138.

училища, А.А. Бартенев так описывает своего учителя: «Там учитель был другого разбора – г. З[еновьев]¹⁴⁰, строгий в полном смысле, назидательный до неимоверности: из ста учеников своего класса он каждого знал даже наклонности. Главные предметы этого класса были: пространный катехизис, священная история, грамматика, чисто-и-правильно писание по-русски и по-латыни; хотя латинскому языку и не учили. У учителя 2-го класса преподаваемым им предметам не выучивались только сущие лентяи, да неспособные к понятию. Он их отсаживал на задние столы; на первых же учились дети лучших фамилий <...>. А за средним столом сиживал с краю отличный по понятливости и поведению ученик; он назывался у нас просто запищик. До прихода учителя, или во время отлучки его из класса в свои комнаты, в том же корпусе бывшие, этот запищик наблюдал за благонаравием и тишиной в классе. На черной доске, висевшей пред глазами всех учеников, записывал он всех шалунов в два ряда крупными литерами, в красной строке обозначившимися словами: шумели, дрались. Под эти красные строки каждый день вписывалось более десятка фамилий. <...> Терпение его было неимоверно: без преувеличения можно сказать, что в классе его не выучивался только тот, кто нигде и никогда не мог ничему выучиться»¹⁴¹.

Далеко не всегда в среде провинциального дворянства поощрялись стремления своих чад к наукам. Так, отец А.А. Бартенева достаточно скептически относился к учебе своего сына, причиной чему во многом был неудачный жизненный опыт соседа: «Этот студент-академик произвел неприятное влияние на мысли отца моего в отношении ученых: отец мой, мало ученый, подумал, что если б сосед его меньше учился, то был бы счастливее; а потому не дозволил мне учиться иностранным языкам и звездочетству, по его словам – чтобы не вскружить головы»¹⁴². И еще: «Не нужно забивать голову латынью, довольно, если и на своем языке будешь хорошо учиться, – будешь

¹⁴⁰ Зеновьев Алексей Павлович (ок. 1765 – до 1815), преподаватель Главного народного училища в 1790-1807 гг., затем профессор уездного училища в 1786-1812 гг.

¹⁴¹ Бартенев, А.А. Жизнь и воспоминания одного дворянина [Текст] / А.А. Бартенев // Из истории Воронежского края: сб. статей. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2009. – Вып. 16. – С. 265.

¹⁴² Там же, С. 264.

человеком»¹⁴³. В 15 лет А.А. Бартенев закончил свое обучение в 3-ем классе, а в четвертом классе, где преподавались высшие предметы, его отец не посчитал нужным оставлять, испугавшись за сына, чтобы тот «не увлекся заманчивой идеальностью, подобно соседу его многоученому»¹⁴⁴.

Еще раз подчеркнем, что недоверие к просвещенным личностям в провинции было сильным. К высокообразованным людям относились с опаской. «В глухих углах провинциального мира в тридцатых годах с ужасом смотрели на университет, а особенно московский: слово студент было равносильно понятию буяна, вольнодумца и безбожника»¹⁴⁵.

На средней ступени между губернской гимназией и приходскими училищами (по Уставу за 1804 г.) находились уездные училища. Учились там дети из дворянских и купеческих сословий, а также крепостные крестьяне. Свое финансирование уездные училища получали из казенных средств, а иногда из пожертвований частных лиц. В уездных училищах в течение 2 лет два преподавателя вели следующие предметы: «Закон Божий, Священную историю, русскую грамматику, чистописание, правописание и правила слога, всеобщую географию и географию России, всеобщую и русскую историю, арифметику, начальные правила геометрии, начальные правила физики и естественной истории, начальные правила технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности, рисование».¹⁴⁶ Нижнее отделение первого класса было подготовительным отделением. Преподаватель и ученики этого отделения находились в подчинении у штатного смотрителя училища. Со временем нижние отделения (приходские училища) начали самостоятельно работать.

В 1808 году по просьбе Г.Г. Шпажинского, смотрителя Острогожского малого народного училища, это учебное заведение преобразовали в Острогожское уездное училище. Это было первое уездное училище в

¹⁴³ Там же, С. 269.

¹⁴⁴ Там же, С. 271.

¹⁴⁵ Де-Пуле, М.Ф. Алексей Васильевич Кольцов [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб., 1861. – С. 405.

¹⁴⁶ Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. [Электронный ресурс] / АПН СССР. – М.: Педагогика, 1987. – Режим доступа: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000027/index.shtml> (дата обращения: 19.03.2016).

Воронежском крае. На 1821 год в нём насчитывалось 58 детей. С 1822 по 1824 гг. здесь учился будущий поэт, переводчик и глава знаменитого кружка Николай Владимирович Станкевич. В 1849 году Острогожское уездное училище с отличием закончил великий русский художник Иван Николаевич Крамской¹⁴⁷.

«В 1809 году после разделения Главного народного училища на базе младших классов открылось Воронежское уездное училище. В первом полугодии 1809 года Воронежское уездное училище посещали 157 мальчиков, а уже к 1810 году количество учеников возросло до 210 человек»¹⁴⁸.

С 1813 года в училище получал знания Александр Васильевич Никитенко (1805-1877), который в будущем станет известным литературным деятелем, профессором Петербургского университета, академиком. С первых дней обучения он проявил себя как очень хороший и способный ученик, что позволило ему в 1815 году окончить училище с «превосходными успехами». С 1820 года в Воронежском уездном училище обучался Алексей Васильевич Кольцов, который позднее станет великим русским поэтом-песенником. А.В. Кольцов учился неплохо, но не смог сдать переводные экзамены во второй класс. Оставшись на второй год в первом классе, он начал часто пропускать занятия и в скором времени полностью прекратил обучение.

На низшей ступени в образовательном процессе находились приходские училища. С 1806 по 1826 годы в Воронежской губернии открылись следующие приходские училища: «Лосевское (Павловский уезд), Верхнетишанское (Бобровский уезд), Ровенское (Острогожский уезд), Алексеевское (Бирюченский уезд), Никитовское (Валуйский уезд), Ливенское (Бирюченский уезд), Николаевское (Валуйский уезд) и другие»¹⁴⁹. В приходских училищах могли обучаться дети всех сословий, возраста и пола. По состоянию на 1828 год в училищах числилось 395 мальчиков и 6 девочек¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Дмитриев, В. Образование в Воронежской губернии в первой половине XIX века [Электронный ресурс] / В. Дмитриев. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2015/03/13/1981> (дата обращения: 21.03.16).

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

За один год дети осваивали чтение, письмо, арифметические действия, изучали Закон Божий и нравоучения, читали книгу «Краткое наставление о сельском домоводстве, произведениях природы, сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья». Приходские училища, которые находились в городах, содержались городскими властями, в сёлах с государственными крестьянами – этими крестьянами, во владельческих сёлах – помещиками.

Однако очень часто случалось так, что дети в приходских училищах не получали тот уровень знаний, который требовался, и через некоторое время после открытия их закрывали. В деревнях школ почти не было, так как помещики редко стремились к образованию детей крепостных крестьян, а государственные крестьяне пользы в учебе не видели.

Наличие религиозного образования было почетным. По словам М.Ф. Де-Пуле, «значение духовной семинарии в общественном мнении нашего города было особенно велико»¹⁵¹. Перед родителями часто стояла дилемма, куда отдать своего ребенка учиться: в гимназию или семинарию. Руководствуясь отчасти нравственными и отчасти практичными соображениями, выбор падал на семинарию. «Религиозное направление в преподавании и во внешнем образе жизни, духовное начальство и, главное, необыкновенная уживчивость и способность семинариста на всяком месте и при всех обстоятельствах ориентироваться – вот что, мы думаем, заставляло родителей предпочитать семинарию другим учебным заведениям»¹⁵².

Воронежская духовная семинария, основанная еще в 1745 году, стала отправной точкой в развитии некоторых знаменитых учеников, несмотря на все существовавшие негативные отзывы по поводу уровня образования и дисциплины в ней. «В условиях неграмотности основной массы населения деятельность духовенства на ниве просвещения была объективно полезной как

¹⁵¹ Де-Пуле, М.Ф. Алексей Васильевич Кольцов [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб., 1861. – С. 406.

¹⁵² Там же.

в организации школ, так и в обучении детей грамоте»¹⁵³. Иван Бутков, Евгений Болховитинов, Андрей Серебрянский, Иван Никитин – все это имена известных просвещенных личностей, когда-то учившихся в стенах семинарии. Здесь же проходили собрания кружковцев, интересовавшихся литературой, философией и искусством. Благодаря изменению правительственной политики и значительным усилиям ее выпускника, а потом и учителя Е.А. Болховитинова, Воронежская духовная семинария стала важным культурно-образовательным центром для местного края, выпускающим учителей для народных училищ, чиновников присутственных мест. Она формировала интеллектуалов, внесших значительный вклад в развитие общественной и литературной жизни в Воронеже и всем крае.

Отдельное внимание стоит уделить библиотекам, существовавшим при учебных заведениях, которые были одними из главных проводников культуры и просвещения в ряды учащейся молодежи. «К числу вспомогательных учреждений для распространения образованности принадлежат библиотеки, имеющиеся при гимназии, уездных и приходских училищах, при корпусе и при семинарии; во всех библиотеках, находящихся при гражданских учебных заведениях, считается до 12 000 томов; сверх того при гимназии есть кабинеты: физический, минералогический и нумизматический; такие же находятся и при корпусе, но кроме этих средств, не для всех доступных, за исключением двух книжных лавок, имеющиеся в г. Воронеже, никаких других не имеется»¹⁵⁴.

Семинарская библиотека разделялась на три отдела: капитальный (фундаментальный), библиотека чтения (ученическая библиотека), «продажная библиотека»¹⁵⁵. Библиотека Воронежской семинарии признавалась одной из лучших по своей опрятности и богатству книгами. Однако нельзя не признать одного существенного недостатка этой библиотеки: «Развитие ее остановилось

¹⁵³ Ершов, Б.А. Система духовного образования в Воронежской губернии в XIX веке [Электронный ресурс] / Б.А. Ершов // «Образование и общество»: Научный, информационно-аналитический журнал. – Режим доступа: http://www.jeducation.ru/5_2010/105.html (дата обращения: 18.02.16).

¹⁵⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального Штаба. Том XIII, ч. 2 «Воронежская губерния» [Текст]. – Санкт-Петербург: Типография департамента Генерального Штаба, 1850. – С. 62-63.

¹⁵⁵ Никольский, П.В. История Воронежской духовной семинарии. Ч. 1-2 [Текст] / П.В. Никольский; вступит. статья А.Н. Акиншина. – Новое изд., доп. – Воронеж: Образ, 2011. – С. 360.

еще в начале нынешнего века. Литературою до этой эпохи, особенно богословскою, библиотека семинарская очень нескудна; с началом же нынешнего века она наполнилась преимущественно только духовными журналами; что же касается до прочих отраслей науки, то, кроме книг по сельскому хозяйству, очень мало можно встретить в ней порядочных сочинений»¹⁵⁶.

«До 1826 года книги из капитальной библиотеки совсем не выдавались ученикам в комнаты, только некоторым ученикам позволялось пользоваться книгами в самой библиотеке»¹⁵⁷. Малодоступность библиотеки для учеников объяснялась боязнью начальства за целостность книг, небрежностью библиотекарей и цензурными условиями. Еще 1818 году вышло распоряжение Петербургского академического правления об осторожной выдаче книг из библиотеки, так как в некоторых сочинениях могли содержаться мысли далеко не нравственные.

Невозможность пользоваться нормально семинарской библиотекой заставляла очень многих семинаристов брать книги у знакомых и в частных библиотеках. Условия стали меняться к лучшему с открытием магазина И.С. Никитина: «Он с семинаристами обращался как с людьми, для которых чтение не составляло одного только развлечения. У него семинарист мог получить нужное сочинение»¹⁵⁸.

Начиная с 1820-х годов стремительно открываются пансионы. В 1820-1827 гг. обучает пансион госпожи Журдан. В 1830 г. открыт пансион для благородных девиц г. Деннер, в 1838 г. – пансион для благородных девиц г. Сомме. «Пансионы, которые были более доступными для девочек, обучали детей зажиточных воронежцев: из дворянского сословия – около 80%, из купечества – 12%, из иностранцев – 8%. Эти частные учебные заведения имели

¹⁵⁶ Воронежские губернские ведомости [Текст]. – 1862. – №8. – С. 74.

¹⁵⁷ Никольский, П.В. История Воронежской духовной семинарии. Ч. 1-2 [Текст] / П.В. Никольский; вступит. статья А.Н. Акиншина. – Новое изд., доп. – Воронеж: Образ, 2011. – С. 360.

¹⁵⁸ Воронежские губернские ведомости [Текст]. – 1862. – №8. – С. 74-75.

различные учебные программы»¹⁵⁹. В пансионах преподавали следующие предметы: Закон Божий, русский язык, арифметику, географию, историю, французский и немецкий языки, рисование, каллиграфию, музыку, танцы, рукоделие¹⁶⁰. Таким образом, женское образование тоже начинает хоть как-то развиваться.

В 1834 году воронежское дворянство обратилось с просьбой об учреждении Воронежского кадетского корпуса. Была собрана определенная сумма денег, как оказалось впоследствии, недостаточная для основания в Воронеже подобного заведения, и эта просьба была отклонена. Позднее, в 1836 году, Н.Д. Чертков пожертвовал 1,5 миллиона ассигнациями и 1000 крестьян для строительства кадетского корпуса¹⁶¹. Чертков хотел, чтобы дворянские дети отдавали предпочтение военной службе. Движимый этой целью, он и принял главное участие в его основании. В своем ходатайстве к государю Чертков просил, чтобы кадетский корпус назвали в честь великого князя Михаила Павловича.

В сентябре 1837 года состоялась торжественная закладка главного здания. Директором нового кадетского корпуса, по предложению Черткова, назначили полковника А.Д. Винтулова. Сам же Чертков стал попечителем. 8-го ноября 1845 года, состоялось торжественное открытие, о чем сообщается в «Губернских ведомостях»: «Сердца русские примут живое участие в торжестве Воронежа при появлении нового рассадника отечественного просвещения. Пожертвование генерал-майора Николая Дмитриевича Черткова и благотворительность почтеннейшего дворянства Воронежской губернии ныне осуществлялись. По высочайшему повелению возникли громадные, красивые и прочные здания корпуса, как бы отдельный город, который останется на веки памятником особенного благоволения государя императора к дворянству и его образованию. Корпус открыт в день тезоименитства его императорского

¹⁵⁹ Дмитриев, В. Образование в Воронежской губернии в первой половины XIX века [Электронный ресурс] / В. Дмитриев. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2015/03/13/1981> (дата обращения: 21.03.16).

¹⁶⁰ Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 год [Текст] / под ред. Н.И. Второва. – Воронеж: Издание Воронежского губернского статистического комитета: В типографии губернского правления, 1856. – С. 12.

¹⁶¹ Историческая записка о Михайловском Воронежском кадетском корпусе: С прил. списков воспитанников за 50 лет. (1845-1895 гг.) [Текст]. – Воронеж: Изд. Воронежского Михайловского кадетского корпуса, 1895. – С. 3.

высочества государя великого князя Михаила Павловича и назван августейшим его именем»¹⁶².

Открытие корпуса было громким событием, в котором приняла участие большая часть города: «11 ноября в воскресенье, отслужив молебен Угоднику Святителю Митрофану и приложась к мощам, воспитанники были представлены Высокопреосвященному Антонию, который с поучительной речью благословил каждого кадета особой иконой Св. Угодника. Попечителем корпуса генерал-майором Чертковым в тот же день в 8-и часу вечера дан был, в новой корпусной зале, блистательный бал, на котором находилось более 400 особ. Дети корпуса, по желанию его превосходительства, танцевали с малолетними дочерьми почтеннейших гостей. Кадеты своевременно оставили собрание, бал же продолжался далеко за полночь с общим необыкновенным удовольствием. Ужин в столовой корпусной зале был исполнен радушия и прекрасного веселья. Так совершилось открытие Михайловского кадетского корпуса в Воронеже»¹⁶³.

По замечанию современников, в кадетском корпусе увлечения гуманитарными и естественными науками преобладали над специальным военным образованием.

Поскольку Н.Д. Чертков был попечителем кадетского корпуса, он и в дальнейшем помогал учебному заведению, а весть о его смерти всколыхнула общественность: «На днях получили мы горестное известие из Петербурга о кончине весьма уважаемого, незабвенного для нас генерал-лейтенанта Николая Дмитриевича Черткова, попечителя, им сооруженного Михайловского кадетского корпуса. Весть о смерти столь щедрого благотворителя бедных сирот, великодушного сеятеля неocenенного дела для государства блага, — образования юношества, глубоко тронула сердца как благодетельствованных им родителей, для которых он был ангелом-утешителем, подающим руку

¹⁶² Об открытии Воронежского Михайловского Кадетского Корпуса [Текст] // Воронежские губернские ведомости. — 1845. — №46. — С. 283.

¹⁶³ Там же, С. 286.

помощи, так и детей, которым он дал средство сделаться достойными сынами отечества»¹⁶⁴.

Художественная жизнь провинции развивалась в контексте художественной культуры страны и имела в каждом регионе свои особые черты. Исследователь М.А. Кривцова полагает, что в художественной культуре Воронежского края всегда присутствовало изобразительное искусство, важным компонентом развития которого было художественное образование¹⁶⁵. Хотя на протяжении первой половины XIX века и были предприняты попытки открыть специальную художественную школу Ф.Ф. Чуриковым и М.И. Пономаревым, однако они так и не получили реального воплощения. Дело в том, что созданию художественных учебных заведений в провинции сильного внимания со стороны властей не уделялось. Их появление во второй половине XIX века было во многом связано с местной инициативой, конкретными заинтересованными личностями.

Таким образом, отсутствие университета в городе компенсировалось за счет приезжих педагогов – просвещенных личностей. Однако обозначенные выше учебные заведения не могли взять на себя весь объем культурно-просветительской работы, в которой так нуждалась губерния. Отсутствие городской библиотеки, нехватка книг в библиотеках при учебных заведениях, недостаточное финансирование всей системы образования сказывалось на его уровне. Ко всему прочему, в 1800-1860 гг. получение образования в большей степени было доступно детям, родители которых принадлежали к имущим сословиям, да и нередко жители сами не изъявляли желания отдавать на учебу своих чад.

¹⁶⁴ Малыхин, П. Местная хроника [Текст] / П. Малыхин // Воронежские губернские ведомости. – 1852. – №48. – С. 314.

¹⁶⁵ Кривцова, М.А. Художественное образование в российской провинции: Воронежская бесплатная рисовальная школа [Текст] / М.А. Кривцова. – Воронеж: Кварта, 2015. – С. 21.

2.2. Просветительские кружки Воронежа 1800-1860-х гг. как сфера актуализации деятельности просвещенной личности

Воронежский край заявил о себе как о динамично развивающейся территории России в начале XIX века. Отдаленность от столиц способствовала формированию своеобразной провинциальной культурной среды, важнейшим условием которой стало появление мест сосредоточения культурных явлений и деятелей. Передовые литературные процессы, протекавшие в указанный период в провинции, сконцентрированы были в определенных локусах и постоянно расширялись за счёт творческих сил извне.

Таковыми социокультурными локусами для Воронежского края стали просветительские кружки с просвещенной личностью во главе. Подчеркнем, что просвещённая личность обладала следующими чертами: образованием, стремлением к саморазвитию и развитию своего окружения, производством интеллектуального наследия. Е.А. Болховитинов, А.П. Серебрянский, Н.С. Тарачков, Н.И. Второв, М.Ф. Де-Пуле – просвещённые личности, которые собирались в кружки, занимались просвещенческой деятельностью и тем самым создавали особую культурную среду провинциального города.

С конца XVIII века – начала XIX века Воронеж развивается в своем культурном значении. Издревле Воронежский край был знаменит своими народными песнями и музыкальными наигрышами. Частыми гостями города становились, особенно в ярмарочные дни, бродячие музыканты, певцы, рассказчики. По праздникам молодёжь распевала песни, водила хороводы. Особым спросом среди населения пользовались пришлые комедианты – цыгане, болгары. Всё многообразие и богатство народного устно-поэтического и музыкального творчества вызывало особую заинтересованность у образованной части воронежского общества. С целью получения большего знания, посредством обсуждения полученной информации, представители просвещенной части воронежского общества стали постепенно объединяться и собираться в назначенные дни, в определенном месте. Так создавался

интеллигентский кружок, представлявший собой «организационно сложившееся единство лиц соответствующей социальной прослойки, которых сплотило, прежде всего, совпадение ключевых идейных, общественных устремлений»¹⁶⁶. Для кружка не было столь важным количество его участников и форма его существования. Большое значение имел сам факт деятельности, направленной на реализацию просветительских целей.

В этих кружках сплачивалась наиболее прогрессивная, неравнодушная и талантливая часть интеллектуалов, лучшие представители купеческого и мещанского сословий, а также дворяне. Отметим, что провинциальные кружки, в отличие от столичных, были более разночинными. Появление в губернско-уездных городах яркой, незаурядной личности становилось заметным событием, вносящим определенные изменения в размеренный, «слишком» спокойный провинциальный образ жизни. Такая личность не оставалась незамеченной, и сразу же притягивала к себе схожих по интересам людей, образуя неофициальные коллективы. Целью их деятельности была наука, просвещение и культура.

Начало кружковым формам объединения в Воронеже было положено на рубеже XVIII-XIX веков собраниями просвещенной личности, историка Евфимия (Евгения) Алексеевича Болховитинова, который родился в семье приходского священника Ильинской церкви Алексея Андреевича Болховитинова. Он с детства рос очень любознательным ребенком. Его старания и тяготения к наукам рано обнаружили и позволили ему поступить сразу во второй класс духовной семинарии, где он проявил себя как очень способный ученик. Добавим то, что с 1745 года подготовка священнослужителей велась в Воронежской духовной семинарии, «которая являлась поистине культурным центром края. Еще в «Описании Воронежской губернии 1811 года» отмечалось, что «местное духовенство – одно из

¹⁶⁶ Ласунский, О.Г. Интеллигентские кружки в провинциальном городе [Текст] / О.Г. Ласунский // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX века: Сб. статей. – Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1995. – С. 194.

просвещеннейших. Считалось, что в обыкновенном священнике не мудрено найти ученого человека».¹⁶⁷

Далее Болховитинов едет в Москву, где учится в Славяно-греко-латинской академии три года, одновременно посещая лекции в Московском университете. В академии он изучал философию, богословие, греческий и французский языки, в университете – философию и политику у профессора И.М. Шадена, физику, красноречие, немецкий язык¹⁶⁸. За годы обучения в Москве он объездил все книгохранилища, библиотеки и архивы города, копируя редкие книги и документы. Он познакомился с издателями Н.И. Новиковым, Н.Н. Бантыш-Каменским, Н.М. Карамзиным, типографами С.И. Селивановским, М.И. Пономаревым, Ф.Ф. Розановым¹⁶⁹. Именно годы учебы в Москве сделали из семинариста настоящего ученого. Общение с передовыми людьми России сформировали в нём трудолюбие и целеустремленность в научных изысканиях.

В 1788 году Болховитинов вернулся в родной Воронеж, а в январе 1789 года был зачислен в штат духовной семинарии в качестве учителя риторики и французского языка. Чуть позже он преподавал курс греческих и римских древностей, богословие, философию, церковную историю, толкование Священного Писания и греческий язык. Начиная с 1790 года Евфимий Алексеевич был префектом семинарии, т.е. заведующим учебной частью, а в период с 1796 по 1798 фактически исполнял обязанности ректора.

«Увеличение числа чиновников в губернском городе, появление учителей для созданных в 1785 году народных училищ и врачей в связи с открытием больницы при Приказе общественного призрения, регулярные выпуски семинаристов – все это делало возможным формирование в последней

¹⁶⁷ Попов, П.А. Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII – начала XX века [Текст] / П.А. Попов, Б.А. Фирсов. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – С. 54.

¹⁶⁸ Болховитинов, Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии [Текст] / Вступит. статья и примечания А.Н. Акиньшина. – Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография», 2011. – С. 187.

¹⁶⁹ Там же.

четверти XVIII века тонкого слоя интеллигенции, занятого преимущественно интеллектуальным трудом»¹⁷⁰.

Своими необъятными интересами и кипучей энергией Болховитинов притягивал к себе людей. Уже через короткое время после возвращения в Воронеж он организовал просветительский кружок, вошедший в историю под названием «Болховитиновского». Целью этого кружка было изучение особенностей края и народного искусства. По социальному составу участников кружок являлся разночинским. Так в него входили учителя народного училища: Гаврила Петрович Успенский, Алексей Петрович Зеновьев, Степан Васильевич Юшков, Пётр Васильевич Соколовский, врач Василий Игнатьевич Македонец, чиновник Илья Николаевич Дебольцев, помещик Иван Никитич Черенков, семинарист Иван Яковлевич Зацепин, Иван Дмитриевич Ставров и др.¹⁷¹ Не исключено, что с кружковцами сотрудничали и чиновник Д.О. Снежков, купец А.С. Страхов, судья Е.П. Паренаго, а также видные магнаты Бутурлины и Чертковы¹⁷². Из этого списка участников кружка видно то, что они пришли в него из разных профессий, сословий, но, несмотря на это, имели одну общую цель: изучение истории родного края. Из среды этого кружка впоследствии вышли переводчики, университетские педагоги, ученые¹⁷³.

Старейшиной среди болховитиновских друзей был Илья Николаевич Дебольцев (1747-1827). Он получил образование в университетской гимназии для разночинцев и даже некоторое время обучался в самом университете. Происходивший из приказной среды, он приобрел немалое состояние. Занимался предпринимательством в Воронеже с 1790 года вместе с местными фабрикантами и купцами. В 1794 году был внесен в дворянскую родословную книгу по Екатиринославской губернии, а в 1814 году причислился к

¹⁷⁰ Акиншин, А.Н. Воронежский круг общения Е.А. Болховитинова [Текст] / А.Н. Акиншин // Из истории Воронежского края: к 200-летию воронежского краеведения. Сборник статей [Текст] / отв. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – Вып. 8. – С. 44.

¹⁷¹ Митрополит Евгений. Жизнь и Творчество [Текст] / под ред. В.Г. Сарбей. – Воронеж: ЦЧКИ, 1998. – С. 11.

¹⁷² Кожемякин, А.В. Воронежские друзья Е.А. Болховитинов [Текст] / А.В. Кожемякин // Митрополит Евгений: Жизнь и творчество. Восьмые Болховитиновские чтения. – Воронеж: Фонд культуры, 1993. – С. 15.

¹⁷³ Акиншин, А.Н. Воронежский круг общения Е.А. Болховитинова [Текст] / А.Н. Акиншин // Из истории Воронежского края: к 200-летию воронежского краеведения. Сборник статей [Текст] / отв. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – Вып. 8. – С. 44.

воронежскому дворянству. И.Н. Дебольцев публиковал свои переводы в журнале «Ни то, ни сё», сделал вольный перевод с французского «Детской книжки, или Начальных понятий и описаний вещей, о которых дети должны иметь сведения»¹⁷⁴.

Члены кружка собирались как в дворянском клубе, так и в доме самого идеолога – Евфимия Болховитинова. На своих заседаниях кружковцы обсуждали самые разные вопросы: о русской прозе и поэзии, о новых книжных публикациях, о политических событиях, о музыке и театре. Важным достижением членов кружка нужно считать создание в городе губернской типографии, привезенной из Москвы С.И. Селивановским в 1798 году. Располагалась типография в здании Главного народного училища и с самых первых дней своего существования занималась печатанием произведений членов знаменитого научно-просветительского и литературного кружка.

Самой главной заслугой руководителя кружка нужно считать труд его жизни «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», ставший азбукой российского краеведения, в котором обнаруживается комплексный подход к истории и текущей действительности родного края. Писатель В.В. Будаков о Евфимии Алексеевиче сказал следующие строки, которые как нельзя лучше характеризуют его заслуги перед городом: «Болховитинов первым дал нашему краю историческую, в слове запечатленную память, первым начертал его протяженный во времени образ. Болховитиновский труд исполнен широты взгляда, научной основательности и добросовестности, сердечной чуткости».¹⁷⁵ По мнению воронежских краеведов, кружок Болховитинова для культуры Воронежского края в свое время сделал больше, чем вся губернская администрация.

Несмотря на отъезд Болховитинова из Воронежа в Петербург в 1800 году, его кружок просуществовал еще шесть лет, содействуя выпуску новых изданий,

¹⁷⁴ Там же, с. 45.

¹⁷⁵ Будаков, В.В. Великий Воронежца – историк и пастырь [Текст] / В.В. Будаков // Болховитинов – выдающийся ученый XVIII – XIX веков: исследования и материалы / под ред. Г.В. Вишиной и Е.П. Корчагиной. – Воронеж: изд. «Истоки», 2004. – С. 9.

пополняя библиотеку семинарии старинными книгами, а библиотеку народного училища – краеведческими трудами.

Романтические идеи, существовавшие в русской мысли первой половины XIX века, активно перенимались и распространялись в провинциальной культурной среде. Источником таких идей в Воронеже стал литературно-философский кружок семинариста Андрея Порфирьевича Серебрянского. Просвещенная личность, поэт и философ Андрей Порфирьевич (1809-1838) родился в семье священника в слободе Бутурлиновке Бобровского уезда Воронежской губернии. В 1825 году в возрасте 16 лет Андрей поступил в Воронежскую духовную семинарию, в которой проучился до февраля 1831 года. Информации о детских годах Серебрянского практически не сохранилось, и лишь благодаря воспоминаниям друзей о его семинарских годах мы получаем интересные биографические сведения. Во время обучения в семинарии Серебрянский проявил себя как способный ученик. Здесь же он начал формировать свои философские суждения, сочинять романтические произведения, выразившиеся на бумаге в виде стихотворений и поэм.

В конце XVIII – начале XIX века среди образованной молодежи было модным увлечение философией. Двадцатые годы XIX века обозначились некоторым подъёмом «умственных интересов» у учащихся семинарии. Семинаристы увлекались философией и особенно зачитывались трудами Шеллинга. Как не странно будет звучать, но этому подъему способствовала одна серьёзная причина, заключавшаяся в том, что преподаватели часто не стремились давать обширные знания, среди них редко можно было встретить заинтересованную натуру, как бы мы сегодня сказали «фаната своего дела». Исследователь А.М. Путинцев писал: «Преподаватели семинарии того времени за весьма редкими исключениями “не отличались широтою взглядов” и вряд ли могли оказать благотворное влияние на своих питомцев»¹⁷⁶. Вследствие чего некоторые из воспитанников начинали сами стремиться к постижению знаний,

¹⁷⁶ Путинцев, А.М. Андрей Порфирьевич Серебрянский, его жизнь и литературные произведения [Текст] / А.М. Путинцев // Памятная книжка Воронежской губернии 1906 год. – отд. III. – С. 34-35.

не надеясь на своих наставников. Они «...собирались в кружки, занимались литературою, наукою, главным образом, в силу исключительности своей натуры, не удовлетворяющейся мёртвым семинарским схоластицизмом»¹⁷⁷. Так, кружковцы самостоятельно становились на путь самообразования. Есть предположения, что таких кружковых объединений существовало при семинарии несколько, однако более конкретную информацию мы получаем лишь об одном.

Начало существования кружка, главой которого в дальнейшем станет Серебрянский, не известно. В то время, когда в этот кружок вступил Андрей Порфирьевич, его лидером был юноша по фамилии Нигровский. Среди участников были личности с разными интересами, что делало кружок еще более открытым и привлекательным. Некто М. Роговский много внимания уделял научным занятиям. Среди участников кружка заметно выделялся В.И. Аскоченский, он прекрасно зачитывал и писал стихи, сочинял басни. Из его дневника следуют названия этих басен: «Дятел и Голубь», «Лев, Медведь и Волк», «Страус и прочие птицы»¹⁷⁸. Аскоченский зачитывался лекциями по философии, которые брал у своего педагога. Позднее он станет профессором Киевской духовной академии, писателем, издателем журнала «Домашняя беседа». Были и другие участники, увлеченные иностранными языками и литературой.

Серебрянский, попав в кружок, берется за чтение только появившегося в литературных кругах произведения Ф. Глинки «Земная грусть». Публика моментально оценивает его удивительный декламаторский талант и охотно принимает в свои ряды. Будучи одарённым юношей, Андрей Серебрянский сразу же завоевал любовь и уважение у друзей-семинаристов, и со временем стал на место главы литературно-философского объединения. С этого момента в кружке смещаются акценты с научных интересов к увлеченности искусством и философией.

¹⁷⁷ Там же с. 35.

¹⁷⁸ Аскоченский, В.И. За Русь Святую! [Текст] / сост., предисл., прим. А.Д. Каплина / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – С. 682.

Участники кружка стремились преодолеть формализм семинарского образования. Они жадно тянулись к литературе, тайне переписывали запрещенные сочинения передовых русских поэтов и писателей. Члены кружка интересовались не только философией, но в особенности поэзией, науками и песенным фольклором. Здесь «велись горячие споры, говорились речи, читались стихи, обсуждались различные вопросы, которые волновали тогдашнее образованное общество»¹⁷⁹. Сохранился даже рукописный сборник стихов А.М. Демидова «Цветы с долины моей юности». Еще в рукописных сборниках семинаристов 20-40 годов XIX века можно было обнаружить стихи А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко, Н.А. Некрасова, М.Ю. Лермонтова и особенно комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума».

Это кружковое объединение не представляло собой замкнутого коллектива, «на его заседания приходили люди со стороны. В мрачную последекабристскую пору такого рода объединения служили единственной отдушиной для внутренне деятельных натур»¹⁸⁰. Декабрьские события потрясли всю страну. Импульсивная и страстная молодежь, жаждущая деятельности, искала путь для выхода своей энергии. Таковым стал кружок, в котором мыслящие, образованные молодые люди могли свободно обмениваться своими идеями.

Семинарский кружок сыграл серьезную роль для своих питомцев. Он выполнял различные функции. Так, например, одной из самых важных видится его *образовательная функция* – в этом кружке семинаристы восполняли пробелы в своем образовании. *Эстетическая функция* заключалась в том, что вырабатывала у его участников представления о прекрасном, о нормах литературного творчества, формировала изысканный вкус. Благодаря *интегративно-коммуникативной функции* семинаристы объединялись в группу, в которой у них были общие интересы, потребности, темы к

¹⁷⁹ Иван Саввич Никитин, его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей [Текст] / сост. В. Покровский. – М.: 1911. – С. 15.

¹⁸⁰ Ласунский, О.Г. Интеллигентские кружки в провинциальном городе [Текст] / О.Г. Ласунский // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX века: Сб. статей. – Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1995. – С. 198.

обсуждению. *Функция продвижения участников* способствовала развитию таланта молодых людей, придавала уверенности в собственных силах.

Так, в частности, во время обучения в семинарии Серебрянский познакомился и подружился с народным поэтом-прасолом Алексеем Васильевичем Кольцовым. Глава литературно-философского кружка не только с удовольствием принял Кольцова в своё объединение, но и оказал большое влияние на его дальнейшее творчество. В.Г. Белинский писал, что дружеские беседы с Серебрянским были для Кольцова школою развития во всех отношениях, и особенно в эстетическом. Андрей Порфирьевич и его кружок способствовали литературному, философскому и художественному развитию начинающего поэта. Серебрянский для Кольцова стал читателем, критиком и редактором его поэтических трудов. Кольцов посвятил памяти Серебрянского одно из лучших своих произведений «Стенька Разин».

Кольцов ценил дружбу с Серебрянским, а после его смерти очень сильно переживал потерю товарища. В своем письме к Белинскому, от мая 1839 года, поэт писал о Серебрянском, что он «чудную имел мысль и любил говорить правду»¹⁸¹.

Из кружка Серебрянского вышел и Ксенофонт Куликовский. Он был очень талантливым музыкантом (играл на гусях), сочинял стихи, а на заседаниях кружка их зачитывал. Серебрянский во многом способствовал таланту этого кружковца, оказывал ему свою поддержку, однако дальше ступени литературного опыта он так и не шагнул.

Просвещенная личность, Андрей Порфирьевич, обладал многосторонним талантом и при этом его мировоззрению свойственны были черты типичные для того времени. Его произведениям присущи трагизм, разочарование в жизни, одиночество, любовная драма, пейзажная лирика – все это отдает дань романтическому искусству. Среди его пьес занимают первое место сентиментально-романтические элегии и стихи по форме народной песни. По мнению А.А. Новоточиновой, лирический субъект А.П. Серебрянского, его

¹⁸¹ Кольцов А.В. Сочинения [Текст] / А.В. Кольцов. – М.: «Художественная литература», 1966. – С. 305.

биографические сведения представляют нам типичного романтического героя с характерными для него следующими описаниями¹⁸²: герой, окруженный тайной, внешне и внутренне прекрасный, у него чувствительное сердце, неординарная душа; он возвышен над той средой, к которой принадлежит; герою душно в мире, он рвется к другой, лучшей реальности; мечты героя рано разбиваются о грубую, суровую действительность и ведут к разочарованию в жизни; на чужбине (речь идет о московском периоде жизни Серебрянского) герой одинок, без родины и друзей; он страдает, борется со своим роком, но все же рано уходит из жизни.

Ученые А.А. Новоточинова и В.В. Инютин выделяют три главные особенности лирики Андрея Серебрянского, отражающие романтическое сознание: исповедальность, музыкальность, трагедийный пафос¹⁸³. Подчеркивается его стремление к народной поэтике, которая, по сути, тоже является романтической. Одно из его ярких произведений «Быстры, как волны, дни нашей жизни...» стало популярной песней в среде учащейся молодежи. Его статья «Мысли о музыке» была с восторгом встречена Белинским и опубликована в журнале «Московский наблюдатель» в 1838 году.

В 1831 году Серебрянский покидает Воронежскую духовную семинарию по ряду причин. Дело в том, что у юноши обнаружился вольнолюбивый характер, он вёл себя слишком свободно, на что, по-видимому, повлияло все большее разочарование в семинарском образовании. Дух отчаяния, присущий романтизму, нашел прямое применение к воронежской реальности. Его товарищ В.И. Аскоченский говорил, что Андрей находился у начальства «на худом счету»¹⁸⁴. Ему наскучила семинарская жизнь, и он поехал в столицу, поступать в Московский университет. Серебрянский связал своё разочарование именно с провинцией, её специфической «спящей» культурной средой. Однако и Москва встретила его холодно, затем он последовал в еще более холодный

¹⁸² Новоточинова, А.А. Творчество и личность А.П. Серебрянского в современном ему литературном контексте [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.А. Новоточинова. – Воронеж: [б. и.], 2005. – С. 8.

¹⁸³ Новоточинова, А.А. Тайна Андрея Серебрянского [Текст] / А.А. Новоточинова, В.В. Инютин // Серебрянский А.П. Дни нашей жизни. Стихотворения. Поэмы. Статьи. – Воронеж, 2001. – С. 91.

¹⁸⁴ Олейников, Т.М. К биографии А.П. Серебрянского [Текст] / Т.М. Олейников // Воронежская старина. – 1910. – Вып. 9. – С. 37.

Петербург. В столицах он не нашел применение своему таланту, его и без того слабое здоровье ухудшилось, а материальные проблемы только увеличились. В 1838 году Серебрянский прекращает свое обучение, возвращается на родину, где вскоре умирает от чахотки.

Нельзя сказать, что этот кружок имел такое уж огромное значение и вес в городе, но то, что он повлиял на своих питомцев, безусловно, выделяет его. В нем формировался вкус участников, развивался их дар, в особенности к литературному творчеству. Некоторые выходцы из этого кружка, наряду с его лидером, впоследствии стали знаменитыми личностями.

Большая часть объема интеллектуальных трудов в тот период приходилась на долю представителей учебных заведений (из гимназии, кадетского корпуса, семинарии). Преподававшие там люди часто имели университетские дипломы. Пользуясь огромным авторитетом, они служили проводниками столичной культуры в провинцию и организовывали свои небольшие кружки.

В качестве примера можем привести просвещенную личность Николая Степановича Тарачкова (1822-1893), уроженца Могилева, выпускника Московского университета. Он служил преподавателем Воронежского Михайловского кадетского корпуса, который был основан в 1845 году на крупные пожертвования помещика, отставного генерал-майора Н.Д. Черткова. Николай Степанович учил естественной истории и был увлеченным натуралистом. Он учился у знаменитого биолога-эволюциониста К.Ф. Рулье. По приезду в Воронеж в 1846 году сразу же включился в активную деятельность, проходившую в стенах учебного заведения. «С самого начала наметил программу научной деятельности: собрать и описать все растения местной флоры, описать животных. За несколько лет – с 1852 по 1855 гг. – он составил каталоги 400 видов растений»¹⁸⁵. Им были осуществлены несколько научных экспедиций на территории губернии, описаны природные особенности

¹⁸⁵ Кондратенко, А.И. Издатель и редактор Николай Тарачков [Текст] / А.И. Кондратенко // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 179.

края, опубликованы статьи, в том числе «Из путевых заметок при ботанических поездках по Воронежской губернии»¹⁸⁶. Тарачкову принадлежит обнаружение в окрестностях города Павловска месторождения гранитов.

Кроме того, Н.С. Тарачков интересовался и искусством, в особенности музыкой. В его квартире напротив Алексеевского монастыря собирался демократический кружок. «Здесь чуждались карт, обывательских сплетен и злословия, зато много музицировали и пели»¹⁸⁷. Членами кружка были чиновник из канцелярии Дворянского собрания Н.А. Григорьев, чиновник из чертежной канцелярии губернского правления П.А. Паренаго, происходивший из знаменитого воронежского дворянского рода, а также издатель первой в регионе частной газеты «Воронежский листок» П.В. Малыхин и учитель рисования С.П. Павлов. Павел Аполлинариевич Паренаго «приходил сюда, в домик напротив Алексеевского мужского монастыря, с неизменной скрипкой в руках и услаждал слух приятелей своей игрой»¹⁸⁸. На встречах кружковцев часто звучали поэтические декламации. Паренаго очень любил поэзию и неплохо ее знал, прилежно следил за издательскими новинками, о чем свидетельствовала его большая домашняя библиотека. Позднее Тарачков примкнул к более крупному кружку Н.И. Второва.

Итак, эстафету от Тарачкова подхватил Николай Иванович Второв (1818-1865) – просвещенная личность, краевед, историк, этнограф и мемуарист. Родился в Самаре, окончил Казанскую гимназию в 1834 г., а потом и факультет словесности Казанского университета в 1837 г. Работал канцелярским чиновником, помощником библиотекаря, редактором «Губернских ведомостей», которые благодаря его стараниям стали выделяться среди провинциальных газет. В 1845 году переезжает в Петербург, где общается с В.И. Далем, посещает литературные вечера В.А. Соллогуба, В.Ф. Одоевского.

¹⁸⁶ Тарачков, Н.С. Из путевых заметок при ботанических поездках по Воронежской губернии [Текст] / Н.С. Тарачков // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб., 1861. – С. 224-274.

¹⁸⁷ Ласунский, О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции [Текст] / О.Г. Ласунский. – Воронеж: изд. ВГУ, 1985. – С. 42.

¹⁸⁸ Акиншин, А.Н. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии [Текст] / А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – С. 224.

По своим общественным воззрениям он был истинным демократом. Происходил из дворянского рода, однако уже в молодости отказался от крепостных услуг, перешел на казенную службу, женился на дочери разночинца и жил достаточно скромно.

Занимаясь административной работой, Николай Иванович много размышлял о недостатках централизованной государственной власти, не дававшей губерниям самим развиваться. Он считал, что провинции нужно дать больше самостоятельности в решениях экономических и культурных вопросов. Такие люди, как Второв, выполняли особую роль в провинции, они не создавали антиправительственных кружков, культивировавших запрещенные мысли и идеи, а занимались легальной социокультурной работой, которая будоражила общественность, воспитывала новое поколение.

Из северной столицы Второв отправляется в Воронеж, город, оставивший большой отпечаток в его судьбе. Сюда он приехал весной 1849 года и поступил на службу в губернское правление. Хотя Николай Иванович и состоял на чиновничьей службе, он всегда тянулся к науке, искусству и особенно к литературе. Нужно отметить то, что на тот момент важную общественную деятельность исполнял Воронежский губернский статистический комитет. Он появился еще в 1835 году¹⁸⁹ и по факту должен был заниматься обработкой местной статистики, но на самом деле, благодаря стараниям и энтузиазму Николая Ивановича Второва, этот комитет с начала 50-х годов XIX века превратился в культурно-просветительский центр города Воронежа и Воронежского края. По мнению Н.В. Воскресенского, деятельность Н.И. Второва и К.О. Александрова-Дольника способствовала «пробуждению комитета от долгой спячки»¹⁹⁰.

Образованный, целеустремлённый, энергичный, талантливый и интересный человек, он сразу собрал вокруг себя местную интеллигенцию. Воронежские условия были в то время самыми подходящими для образования

¹⁸⁹ Воскресенский, Н.В. Пятидесятилетие Воронежских губернских ведомостей: Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников [Текст] / Н.В. Воскресенский. – Воронеж: Типография губернского правления, 1888. – С. 531.

¹⁹⁰ Там же, С. 533.

подобного кружка. В тот период волна карточной игры накрыла город, заполняя полностью досуговое время. Однако не все предпочли легкую игру, многие захотели сближения с совершенно новыми людьми, занимающимися серьезным делом. «Воронежская интеллигенция, среди которой очутился Второв, состояла из лиц, занимавших места по гражданской службе и учительские должности в гимназии и кадетском корпусе. Она принадлежала к двум поколениям. В первом были в большинстве своем воспитанники Харьковского университета; ко второму, кроме них, принадлежали люди из университетов Московского, Петербургского, Киевского и даже Дерптского; не было только казанцев: первыми явились в Воронеж Второв и Дольник»¹⁹¹.

Так образовался литературный и общественно-научный кружок, в который вошли педагоги, чиновники, купцы и мещане. Однако его яркий представитель М.Ф. Де-Пуле, стараясь подчеркнуть истинное назначение кружка, его серьезность и целенаправленность, писал так: «Второвский кружок был не литературный, не дилетантический, не мечтающий о деле, а научный, деловой, работающий, прозаический. <...> Что-нибудь делать свое, с чем-нибудь своим возиться – вот, что было девизом кружка. Чтение ради чтения, притом же чтение исключительно фантастических произведений, по принципу отвергалось, как вещь ослабляющая, а карты совершенно и безусловно изгонялись, даже с некоторой нетерпимостью»¹⁹². В целом этот кружок можно считать краеведческим. «В нём на первый план выдвигались задачи изучения истории и этнографии родного края, собирания и издания памятников народной поэзии»¹⁹³.

Во второвский кружок входили люди разные по происхождению, своим взглядам и мировоззрению. «Был там и реакционно настроенный А.П. Нордштейн, и либерал М.Ф. Де-Пуле»¹⁹⁴. Ядро составляли демократически настроенные лица. Остановимся подробнее на его участниках.

¹⁹¹ Де-Пуле, М.Ф. Николай Иванович Второв [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Русский архив, 1877. – №6-8. – С. 438.

¹⁹² Там же, С. 450.

¹⁹³ Тонков, В.А. И.С. Никитин: очерк жизни и творчества [Текст] / В.А. Тонков. – М.: «Просвещение», 1968. – С. 29.

¹⁹⁴ Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX – нач. XX в. [Текст] / ред.-сост.: В.А. Тонков, О.Г. Ласунский. – Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1970. – С. 181.

Вышеупомянутый нами Александр Петрович Нордштейн принадлежал к дворянскому сословию, очень любил литературу и искусство, однако отличался консервативностью взглядов, которые пытался навязать опекаемому поэту И.С. Никитину. «Нордштейн был сторонником “чистого искусства” и выступал против “некрасовского направления” в творчестве поэта»¹⁹⁵. Все же усилия его не увенчались успехом.

Серьезными радикальными взглядами отличались купцы И.А. Придорогин и А.Р. Михайлов, офицер Н.С. Милошевич. Купеческое сословие Воронежа, как мы уже писали ранее, всегда отличалось нетипичностью. Иван Алексеевич Придорогин учился на словесном факультете Московского университета, который не закончил по состоянию своего здоровья. Он всю жизнь тянулся к знаниям, интересовался политикой и культурой. Его идейная натура всегда вносила в деятельность кружка элемент революционности. «Представитель “новых людей”, Придорогин воплощал собой важнейший тип провинциальной публики. Таких как он насчитывалось в ту пору немного, но именно они определяли собою общую тенденцию социального развития»¹⁹⁶. По своим взглядам Придорогин принадлежал к западникам и одновременно любил свое отечество.

Антон Родионович Михайлов был выходцем из крепостных крестьян, получил хорошее домашнее образование, относился к числу просвещенных воронежских жителей. Владея хорошим торговым капиталом, он не замкнулся в сугубо коммерческой жизни, а всю жизнь стремился к живой общественной деятельности. Он немало оказал помощи в подъеме просвещения и культуры в городе. Михайлов высоко ценил поэта Никитина, и именно он выступил издателем первого посмертного собрания сочинений в двух томах. Он боролся с царской цензурой, желая представить произведения в их оригинальном виде.

Еще одним представителем кружка был штабс-капитан артиллерии, преподаватель истории в юнкерском училище Николай Степанович

¹⁹⁵ Ласунский, О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции [Текст] / О.Г. Ласунский. – Воронеж: изд. ВГУ, 1985. – С. 52.

¹⁹⁶ Там же, С. 53.

Милошевич. Участник Крымской войны, человек армейской выправки, он трезво смотрел на окружающий его порядок, а точнее беспорядок в государстве. После войны он смело рассказывал об ужасах, происходящих на полях сражений, о невежественных военачальниках, о бедствиях русской армии, причиной чему, по его мнению, являлся государственный механизм. Им был составлен краткий очерк Крымской кампании, из которого впоследствии получилась настоящая книга. Милошевич и Придорогин, близкие по духу люди, стали объектом травли со стороны губернских властей.

Другим ярким членом кружка стал Михаил Федорович Де-Пуле, на котором стоит сосредоточиться поподробнее. По мнению О.Г. Ласунского, М.Ф. Де-пуле представлял собой «колоритный тип провинциального культурно-общественного деятеля»¹⁹⁷, в судьбе и мировоззренческих метаниях которого «наглядно отразилась вся противоречивая сущность провинциальной действительности»¹⁹⁸. Дворянин по происхождению, Михаил Фёдорович родился 12 октября 1822 года в селе Хреновое Липецкого уезда Тамбовской губернии. Учился в уездном училище в городе Козлове той же губернии, в 1842 году окончил гимназию в Воронеже, а в 1846 году стал выпускником философского факультета Харьковского университета. Сам Де-Пуле себя называл «провинциалом до мозга костей».

С 1848-1865 гг. работал преподавателем Воронежского Михайловского кадетского корпуса, исполнял должность редактора неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей» в 1862-1863 гг.

В истории культуры Воронежского края просвещенная личность М.Ф. Де-Пуле стал одной из ярчайших фигур. «Горячий поборник скорейшего пробуждения губернского общества от спячки, Де-Пуле призывал лучших людей из провинции, не дожидаясь благосклонного внимания столиц, работать самим в поте лица своего»¹⁹⁹. Он стал инициатором публичных чтений,

¹⁹⁷ Ласунский, О.Г. М.Ф. Де-Пуле как тип провинциального публициста [Текст] / О.Г. Ласунский // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 155.

¹⁹⁸ Там же, С. 155.

¹⁹⁹ Там же, С. 156.

благодаря его упорству открылась, наконец, публичная библиотека в 1864 году. С его помощью о Воронеже стали упоминать чаще на страницах столичных журналов и газет. Он был не просто участником второвского кружка, другом и биографом И.С. Никитина, но и талантливым публицистом и краеведом. Им были изданы «Материалы для истории Воронежской и соседних губерний» в 1861 году. Как пишет Л.Е. Кройчик, что «культуртрегеры, беспокойные просветители такого рода определяли уровень духовной жизни российской провинции»²⁰⁰. Своим возникновением воронежская пресса во многом обязана такой незаурядной личности, как Де-Пуле, выходцу из провинциальных кружков. Михаил Федорович придавал огромное значение развитию и совершенствованию местной печати, считая, что провинция нуждается в собственной журналистике.

Позже Михаил Федорович переехал в Лифляндию, где работал инспектором, а потом директором Виленской гимназии, редактировал «Виленский вестник».

Члены кружка внесли огромный вклад в развитие общественной мысли в Воронежском крае. Они занимались сбором, описанием и публикацией старинных воронежских рукописей. С 1851 по 1853 год были изданы три тома «Воронежских актов», собранных Н.И. Второвым и К.А. Александровым-Дольником. Со временем от издания актов пришлось отказаться, так как эта работа была неознаградимой и сложной. Члены кружка заботились о том, чтобы сохранить для потомков подлинное историческое наследие края. Так, при Воронежском статистическом комитете был приведен в порядок архив старинных дел допетровского времени. Из этого архива были изданы книги под названием «Орловские акты». По заказу Второва делались специальные картонные коробки для хранения документов. Известно о 20 таких коробках, к сожалению утраченных.

²⁰⁰ Кройчик, Л.Е. В пределах «возможной независимости» [Текст] / Л.Е. Кройчик // Бюллетень лаборатории региональной журналистики / сост. Д.С. Дьяков; под ред. Л.Е. Кройчика. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 15.

Воронежские историки ²⁰¹ считают Н.И. Второва основателем этнографического изучения воронежского населения. На этом поприще он добился еще больших результатов. Здесь ему помогали следующие личности: преподаватель Воронежского кадетского корпуса С.П. Павлов, который выполнял функцию художника в их увлекательных экскурсиях по Воронежскому краю; натуралист Н.С. Тарачков; и И.И. Малышев, бывший воспитанник Московского университета, увлекавшийся разработкой местной истории. Свои этнографические и лингвистические находки Второв часто отправлял Афанасьеву и Далю, а частью делился с Географическим Обществом. Сам Второв владел огромным запасом знаний об истории Воронежской губернии, но за неимением достаточного времени не успевал их опубликовывать. Единственная статья, напечатанная в «Воронежской беседе», называлась «О заселении Воронежской губернии»²⁰².

Второвский кружок поддерживал связь с Москвой через кружок Грановского. Посредником между двумя умственными центрами был А.Н. Афанасьев, который передавал все накопленные знания. Связь с северной столицей поддерживалась через графа Д.Н. Толстого. В целом кружковцы были знакомы с В.Ф. Одоевским, В.И. Далем, Ф.И. Буслаевым и Н.И. Костомаровым.

Не стоит рассматривать второвский кружок как нечто изолированное, воронежское, а следует видеть в нем типологически обобщенное явление, так как аналог ему можно встретить в любом крупном губернском городе того периода. Ярким примером может послужить Казань, с её кружком К.Ф. Фукса²⁰³, который, ко всему прочему, посещался Второвым.

Николай Иванович оказал неизмеримую помощь начинающему поэту Ивану Саввичу Никитину. В публикации первых произведений Ивана Саввича он был главным помощником и наставником. Второв для поэта стал настоящим другом, а также «...он был для него образцом нравственной чистоты,

²⁰¹ Акиншин, А.Н. Этнографическое изучение Воронежского края в конце XVIII – начале XXI века [Текст] / А.Н. Акиншин // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2015. – №4. – С. 44.

²⁰² См.: Второв, Н.И. О заселении Воронежской губернии [Текст] / Н.И. Второв // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб., 1861. – С. 246-272.

²⁰³ Хафизов, Г.Г. Карл Фукс и его место в социокультурном пространстве Казанской губернии [Текст] / Г.Г. Хафизов // Казанский медицинский журнал. – 2006. – №5. – С. 399.

наставником, помощником в литературных и житейских делах; рядом с ним поэт отдыхал душой от мерзостей общественного и домашнего быта»²⁰⁴. Никитин впоследствии посвятил ему несколько стихотворений. Как писал биограф Де-Пуле: «Второв и его кружок только dokonчили культурное образование Никитина, хорошую подготовку к которому дали ему семинария и разнообразное чтение»²⁰⁵.

В июне 1857 года, перед своим отъездом в Петербург, Второв составил проект организации губернского музея, в котором предполагалось создание этнографического отдела²⁰⁶. Несмотря на все старания, музей был создан почти через сорок лет, а этнографический отдел в нем отсутствовал.

Хотя это поистине просветительское объединение и начало распадаться уже 1856 году, все же входившие в него личности смогли образовать новый кружок во главе с М.Ф. Де-Пуле: «...вокруг меня стал собираться новый кружок, если только мои вечера по субботам, продолжавшиеся до смерти Никитина, можно назвать этим именем. Но ничего кружкового в них не было и быть не могло, ни по времени, ни по роду моих занятий (я был тогда учителем в кадетском корпусе), ни по образу жизни самого Никитина, значительно изменившемуся и не так уже теперь исключительному и замкнутому; собирались у меня раз в неделю Никитин, Придорогин, Н.П. Курбатов (воспитанник Московского университета, переехавший в Воронеж в 1857 г.), Ф.Н. Берг (в то время еще кадет) и Н.С. Милошевич, товарищ мой по гимназии, один из героев Крымской войны, рассказы о которой оживляли наши беседы»²⁰⁷.

Развивающаяся книготорговля побудила к появлению публичных чтений, учащению литературных вечеров, в которых принимала участие местная

²⁰⁴ Кузнецов, В.И. Нетленные строки [Текст] / В.И. Кузнецов. – Воронеж: Центр. – Черноземное кн. Изд., 1984. – С.158-159.

²⁰⁵ Де-Пуле, М.Ф. Светлые черты воронежской жизни (из очерков «Николай Иванович Второв» 1847, «Иван Саввич Никитин» 1885) [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 96.

²⁰⁶ Акиншин, А.Н. Этнографическое изучение Воронежского края в конце XVIII – начале XXI века [Текст] / А.Н. Акиншин // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2015. – №4. – С. 45.

²⁰⁷ Де-Пуле, М.Ф. Светлые черты воронежской жизни (из очерков «Николай Иванович Второв» 1847, «Иван Саввич Никитин» 1885) [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 101.

творческая элита. Публичные чтения представляли собой любопытный эпизод в истории русской литературы. По мнению некоторых исследователей, их популярность ограничивается всего 1859-1862 гг. и сосредотачивается лишь в столицах. Причиной возникновения этого типа объединения было стремление кружков и салонов вырваться из камерной обстановки к широкой публике. Демократические идеи, заполнившие общественную мысль конца 50-х годов, нуждались в расширении, выходе «на улицу». М.Ф. Де-Пуле писал, что «история нашего просвещения есть история кружков, но к эпохе освобождения крестьян эти литературные кружки начали распадаться. <...> Ввиду предстоящего громадного дела в кружках всем было тесно»²⁰⁸.

Любопытную информацию по этому поводу можно обнаружить в письмах Ивана Саввича Никитина к своему другу Ивану Ивановичу Брюханову, в которых поэт сообщает о своем участии в такого рода мероприятии и о реакции местных жителей. В частности, он пишет следующее: «9 апреля [1860 г.] в экзаменной зале кадетского корпуса было публичное чтение в пользу нуждающихся литераторов и ученых; публика, спасибо ей, приняла меня хорошо и мое стихотворение заставила меня прочитать два раза. За всеми расходами собрано и отослано в С.-Петербург в Общество вспомоществования нуждающимся литераторам 416 руб. серебр. Затеяли это я и Де-Пуле. Но если бы ты знал, какой шум подняла Воронежская аристократия! Сколько оказалось затронутых самолюбий, сколько взбесилось лиц, неприглашенных нами участвовать в чтении. И теперь все еще идут разговоры: что это за чтение? зачем оно? и прочее и проч. Но публика не обратила внимания на этот крик: в зале не достало мест. Вот так Воронеж!»²⁰⁹. Из этого письма мы видим, что публика неоднозначно встретила появление новой формы социокультурной активности, но, во всяком случае, очень заинтересовалась ею. Уже в следующем письме, через месяц, Никитин опять

²⁰⁸ Там же, С. 101.

²⁰⁹ Материалы для биографии И.С. Никитина: письма его [Текст] / отпечаток из IV-V вып. «Фил. зап.» за 1901 год. – Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1902. – С. 11-12.

напишет своему другу, что «толки о нашем литературном вечере до сих пор не умолкли в Воронеже»²¹⁰.

Таким образом, рассмотрев вышеприведенные кружки Воронежа, мы с уверенностью можем говорить, что литературные процессы, охватившие Россию в первой половине XIX века, достигли и провинциальных городов. Просвещенные личности, притягивая к себе людей интересующихся литературой, историей края и философией, образовывали кружки, которые стали своеобразными гнездами, где культура и просвещение шли рука об руку. Они объединили в себе прогрессивно мыслящих представителей разночинной интеллигенции, вели активную исследовательскую деятельность и способствовали продвижению талантливых личностей. Литературные кружки заняли важное место в культурной среде города Воронежа.

2.3. Влияние просвещенной личности на развитие печати и книготорговли в Воронеже 1800-1860-х гг.

Условия, в которых развивалось издательское дело и книготорговля на территории русской провинции, были не такими благоприятными, как в столицах. Не только в уездных, но и часто в губернских городах процент грамотного населения был довольно низким. Однако благодаря деятельности просвещенных личностей в обществе менялось отношение к литературе, чтению и самой книге.

Основоположником печатного дела в Воронеже стала просвещенная личность, историк, библиограф, археограф, переводчик и церковный деятель Е.А. Болховитинов. Его кружок, сыгравший значительную роль в улучшении системы образования, повышении интереса к литературе и театру, еще примечателен и тем, что создал первую в Воронеже губернскую типографию. По мнению исследователя региональной печати Г.В. Антюхина, успешная работа губернских типографий «зачастую зависела от наличия в губернии

²¹⁰ Там же, С. 12.

определенных (как правило, еще немногих) культурных сил местной общественности или даже от одного лица, понимающего и отражающего в своем творчестве передовые интересы времени».²¹¹

Типография была учреждена 14 мая 1798 года. Необходимость в ней обуславливалась рядом причин, главной из которых для местных властей являлась потребность во всё возрастающей деловой переписке в губернском правлении. Е.А. Болховитинов и его друзья, взявшие типографию в свои руки, направили её деятельность на культурные нужды Воронежа. Губернская типография размещалась в здании народного училища на Большой Девицкой улице.

Первым воронежским книгопечатником был корректор и титулярный советник С.В. Юшков. Он совмещал свою работу в типографии с преподаванием в народном училище и являлся членом болховитиновского кружка. Это был человек, который искренне любил книжное дело. В типографии кроме корректора работали и другие мастера – наборщики, тередорщик и батырщик²¹².

Первой напечатанной книгой стал «Опыт Воронежской губернской типографии. Отделение первое» 1798 года. Нужно подчеркнуть, что типография отводила большое место печатанию трудов по литературе, истории и философии. Эта книга содержала в себе стихотворения, басни и эпиграммы многих известных в ту пору русских поэтов: Ломоносова, Сумарокова, Державина, Карамзина и др. «Поэтический сборник, положивший начало работе губернской типографии, не давал еще определенного представления о направлении издательской деятельности ее основателей, но было ясно, что они будут использовать печатный станок не только в административных интересах, но прежде всего в целях просвещения»²¹³.

²¹¹ Антюхин, Г.В. Печатное слово России: История журналистики Чернозем. центра страны XIX в. [Текст] / Г.В. Антюхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – С. 33.

²¹² Воскресенский, Н.В. Пятидесятилетие Воронежских губернских ведомостей: Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников [Текст] / Н.В. Воскресенский. – Воронеж: Типография губернского правления, 1888. – С. 26-27.

²¹³ Антюхин, Г.В. Очерки истории печати Воронежского края 1798-1917 [Текст] / Г.В. Антюхин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1973. – С. 14.

После типография выпустила второе отделение, которое было составлено из произведений иностранных авторов (на французском и немецком языках). По данным историка А.И. Гайворонского, оба отделения «Опыта Воронежской губернской типографии» были распроданы полностью, что говорит о наличии спроса у воронежцев на художественную литературу в те годы²¹⁴.

В 1799 году типографией была напечатана драма «Опыт дружбы». Появление драматических произведений в печати свидетельствовало о росте интереса не только к литературе, но и театру, нуждавшемуся в современных сценических произведениях. В начале XIX века были изданы произведения местного драматурга Андрея Элина. Его пьесы имели огромный успех у воронежских зрителей, наверное, потому что многие из них были написаны в романтически-сентиментальных традициях – одном из излюбленных жанров у провинциалов. В комедиях Элина чувствуется народный дух, они достаточно просты и заканчиваются хорошо. Пьесам присущ нравоучительный характер и элементы сатиры.

В типографии печатались произведения самого Болховитинова, которые имели религиозное содержание: «Историческое рассуждение вообще о древнем христианском богослужебном пении, и особенно о пении российской церкви...», «Слово надгробное преосвященному Иннокентию епископу Воронежскому...». Однако эти два издания почти не встретили большой заинтересованности у воронежских читателей и даже принесли типографии материальный ущерб²¹⁵.

По мнению исследователя Т.Л. Кононовой, «отличительной особенностью провинциального книгоиздательства в указанный период явилось то, что выпускались книги ярко выраженного местного характера»²¹⁶. Так, Воронежская губернская типография подготовила ряд книг по истории Воронежского края. Это были одни из первых серьезных работ, основанных на

²¹⁴ Гайворонский, А.И. Золотые архивные россыпи: из истории культуры Воронежского края (конец XVIII – начало XX в.) [Текст] / А.И. Гайворонский. – Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1971. – С. 63-68.

²¹⁵ Там же, С. 72.

²¹⁶ Кононова, Т.Л. Становление и развитие книжного дела в Центральном Черноземье (конец XVIII – начало XX в.) [Текст] : дисс. ... доктора ист. н. : 07.00.02 / Т.Л. Кононова. – Курск, 2014. – С. 157.

изучении различных первоисточников, среди которых заметно выделяется труд Е. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии»²¹⁷, изданный в 1800 году. Книга эта наполнена важным историческим материалом, и она даже сегодня не теряет своего значения.

Отдельно стоит отметить вклад типографии и болховитиновского кружка в осуществление переводов и издание зарубежных авторов. Особый интерес участники проявили к французским философам-материалистам и английским мыслителям. Наряду с переводными книгами типографией были напечатаны серии учебников по русской и латинской грамматике, в чем просматривается ее серьезная просветительская функция. В 1804 году изданы «Правила о познании российских букв и складов» и «Первоначальные основания латинского языка». В 1805 году был выпущен «Сличительный словарь французского и латинского языков с латинским переводом. В пользу учащегося». Словарь составил и напечатал учитель Главного народного училища, просвещенная личность, Петр Васильевич Соколовский (1765-1829). Он получил образование в Харьковском казенном училище, затем в Петербургской учительской семинарии. В Воронежском главном народном училище им преподавались следующие предметы: русский, французский и немецкий языки, математика, естественная история, рисование, механика, гражданская архитектура. Сам Соколовский прекрасно владел французским и немецким языками. Даже иностранцы, претендовавшие на место учителей в училище, по указанию начальства подвергались экзаменам у П.В. Соколовского. И только после его письменного разрешения они принимались на работу. Соколовский был членом кружка Болховитинова. Составленный им словарь оказался настолько востребованным, что весь его тираж целиком и быстро разошелся²¹⁸. Всё это свидетельствует о важной работе типографии, стремлении передовой интеллигенции города вносить вклад в образование подрастающего поколения.

²¹⁷ См.: Болховитинов, Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии [Текст] / Е.А. Болховитинов; науч. ред. А.Н. Акиншин; [вступ. ст. и примеч. А.Н. Акиншина]. – [Репр. изд.]. – Воронеж: Воронеж. обл. тип. - изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2011. – 228 с.

²¹⁸ Гайворонский, А.И. Первый воронежский словарь [Текст] / А.И. Гайворонский // Записки воронежских краеведов: вып. 2. – Воронеж: Воронеж. Центр.-Чернозем. Кн. Изд-во, 1983. – С. 69-72.

Однако благополучное существование губернской типографии насчитало всего около десяти лет и пришло в упадок. Оборудование устарело, все меньше печаталось интересных книг. Но даже в этот маленький период времени, от зарождения и до угасания, типография поспособствовала росту культурного уровня жизни всей местной общественности.

Следующим этапом в развитии печатного дела г. Воронежа стало создание первой газеты – «Воронежские губернские ведомости». Целью издания «Губернских ведомостей» было желание царского правительства публиковать различные официальные постановления, указы и иные новости. Сначала такие газеты выпускали только в нескольких губерниях: «Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской, с тем, что будет успех, оправдает ожидание Правительства, тогда вводить издание “Губернских ведомостей” постепенно и в других губерниях»²¹⁹. В 1837 году вышло постановление, предусматривавшее издание этой газеты в других губерниях. Здесь же была обозначена и основная информация, касающаяся структуры «Губернских ведомостей», которые делились на две части: официальную и неофициальную. Эти две части газеты печатались отдельно одна от другой. Информация, помещаемая в неофициальную часть, представляется весьма разнообразной и ценной. «В “Губернских ведомостях” помещаются: разнородные статистические сведения, местные летописные заметки, метеорологические наблюдения, материалы для этнографии городов, сел, деревень помещаются исторические материалы самого разнородного характера, и иногда настолько важные, что служат источником для серьезных научных исследований. Вообще, неофициальная часть “Губернских ведомостей” включает в себе массу материала по исследованию провинции в географическом, экономическом и других отношениях»²²⁰.

²¹⁹ Воскресенский, Н.В. Воронежские губернские ведомости [Текст] / Н.В. Воскресенский // Воронежский юбилейный сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа. – Воронеж: Воронежский губернский статистический комитет, 1886. – Т.2. – С. 181-182.

²²⁰ Там же, С. 187.

В 1838 году перед местными властями встал вопрос о помещении, в котором будет печататься новая газета. К тому времени губернская типография пришла в сильный упадок. Однако в ней все еще сохранялся необходимый инвентарь для продолжения дела. Так, в январе 1838 года вышел № 1 газеты «Воронежские губернские ведомости» – первой газеты в истории города²²¹.

Первым редактором газеты с 1838 по 1845 г. был Н.Л. Грабовский, ранее занимавшийся педагогической деятельностью. С 1845 года эту должность занимал П.И. Симонов, выпускник Харьковского университета, позже работавший в Воронежской губернской канцелярии. В 1847 году его сменил П.В. Малыхин, проработавший всего полгода. Он работал учителем в гимназии и впоследствии стал активным участником культурной жизни города, редактировал многие местные издания.

В течение 27 лет «Губернские ведомости» выходили каждую неделю. Газета сообщала о типичных явлениях своей эпохи и потому исполняла роль публицистического издания, пишущего историю современности языком фактов, событий и цифр. Поскольку Воронеж считался крупным аграрным центром России, то в этой газете часто публиковалась информация о тяжелом положении здешних крестьян, о плохом отношении с ними помещиков. Все это становилось актуальным в дореформенную пору, оказывая влияние на настроения провинциального общества.

Со второй половины 40-х годов XIX века в жизни газеты происходят перемены. В 1846 году типография из частных рук переходит в ведение губернского правления. Изменению был подвергнут как внешний вид газеты, так и ее содержание. С 1847 по 1849 год должность редактора неофициальной части занимал Александр Степанович Афанасьев (Чужбинский)²²². Главной его заслугой стало стремление как к расширению тем издания, так и ее аудитории. Афанасьев в условиях того времени сделал шаг навстречу к народу и его

²²¹ Загоровский, В.П. Воронеж: Историческая хроника [Текст] / В.П. Загоровский. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1989. – 255 с.

²²² Бюллетень лаборатории региональной журналистики [Текст] / сост. Д.С. Дьяков; под ред. Л.Е. Кройчика. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 183.

просвещению, повышению культурного уровня. Он стремился сделать газету полезной и понятной простому народу, с этой целью был создан отдел «Народные чтения», материалы которого публиковались в каждом номере. Здесь читатель мог найти полезную для него информацию по хозяйственной части, ведению быта и интересный фольклорный материал. Так как значительную часть Воронежской губернии населяли украинцы, то в разделе «Народное чтение» часто можно было встретить сказки и загадки на украинском языке.

Раздел «Народное чтение» способствовал развитию интереса к чтению у простого народа, об этом может свидетельствовать название одной из статей – «О распространении в народе привычки к чтению». «<...> Газета при А.С. Афанасьеве сделала заметный шаг вперед по сближению местной печати с повседневными интересами трудового народа»²²³.

В этой газете серьёзное место отводилось напечатанию местной хроники, а именно: в ней содержалась информация об общественной жизни, торговых делах, концертах, разного рода происшествиях. В связи с этим увеличивался интерес к неофициальной части. Любопытными представлялись материалы по истории края, такие как о походе русского флота к Азову, о деятельности Степана Разина на воронежской земле. Развивающаяся театральная жизнь получает освещение именно в «Губернских ведомостях», в формате рецензий, которые, однако, еще не несут серьёзной критической оценки, но достаточно полно описывают спектакли и восторг зрителей. Во второй половине 40-х годов часто публикуются литературные произведения, разнообразные очерки, стихи.

Таким образом, в 40-е годы XIX века газета стала полезным изданием, нужным для городской общественности. Расширение тем позволило увеличить читающую аудиторию и популяризировать само издание.

На протяжении 50-х годов в «Губернских ведомостях» печатается материал по истории, этнографии и фольклору, причиной этому явилась связь

²²³ Антюхин, Г.В. Очерки истории печати Воронежского края 1798-1917 [Текст] / Г.В. Антюхин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1973. – С. 41.

редакции со второвским кружком, имевшим вес в культурной среде города того периода. Н.И. Второв и К.О. Александров-Дольник подготовили и опубликовали большой объем текстов по краеведению, разнообразные исторические документы. По мнению Т.Л. Кононовой²²⁴, «“Воронежские губернские ведомости” принадлежат к лучшим губернским ведомостям по обилию этнографического и исторического материала, а также сведений о местной провинциальной жизни».

Народный поэт И.С. Никитин сотрудничал с издательством газеты. В 1849 году он посылает два своих стихотворения – «Лес» и «Дума», которые стесняется подписать своим именем, оставляя на письме только лишь свои инициалы «И.Н.»²²⁵. Редакция, которая практически не печатала стихотворений, с восторгом встречает эти два произведения молодого автора и готова их выпустить, но для этого им нужно знать имя поэта. Никитин в свою очередь так и не решается выслать своего настоящего имени. Спустя четыре года поэт вновь обратился в «Ведомости», попросив напечатать его другие стихи, уже за своей подписью. Наконец, в 1853 году свет увидел произведения Ивана Саввича Никитина, где первым напечатанным стихотворением стала «Русь», посвященная мужеству и подвигу. Его стихотворения о Родине помогли газете приобрести народный патриотизм.

Газета «Воронежские губернские ведомости» была важным информационным источником в городе. Однако к концу 50-х – началу 60-х годов она стала утрачивать роль лидера, когда стали появляться другие издания-конкуренты. Серьезное место начинает занимать частный научный журнал «Филологические записки». «Филологическая наука в Воронеже» начинает развиваться во второй половине XIX века. Именно тогда группа преподавателей Михайловского кадетского корпуса во главе с А.А. Хованским решает выпускать специализированный журнал, в котором бы помещались

²²⁴ Кононова, Т.Л. Становление и развитие книжного дела в Центральном Черноземье (конец XVIII – начало XX в.) [Текст] : дисс. ... доктора ист. н. : 07.00.02 / Т.Л. Кононова. – Курск, 2014. – С. 235.

²²⁵ Иван Саввич Никитин, его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей [Текст] / сост. В. Покровский. – М., 1911. – С. 23.

статьи как по теории, так и по методике преподавания филологических дисциплин»²²⁶.

Алексей Андреевич Хованский – просвещенная личность, преподаватель русского языка и редактор-издатель научного языковедческого журнала «Филологические записки». Он родился в 1814 году в Пензенской губернии в семье дьякона Андрея Хованского и, таким образом, принадлежал к духовенству – привилегированному сословию. Свои годы юности Алексей провел в Пензенском духовном училище и Саратовской духовной семинарии. Там он получил образование, и там же он начинал свою учительскую карьеру, будучи еще семинаристом. Так, в период с 1837 по 1845 год, Хованский состоял на службе в Камышинском духовном и Петровском уездных училищах Саратовской губернии в должности учителя русского языка, а с 1845 по 1866 год, Алексей Андреевич занимался педагогической деятельностью в Воронежском Михайловском кадетском корпусе, где он преподавал русский язык и русскую словесность.

Работа в кадетском корпусе подтолкнула Хованского к мысли о создании филологического журнала. Впоследствии он скажет, что если бы не был преподавателем в корпусе, то не было бы и издания «Филологических записок». Основопологающей целью выпуска этого журнала стало желание помочь преподавателям русского языка и литературы в их ежедневной педагогической работе. Эта идея возникла неспроста, а после спора с директором о недостатках одного учебника грамматики. Сам Хованский уже давно занимался составлением хорошего учебного пособия. В период составления программы журнала Хованский поделился этой блестящей идеей со своими друзьями, педагогами П.В. Малахиным и М.Ф. Де-Пуле, которые её одобрили и впоследствии стали первыми сотрудниками.

В 1859 году Хованский получает разрешение у Главного управления по делам печати на издание научно-педагогического журнала. 31 декабря 1860 года был выпущен первый сборник. «А.А. Хованский прилагал большие

²²⁶ Корниенко, Н.Г. Очерки по литературному краеведению [Текст] / Н.Г. Корниенко. – Воронеж: ВГПУ, 2007. – С. 42.

усилия, чтобы привлечь к сотрудничеству в “Филологических записках” видных ученых, и это ему удалось. Предложение о сотрудничестве в журнале принял А.А. Потебня, работавший в то время на кафедре русской словесности в Харьковском университете. Уже в 1860-х гг. на страницах “Филологических записок” появляются имена Ф.И. Буслаева и А.Н. Афанасьева²²⁷.

В течение долгого времени «Филологические записки» были единственным в России журналом, на страницах которого развивалась филологическая наука²²⁸.

В этом журнале Хованский опубликовал и свои статьи, среди которых наибольший интерес вызывают «О среднем роде в народном говоре Воронежской губернии» и «Причины неуспешного преподавания русского языка в уездных училищах»²²⁹. Как мы можем заметить, тематика его публикаций отражает просветительскую направленность своего автора.

После того, как «Филологические записки» стали известны всей стране, они были рассмотрены общественностью как своеобразный подвиг его издателя и редактора в создании журнала в провинции. Наука в Воронеже началась с Алексея Хованского, который организовал ее полувеком ранее, чем само государство. Самого Хованского принято считать основателем воронежской филологии, первоисточником воронежской науки, просветителем. Добавим, что выпуск этого журнала стал своеобразным этапом, подготавливавшим воронежскую культурную почву к литературоцентризму, который, как было сказано выше, проявит себя в полной мере в XX веке.

Своеобразными культурными центрами для г. Воронежа 1800-1860 гг. стали книжные лавки. Крупные исследователи быта литературных кружков и салонов Аронсон и Рейсер считали, что книжные лавки следует причислить к

²²⁷ Кононова, Т.Л. Становление и развитие книжного дела в Центральном Черноземье (конец XVIII – начало XX в.) [Текст] : дисс. ... доктора ист. н. : 07.00.02 / Т.Л. Кононова. – Курск, 2014. – С. 249.

²²⁸ Антюхин, Г.В. Печатное слово России: История журналистики Чернозем. центра страны XIX в. [Текст] / Г.В. Антюхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – С. 99.

²²⁹ См.: Хованский, А.А. О среднем роде в народном говоре Воронежской губернии [Текст] / А.А. Хованский // Филологические записки. Журнал исследований, рассуждений, наблюдений и критики по русскому языку и словесности. – Воронеж: Типография В. Гольдштейна, 1860. – Вып. 4. – С. 224-228.; Хованский, А.А. Причины неуспешного преподавания русского языка в уездных училищах [Текст] / А.А. Хованский // Филологические записки. Журнал исследований, рассуждений, наблюдений и критики по русскому языку и словесности. – Воронеж: Типография В. Гольдштейна, 1860. – Вып. 5-6. – С. 277-288.

объединениям, напоминающим тип «свободного салона». В частности, авторы поясняют это следующим образом: «Этот тип включает также кафе, клубы и другие общественные, более или менее общедоступные места. В этом основное отличие этого типа общения литераторов от салона, где состав присутствующих всецело определяется волею хозяина. Здесь [в книжных лавках] хозяин в стороне»²³⁰.

Владельцы этих заведений, как правило, были образованными и высококультурными людьми, для которых зачастую зарабатывание денег не являлось самым главным. Любовь к литературе как отечественной, так и зарубежной стимулировала их деятельность так, что за короткое время эти магазины превращались в знаковые места на карте города. Сюда начинали стекаться образованнейшие слои общества: преподаватели учебных заведений, студенты, семинаристы, поэты и прочий неравнодушный к чтению народ.

В книге «Словесность и коммерция», в одной из глав, авторы рассуждают о петербургской книжной лавке Селенина, приравнивая ее к «литературно-профессиональному салону» (у А. Измайлова есть даже стихотворение на эту тему – «Селенина лавка», в котором автор дает ироническую оценку данному заведению). Исследователи вышеупомянутого труда, Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин, полагают, что в «20-х годах XIX века книжные лавки заняли в литературном быту то место, какое в карамзинскую эпоху занимали салоны...»²³¹. Они тоже считают, что помимо основной – торговой функции, книжная лавка выполняла еще и функцию литературного салона.

По замечанию Г.М. Веселовского,²³² первые книжные магазины почти во всех городах имели одну и ту же историю возникновения. Сначала в городе появлялся книжный столик с небольшим ассортиментом. Потом эти книжные столики отступали на задний план, давая место книжным лавкам. Книжные лавки отвечали уже более определенным общественным потребностям: здесь

²³⁰ Аронсон, М.И. Литературные кружки и салоны [Текст] / М.И. Аронсон, С.А. Рейсер. – Ленинград: Прибой, 1929. – С. 298.

²³¹ Гриц, Т. Словесность и коммерция (Книжная лавка А.Ф. Смирдина) [Текст] / Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин / под ред. В.Б. Шкловского и Б.М. Эйхенбаума. – М.: «Аграф», 2001. – С. 46.

²³² Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении [Текст] / сост. Г.М. Веселовский. – Воронеж: Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета, 1866. – С. 245.

продавалась преимущественно духовная, церковная литература и учебные книги, часто с заранее известным их владельцу содержанием, а также переводные романы и др. Сами же покупатели в основном были ученики и учителя местных учебных заведений, духовенство и содержатели элементарных школ.

В первое время своего существования книжные лавки еще не могли считаться книжными центрами, но уже ближе к 50-м годам XIX столетия, уступая место книжным магазинам с кабинетами для чтения, они становятся местами, откуда расходятся все книжные новости ко всем слоям общества.

Одним из таких уникальных мест в г. Воронеже стала книжная лавка просвещенной личности Дмитрия Антоновича Кашкина. Родился Дмитрий Антонович в 1793 году в семье купца. В начале 1820-х гг. он открыл свою первую в городе книжную лавку, в которой продавались книги, периодические издания и ноты. При магазине существовала библиотека, где литература выдавалась на дом и принималась подписка на журналы. В ассортименте были книги, ориентированные как на все слои городского общества, так и определенные вкусы читателей.

Книжная лавка была «своеобразным культурно-просветительским центром Воронежа»²³³. Д. Кашкин «завел <...> свою лавку не из каких-нибудь чисто корыстных целей, а собственно из любви к книжному делу – к чтению. <...> Это был человек с поэтической настроенностью, воспитанный на переводных романах и на школе сентиментальных русских писателей, которые и составляли в его книжной лавке библиотеку для чтения»²³⁴.

С 1825 года книжную лавку посещал А.В. Кольцов. Молодой поэт первые свои труды на оценку принес именно к Кашкину, который стал его первым читателем и критиком. Дмитрий Антонович сразу же одобрил интерес начинающего поэта к стихосложению и подарил ему книгу «Русская просодия», в которой были изложены правила сочинения стихов. Он разрешил

²³³ Глушенко, Г.С. Н.Д. Кашкин. Исследование [Текст] / Г.С. Глушенко. – М.: «Музыка», 1974. – С. 15.

²³⁴ Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении [Текст] / сост. Г.М. Веселовский. – Воронеж: Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета, 1866. – С. 246-247.

поэту бесплатно брать книги для чтения. «Скромный книгопродавец сумел даже стать светочем для поэта Кольцова, помимо личного благотворного влияния на поэта, он сослужил ему службу ещё и тем, что стал, так сказать, дверью для входа его в литературные кружки, которых тогда было несколько в Воронеже»²³⁵. За неоценимую помощь в стихотворном труде А.В. Кольцов посвятил Кашкину два произведения: «На отъезд Д.А. Кашкина в Одессу» и «Письмо к Д.А. Кашкину». Ко всему прочему, эта книжная лавка способствовала знакомству Кольцова с писателем и поэтом Н.В. Станкевичем: «Едва ли не в единственной книжной лавке воронежской, – писал Н.А. Добролюбов, – в первый раз сошлись они и познакомились друг с другом».²³⁶

За книгами часто заходили семинаристы, в общении с ними владелец лавки мог узнавать о новостях литературной и художественной жизни города, о делах их учебного заведения, о литературных новинках. В лавке находились сочинения А.С. Пушкина, М.В. Ломоносова, В.А. Жуковского, Г.Р. Державина, И.Ф. Богдановича, И.И. Дмитриева, А.А. Дельвига²³⁷.

Книжная лавка Кашкина немаловажную роль сыграла в культурном образовании его сына Николая Дмитриевича Кашкина (1839-1920), выдающегося музыкального критика, педагога и писателя. Николай получил домашнее образование, где главную образовательную функцию сыграли книги из лавки отца. Здесь он охотно знакомился с литературой и нотами. Первые знания о музыке он получил тоже от своего отца. Повзрослев, Николай уже сам давал уроки, выступал на литературно-музыкальных вечерах в качестве пианиста совместно с поэтом И.С. Никитиным.

Лавка просуществовала до 1860 года. Сколько представляла собой выгода от книжной торговли, можно судить по тому, что даже лучший книготорговец города Д.А. Кашкин не составил себе состояния. Лишь только

²³⁵ Биографическая библиотека Ф. Павленкова: Жизнь замечательных людей: В 3 т., Т. 3: XVIII – XIX вв. [Текст]. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 210.

²³⁶ Добролюбов, Н.А. Алексей Васильевич Кольцов, его жизнь и сочинения [Текст] / Н.А. Добролюбов. – М.: А.И. Глазунов, 1858. – С. 57.

²³⁷ Глушенко, Г.С. Н.Д. Кашкин. Исследование [Текст] / Г.С. Глушенко. – М.: «Музыка», 1974. – С. 16.

искренняя любовь к книгам, к самообразованию и просвещению других могли стать причиной открытия такого дела.

После смерти Д.А. Кашкина магазин перешел к его вдове Любови Васильевне (урожденной Поляковой) и сыну В.Д. Кашкину, затем к П.Н. Аносову, наконец, к М.П. Савостьянову. А в 1869 году магазин размещался на улице Большая Дворянская в доме сестры А.В. Кольцова, А.В. Андроновой.

В 1858 году был открыт книжный магазин купца Никанора Васильевича Гарденина, который существовал в 1858-1865 годах; первоначально им заведовал А.И. Селиванов. При магазине были музыкальный салон и картинная галерея, действовал кабинет для чтения, для которого выписывались столичные журналы и газеты. В «Губернских ведомостях» содержится следующее описание: «В книжном магазине Гарденина можно найти новейшие книги и литературные сочинения; более 30-ти современных журналов по разным отраслям знаний уже выписаны и получение их в скором времени ожидается. Кроме распродажи книг и сочинений, этот магазин служит вместе с тем и библиотекой для чтения: каждый желающий может пользоваться всем необходимым за умеренную плату. <...> С будущего года Гарденин предположил выписывать в свой магазин кроме русских иностранные журналы и желает сам быть издателем некоторых литературных сочинений»²³⁸.

Однако магазин впоследствии потерпел огромные убытки и был продан с аукциона.

Еще одним культурно-просветительским центром для г. Воронежа уже конца 50-х начала 60-х годов стал книжный магазин Ивана Саввича Никитина (1824-1861). Сама личность Никитина, его происхождение и творческие поиски представляют большой интерес для исследования.

И.С. Никитин родился в Воронеже в мещанской семье Саввы Евтихиевича Никитина, который владел в то время небольшим свечным заводом и лавкой. После окончания Воронежского духовного училища в 1839 году Иван Никитин поступил в Воронежскую духовную семинарию, из которой

²³⁸ Книжный магазин Гарденина [Текст] // Воронежские губернские ведомости. – 1858. – №9. – С. 76.

его исключили в 1843 году за то, что он не посещал занятия. Позднее в «Дневнике семинариста»²³⁹ он описал свои грустные воспоминания, которые в нем остались от семинарского периода. Через некоторое время торговые дела отца потерпели неудачу, скончалась мать, да и средства к существованию начали стремительно заканчиваться. Мечта поэта поступить в университет стала нереализуемой. Трудно было Никитину в таких условиях, так как пришлось брать все дела в свои руки: сначала торговать в свечной лавке, а потом управлять постоялым двором с 1844 года.

В повседневной жизни И.С. Никитина не оставляли мечты о поэтической стезе. Поэт с упорством занимался самообразованием, изучением иностранных языков, постоянно что-то читал. 1853 год становится значимым для поэта, так как в его жизни начинаются положительные изменения, связанные со знакомством и сближением с историком, этнографом, общественным деятелем, просвещенной личностью Н.И. Второвым и его деятельным кружком, который объединял представителей воронежской интеллигенции. Лидер кружка подтолкнул Никитина к идее публикации в газете «Воронежские губернские ведомости» своего патриотического стихотворения «Русь», созданного как раз во время начала Крымской войны. Это стихотворение было встречено публикой положительно, так как содержало злободневные идеи.

Нужно отметить, что книжный магазин И.С. Никитина был открыт в Воронеже в самую горячую пору, когда потребность в чтении нарастала²⁴⁰. «Это была пора, когда прекратилось навсегда повторявшееся издание книг, получившее свое начало до 55 года, а вместо этих книг стали появляться по всем отраслям знания новые книги, когда организовались целые компании для новой издательской деятельности, часто доходившие в своих операциях до

²³⁹ См.: Никитин, И.С. Стихотворения; Дневник семинариста [Текст] / И.С. Никитин. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1986. – 381с.

²⁴⁰ О чем свидетельствует статистика Г.М. Веселовского, в которой показаны данные о подписчиках магазина И.И. Лакшина: если в 1859 их было 140, то уже к 1862 году число увеличилось до 235. См.: Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении [Текст] / сост. Г.М. Веселовский. – Воронеж: Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета, 1866. – С. 254.

самой узкой специальности»²⁴¹. Следить за всеми литературными новинками в полном объеме было возможно только при существовании хорошо организованной библиотеки, но ее еще пока не было, а частных средств требовалось очень много.

Роль проводника литературного движения в Воронеж взял на себя Иван Саввич. Для такого предприятия требовалось обладать не только коммерческой сметливостью, но и литературным чутьём, любовью к книгам. Дело в том, что на тот момент в городе уже существовал вышеупомянутый книжный магазин Гарденина, который вначале еще мог составить конкуренцию. Однако впоследствии «появление в Воронеже искусного и понимающего книжное дело книгопродавца, в лице И.С. Никитина, совершенно подорвали и убили книжный магазин Гарденина»²⁴².

Итак, в 1858 году, после издания «Кулака», у поэта образовался небольшой капитал (около 2 тыс. рублей), но применения ему он пока не находил²⁴³. Впоследствии приглашение в агенты от «Общества дешевого издания книг» подтолкнуло Никитина на мысль о собственном книжном магазине. На то время в городе уже существовали три книжные лавки, и поэтому затея эта была немного рискованной, да и здоровье поэта начало ухудшаться, а друзья, Второв и Придорогин, очень опасались, что Никитин может превратиться в «торгаша».

В письмах к своим друзьям Никитин писал, что берется за книжную торговлю, не имея при этом основной целью свое обогащение, а желая осуществления более благородных целей: познакомить общественность с хорошей литературой, достоянием русской и французской культуры.

На пути к осуществлению своей мечты Никитин встретил трудности. В это время в городе распространился пасквиль на одно очень значительное лицо, и Иван Саввич оказался серьезно втянутым в это дело, его честь была задета.

²⁴¹ Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях [Текст] / сост. Г.М. Веселовский. – Воронеж: Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета, 1866. – С. 249.

²⁴² Там же, С. 248.

²⁴³ Биографическая библиотека Ф. Павленкова: Жизнь замечательных людей: В 3 т., Т. 3: XVIII – XIX вв. [Текст]. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 593.

Ему, как лицу собирающемуся открывать магазин, такая молва, конечно же, была пагубна. К счастью, впоследствии удалось решить эту проблему. После этого процесса репутация Никитина поднялась, а авторитет литератора возрос очень высоко.

Никитин стремился открыть свою лавку к февралю 1859 года, так как в это время начинались дворянские выборы, и в город стекалась вся округа, как раз время очень благоприятное для начала торговли, знакомства с образованными людьми. Но товара все не было, посланный за ним человек все никак не мог вернуться. Лишь только к 15 февраля книги были привезены в магазин из Петербурга. Как только распахнулись двери лавки, местная публика сразу же хлынула туда всей толпой, в масленичное время это было очень естественно. Работая в своем магазине, Никитин не мог забывать заботиться о выгоде, так необходимой для существования. Однако его друзья все больше хотели видеть в поэте человека, которому чужды материальные интересы, и который склонен к пожертвованиям ради всеобщего блага.

Общественность требовала от поэта не просто магазина с книгами, а нечто большего. Так оно и случилось: «...книжный магазин Никитина начал приобретать в Воронеже значение клуба, места, куда можно было зайти не для развлечения от скуки, не для узнавания только последних газетных новостей, но и для живой, образованной беседы»²⁴⁴. К поэту стали приходить люди не просто за книгами, но и за общением, интересовавшиеся его мнением по тому или иному вопросу, словом, вокруг него образовывалась своя публика.

Никитин поставил перед собой задачу познакомить читателей, особенно учащуюся молодежь, с современными журналами, лучшими отечественными и зарубежными новинками. Его магазин-библиотека закупал издания с учетом современных требований. В его магазине можно было не просто приобрести книгу, но и пролистать журналы, газеты, посоветоваться с хозяином-поэтом.

²⁴⁴ Де-Пуле, М.Ф. Светлые черты воронежской жизни (из очерков «Николай Иванович Второв» 1847, «Иван Саввич Никитин» 1885) [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 117.

Здесь часто разгорались дискуссии. Никитин сам зачитывал публике свои и других авторов литературные шедевры.

Один из посетителей магазина с благодарностью вспоминал роль Ивана Саввича в их воспитании и просвещении: «Мы, еще тогда совсем юные, многим были обязаны дорогому для нас поэту. Он научил нас по-настоящему понять Белинского, познакомил нас с пленительной красотой тургеневского языка, наполнил наши сердца некрасовской скорбью за обездоленный народ, влил в нас свежую мысль лучших критиков “Современника”»²⁴⁵.

После смерти поэта магазин перешел во владение к И.И. Лакшину, но такого успеха больше у читателей не имел.

Таким образом, зарождению печати в Воронеже способствовали просвещенные личности. Присущее эпохе Просвещения стремление провинциальной интеллигенции второй трети XIX века принимать самое активное участие в становлении периодической печати нашло отражение и в воронежской культурной среде. Местная интеллигенция стала не только автором первых изданных в провинциальной типографии книг, но и переводчиком иностранных трудов. Редакторами крупной газеты того времени «Воронежские губернские ведомости» становились лица, связанные с учебными заведениями города, люди, которые в своей работе не ограничивались только лишь подготовкой и правкой текста, а стремились к более высоким просвещенческим целям. Из среды учеников первых губернских деятелей печати вышли впоследствии ученые, писатели, журналисты, которые заняли видное место в истории России. Книжные лавки города стали заведениями, где местная публика не только покупала свежие издания, но и могла с владельцами посоветоваться, обсудить содержание и качество печатной продукции, оценить талант того или иного поэта, писателя и философа.

²⁴⁵ Тонков, В.А. Никитин [Текст] / В.А. Тонков; [ред.: О. Кретьева, М. Подобедов. – Воронеж: Обл. книгоизд-во, 1945. – С. 34.

Глава III. Литературно-музыкальные вечера как центры развития культуры Воронежской губернии 1800-1860-х гг.

3.1. Литературно-музыкальный салон первой половины XIX века как социокультурный феномен

Слово «салон», происходящее от французского «le salon», в современном языковом обиходе имеет множество значений. В.И. Даль характеризовал этот термин как «зала, зал; гостиная, комната для приема»²⁴⁶. В словаре С.И. Ожегова семантика слова «салон» заметно расширяется: «1. Помещение для выставок, демонстрации товаров, а также магазин, где продаются художественно изготовленные товары, произведения искусства, или ателье, где работа выполняется художественно. 2. Комната для приема гостей в богатом доме (устар.), а также общая гостиная в отеле. 3. Политический или литературно-художественный кружок из людей избранного круга, собирающийся в доме какого-н. частного лица (устар.). 4. Внутреннее помещение для пассажиров в автобусе, троллейбусе, самолете, а также зал ожидания»²⁴⁷.

Прототипы салонов можно обнаружить еще во времена Древней Греции, в период правления царя Перикла. Его дом был тем самым местом, в котором собирались знаменитые философы, поэты и другие творческие личности. Алкивиад, Анаксагор, Ксенофонт, Платон, Сократ, Софокл – все они были гостями царского «салона». Хозяйкой этого «салона» была Аспасия, жена Перикла. На этих вечерах поднимались вопросы политики, литературы, искусства и философии.

Важно отметить, что салонная культура в Европе активно развивалась в Средние века. Самыми первыми здесь салонами можно назвать собрания при дворах крупных феодалов в XII-XIII веках. Дело в том, что представители всех

²⁴⁶ Даль, В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. / В.И. Даль. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 575.

²⁴⁷ Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27652> (дата обращения: 10.09.14)

классов средневекового общества обладали достаточным количеством свободного времени. Не занятые военными походами, дворяне развлекались охотой, турнирами и празднествами. И даже в таких условиях у них оставалось очень много ничем незаполненного времени. Историк средневековой культуры Э. Виолле-ле-Дюк пишет следующее: «Расстояния, непогода или плохие дороги часто вынуждали дворян, особенно зимой, оставаться в замках и усадьбах, в семейном кругу, куда доходили лишь редкие новости. Прибытие трувера, пилигрима, гонца было событием: с такими гостями обходились как нельзя лучше и, если они хоть мало-мальски развлекали или заинтересовывали владельца замка, их осыпали подарками, удерживали в замке, предлагали поскорее приезжать вновь»²⁴⁸. Так, с появлением гостя, жизнь в далекой средневековой крепости оживлялась, начинали устраиваться маленькие праздники. Это были регулярные домашние вечера, на которых все внимание было обращено на трубадуров, исполнявших песни и тем самым устраивавших настоящие спектакли. Светские дамы были вдохновительницами, вокруг них собирались приглашенные певцы, поэты. Таким образом, культ дамы сердца процветал.

В соответствии с теорией цивилизационного процесса Н. Элиаса парижские салоны со своим стремлением к прививке хороших манер произошли из дворцовой культуры. Салонная традиция была ввезена из Италии Екатериной Медичи. Ее придворные дамы начали устраивать подобные вечера во Франции. В XVI веке в окружении Маргариты Валуа, дочери Екатерины Медичи, образовался литературный кружок. На этом кружке представители знати размышляли о популярных литературных и философских произведениях, представляли на суд публике собственные сочинения.

Отметим, что в XVI-XVIII века в Европе салоном называли помещение – большой холл, зал, центральную часть дома богатой фамилии. Со временем салон потерял свой частный характер и его начали использовать для приема

²⁴⁸ Виолле-ле-Дюк, Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века [Текст] / Э.Э. Виолле-ле-Дюк. – Санкт-Петербург: «Евразия», 1997. – С. 147.

гостей. В крупных домах Италии, Франции и Германии приемы в салонах стали происходить регулярно, постепенно становясь собранием общественности с целью коммуникации. Так, салон из помещения превратился в своеобразное место встреч социокультурного значения. В XVII веке салоны во Франции называли следующим образом: *la société* – общество, *le cercle*, *la coterie* – круг, *la cour littéraire* – литературный двор, *l'assemblée* – собрание, *les chambres* – комнаты, а в XVIII веке – *le souper* – ужин, *le dîner* – обед, *le bureau d'esprit* – общество интеллектуалов²⁴⁹.

Светские салоны во Франции с самого начала своего возникновения были подлинными центрами культурной жизни государства. «Французские аристократические и полубуржуазные салоны этого времени становятся не столько местом приема почетных гостей и знатных визитеров, сколько специфическим пространством интеллектуального общения и дебатов...»²⁵⁰. Салоны были ориентированы на этико-эстетические нормы и образ жизни представителей высшего сословия, отличались приверженностью к формам придворно-аристократической культуры.

Восприятие салона как места интеллектуального общения стало утверждаться во Франции уже в XVII веке. Идейным вдохновителем, хозяйкой салона была женщина – «салоньерка» (от фр. *la salonnière*). Хозяйки принимали гостей по определенным дням недели и в указанные часы. Приемы могли назначаться как в утреннее, так и вечернее время. Существовали такие понятия, как «малый прием» и «большой прием». В первом случае хозяйка открывала двери только для самых близких ей людей, которые зачастую получали приглашение в устной форме. Что касается второго понятия, то нередко большие приемы превращались в настоящие балы.

Хозяйка салона по своему вкусу и интуиции подбирала своих гостей, которыми становились поэты, писатели, музыканты, художники. У каждого из

²⁴⁹ Успенская, В.И. Женские салоны в Европе XVII–XVIII веков [Электронный ресурс] / В.И. Успенская // Женщины. История. Общество. Сбор. ст. – Режим доступа: http://tversocium.ru/library/main.php?subaction=showfull&id=128375952_0&archive=&start_from=&ucat=65&do= (дата обращения: 20.09.14)

²⁵⁰ Скакун, А.А. Французская культура XVII века и ее восприятие в России [Текст] / А.А. Скакун // Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 32.

гостей была роль, определявшаяся талантом к какому-либо виду творчества. Особенность салона заключалась в том, что он не устанавливал строгих социальных рамок приглашенных гостей. Хозяйка салона придумывала темы для бесед, задавала нужный тон и просто создавала уютную и творческую атмосферу. Салоны часто были пристанищем для инакомыслящих философов того времени, таких как, например, Вольтер, Юм, Локк. Хозяйки салонов имели большой авторитет в светских кругах, и их мнение по поводу того или иного произведения искусства часто высоко ценилось. В салонах создавалась мода на определенные литературные или музыкальные произведения, на конкретных авторов, на оформление комнат в доме, стиль в одежде и украшениях. Поскольку салоны часто были приютом для творческой половины того времени, то необходимо обозначить важную роль хозяек этих собраний как «пиарщиков». Они способствовали продвижению как новых литературных, музыкальных произведений, так и самих их авторов.

Начав устраивать салоны в своих домах, европейская аристократия превратила их из частных помещений в светское пространство. Первым салоном, возникшим во Франции, принято считать салон мадам де Рамбуйе (Екатерины де Вивон)²⁵¹. Он открылся в 1617 году. Мадам де Рамбуйе, распахнув двери своего дома, тем самым создала общество творческих, заинтересованных людей. Писатели, поэты, философы и даже ученые стали посещать ее салон, в котором всегда велись интеллектуальные беседы, обсуждались литературные произведения. Её салон посещали такие знаменитые всему миру творцы, как Корнель, Мольер, Ларошфуко, Венсан Вуатюр и др. Это было место, в котором «мужчины и женщины встречались на равных, при этом у них были одинаковые вкусы и схожие интересы»²⁵².

По словам Анны Мартен-Фюжье, французского историка частной и светской жизни, «салонная общежительность не была исключительной принадлежностью высшего света; она служила образцом для всего среднего

²⁵¹ Mason, A.G. The Women of the French Salons [Text] / Amelia G. Mason. – New York: the Century Co., 1891. – P. 27.

²⁵² Там же.

класса»²⁵³. Мелкие буржуа, чтобы подчеркнуть свою значимость, могли завести горничную и назначить особый день для приема гостей. Также данный исследователь полагает, что жизнь салона на всех уровнях общества строилась одинаково. Вечера в салонах мелкой и средней буржуазии представляли собой подражание вечерам в высшем свете.

Традиции салона присутствовали и в Англии. Салонная культура была привезена туда из Франции в первой четверти XVII века свитой принцессы Генриетты Марии, которую выдали в 1625 г. замуж за английского короля Карла I Стюарта. По словам А.А. Кузнецовой, драматические события английской истории середины XVII в., призванные гражданской войной, казнью короля и правлением О. Кромвеля, не позволили традиционной салонной культуре (каковой считается французская) раскрыться в Англии в полной мере, но зато в этих салонах зарождается и расцветает английский галантно-героический роман²⁵⁴. Авторы английских галантно-героических романов показывали частную жизнь своих героев, изображая при этом салонные беседы, дискуссии, различные игры и домашние спектакли, которые часто наполняли свободное время посетителей салонов.

Нет сомнения в том, что салонная культура перекочевала в Россию именно из Франции, страны, к которой с пиететом относилась не только Европа, но и просвещённая русская общественность. По причине очень тесных взаимоотношений с Францией, начиная с середины XVIII века, в Москве и Петербурге входят в моду литературно-музыкальные салоны, основой которых было объединение единомышленников вокруг яркой, образованной личности.

Иоахим Клейн считает, что «в России XVIII века ещё не было ничего похожего на французский салон»²⁵⁵, тем самым вступая в конфликт с мнением Аронсона и Рейсера, полагавшими существование таких форм объединения уже

²⁵³ Мартен-Фюжье, А. Элегантная жизнь, или как возник «весь Париж», 1815-1848 [Текст] / А. Мартен-Фюжье. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. – С. 98.

²⁵⁴ Кузнецова, А.А. Салонная культура XVII в. и английский галантно-исторический роман [Текст] / А.А. Кузнецова // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. – 2012. – №1. – С. 32.

²⁵⁵ Клейн, И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века [Текст] / Клейн Иоахим. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – С. 508.

в то время²⁵⁶ (в XVIII веке). Однако автор не отрицает существования уже в этот период литературных обществ, возникавших вокруг Московского университета и литературных кружков, собиравшихся у Хераскова, Державина и др.

Первый литературный салон в России был открыт графом Иваном Ивановичем Шуваловым в Петербурге в 50-х годах XVIII века²⁵⁷. Тогда царский двор и аристократия все больше и больше ориентировались на Запад. Это проявлялось не только в моде, но и в манерах светского общения. Частыми гостями Шувалова были гений М.В. Ломоносов и поэт А.П. Сумароков. В его салоне разгорались нешуточные споры на литературные темы, в которых вышеупомянутые участники зачастую были яростными оппонентами. Завсегдатаями этого салона были и художники. Не случаен тот факт, что Шувалов является основателем Академии художеств²⁵⁸.

Поскольку европейская салонная традиция была скопирована аристократией из царского двора, то можно с уверенностью сказать, что салоны существовали и при русском дворе XVIII века. Так нам известен Эрмитажный салон Екатерины II, в котором она была «не только организатором, но и зачинателем его литературной продукции»²⁵⁹. Императрица по образцу французских салонов создала свой, в котором стремилась сотворить новый духовный тип русского дворянина. При помощи своего салона Екатерина приобщала общество к идеям Просвещения. Литературными основами этого салона были «Энциклопедия», переписка с хозяйками французских салонов, например, госпожой Жоффрен, и художественное творчество посетителей французских салонов. Ее салон пародировал в своем шуточном уставе Устав Российской Академии, где главным объектом осмеяния была его языковая архаика. Салон императрицы и Академия спорили по поводу реформирования

²⁵⁶ Аронсон, М.И. Литературные кружки и салоны [Текст] / М.И. Аронсон, С.А. Рейсер. – Ленинград: Прибой, 1929. – С. 41.

²⁵⁷ Анисимов, Е.В. Личность Ивана Шувалова [Текст] / Е.В. Анисимов // Философский век. Альманах. Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории. – СПб., 1998. – Вып. 8. – С. 22.

²⁵⁸ Шувалов, П.И. Шувалов И.И.: Избранные труды [Текст] / сост., автор коммент. С.В. Андрияйнен, авторы вступ. ст. С.В. Андрияйнен, А.Б. Каменский. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 250.

²⁵⁹ Акимова, Т.И. Эрмитажный салон Екатерины II: между французскими салонами и Российской Академией [Текст] / Т.И. Акимова // Вестник Татарского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. – 2010. – № 1 (19). – С. 4.

русского языка. Однако литературно-языковая реформа для салона не являлась самоцелью, «а была средством утверждения нового модуса отношений между императрицей и ее избранными подданными, в основе которых лежала свободная и в то же время изощренная интеллектуальная игра. Орудием ее и должны были стать обновленные литературно-языковые формы»²⁶⁰.

Стоит уделить отдельное внимание общению, проходившему в салонах. Для салонной беседы, или как её еще часто называли «болтовни», была характерна непринужденность и поверхностность. Светскому человеку не следовало заострять внимание или придавать слишком большое значение какой-либо одной теме разговора. Он должен был уметь с легкостью переходить от одного предмета дискуссии к другому. «Главный характер этого лёгкого разговора состоял в том, чтобы не зацепиться ни за одну глубокую или оригинальную мысль, не высказать ни в чем своего собственного убеждения; чтобы всё было гладко, не касалось ни жизни, ни правительства, ни науки; одним словом, чтобы разговор не был никому особенно интересен и был всем понятен, всем по плечу»²⁶¹. Императрица Екатерина II не приветствовала серьезных разговоров в своей гостиной. Ее вечерние беседы предназначались для отдыха и веселья. Екатериной были даже придуманы своеобразные наказания для тех, кто решится показать свой ум: этот человек в таком случае должен будет выпить стакан холодной воды и прочитать страницу из «Телемахида».

Сначала русские салоны формировались как литературные общества. «В XVIII веке литературное общество еще только ищет свои формы, и очень часто это объединение родственников, поэтов, находящихся в каких-то дружеских и родственных связях»²⁶². К концу XVIII века роль салонов в общественной жизни неуклонно растет. Подчеркивая социокультурную значимость салонов, скажем, что русская философия зарождается именно в них: «...русская мысль,

²⁶⁰ Там же, С. 6.

²⁶¹ Лаврентьева, Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет [Текст] / Е.В. Лаврентьева. – Москва: Молодая гвардия, 2005. – С. 212.

²⁶² Лотман, Ю.М. Воспитание души [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб., 2003. – С. 443.

развиваясь в недрах литературных салонов, постепенно и плавно перешла в философские сообщества, где превратилась в самостоятельную школу русской национальной философии»²⁶³.

Поскольку такая форма времяпрепровождения, как салон была заимствована из французской культуры, то нет сомнения в наличии множества сходств и различий с ним у русских салонов. В работе «Культура и взрыв» Ю.М. Лотман писал о дворянских салонах в России первой четверти XIX века как «явлении своеобразном, ориентированном на парижский салон предреволюционной эпохи и, вместе с тем, существенно от него отличающемся»²⁶⁴. Нам предстоит разобраться, в чем состоят главные сходства и различия.

Основное сходство, на наш взгляд, заключается в том, что салон во Франции и в России был в большей степени порождением женского мира. На это указывает И. Клейн: «Салон существовал в определенном гостеприимном доме, причем тон здесь задавала хозяйка дома – салон представляет собою явление женской культуры»²⁶⁵. С тем, что салон – «явление женской культуры», спорить не приходится. Можно бесконечно перечислять как хозяек французских салонов (мадам де Рамбуйе, Нинон де Ланкло, маркиза дю Деффан, Жюли Леспинас, мадам де Рекамье и др.), так и русских (З.А. Волконская, А.П. Елагина, К.К. Павлова, Е.П. Ростопчина и др.).

Эту же мысль подчеркивает отечественный исследователь западноевропейской культуры А.А. Скакун: «Салоны XVII в. породили феномены женской эпистолярной прозы и мемуаристики (М. де Севинье, М.-М. де Лафайет, Ф. де Ментенон, мадам де Лонгвиль, мадемуазель де Монпансье и др.), а также значительно способствовали процессу зарождения женской

²⁶³ Семенова, Е.В. Литературные салоны России XIX века: начало кристаллизации русской философской культуры [Электронный ресурс] / Е.В. Семенова // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №4. Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyesalonyrossiixixvekanachalokristallizatsiirusskoyfilosofskoykultury#ixzz2yN3AIRAZ> (дата обращения: 20.05.2013).

²⁶⁴ Лотман, Ю.М. Культура и взрыв [Текст] / Ю.М. Лотман. – Москва: Аспект, 2003. – С. 67.

²⁶⁵ Клейн, И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века [Текст] / Иохим Клейн. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – С. 468.

субкультуры в целом (М. де Скюдери, мадам д'Онуа, мадам д'Оней и др.)»²⁶⁶. Однако автор рассматривает французские салоны как ранние формы феминистского движения, чего, на наш взгляд, нельзя сказать о российских салонах, и в этом самое главное отличие. В статье В.В. Бунтури мы находим следующее: «...несмотря на роль женщины как законодательницы литературного вкуса в обеих культурах, в России отношение к женщине окрашено преимущественно в романтические тона. Во Франции же женщина ко второй половине XVIII столетия добивается общепризнанного интеллектуального и частично общественного равенства с мужчиной».²⁶⁷ В подтверждение этому можно добавить то, что «европейские салоны XVII-XVIII вв. (французские и английские, прежде всего) предстают как первые опыты расширения социального пространства для женщин, интеллектуального общения женщин и мужчин вне семьи, а также как первые попытки женских объединений по интересам, по-своему способствовавших формированию женского сознания, феминистского по своей сути»²⁶⁸.

Следует отметить, что не только во Франции, но и, например, в Германии «салоны явились первой серьезной попыткой эмансипации женщин»²⁶⁹. Здесь салоны достигают расцвета в период немецкой классической литературы, эпоху романтизма. Представители романтического движения выступали за участие женщины в создании культурных ценностей. Для них салон был формой свободного взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга.

Чтобы получить более четкое представление о роли женщины в русском салоне, рассмотрим петербургский салон Софьи Дмитриевны Пономаревой. Софья Дмитриевна (1794-1824) была хозяйкой салона, в рамках которого ею был организован кружок «С. Д. П.» или «Сословие друзей просвещения». Она

²⁶⁶ Скакун, А.А. Французская культура XVII века и ее восприятие в России [Текст] / А.А. Скакун // Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 32-33.

²⁶⁷ Бунтури, В.В. Парижский литературный салон второй половины XVIII века и петербургский литературный салон первой трети XIX века: опыт сравнительного анализа [Текст] / В.В. Бунтури // Вопросы культурологии. – 2009. – №9. – С. 74.

²⁶⁸ Успенская, В.И. Женские салоны в Европе XVII–XVIII веков [Электронный ресурс] / В.И. Успенская // Женщины. История. Общество. Сбор. ст. – Режим доступа: http://tversocium.ru/library/main.php?subaction=showfull&id=128375952_0&archive=&start_from=&ucat=65&do= (дата обращения: 20.09.14)

²⁶⁹ Гареева, Э.А. Роль литературных салонов в эмансипации женщин высшего сословия в период немецкого романтизма XVIII-начала XIX века [Текст] / Э.А. Гареева // Вестник ВЭГУ. – 2014. – №4 (72). – С. 93.

получила блестящее домашнее образование, «бойко говорила на нескольких европейских языках и владела превосходно русским»²⁷⁰, была замужем за А.И. Пономаревым, богатым откупщиком. В 1821 году в её доме был организован салон. Как пишет В.Э. Вацуру: «В начале двадцатых годов салон с хозяйкой во главе – культурный факт глубокого смысла»²⁷¹. Среди её гостей были такие знаменитые в литературе имена, как И.А. Крылов, А.Е. Измайлов, В.И. Панаев, В.К. Кюхельбекер, А.А. Дельвиг. Как мы видим уже из этого маленького списка, что гостями у неё были мужчины. В этом салоне сложился «культ Софии», по которому все члены общества боготворили хозяйку. Все эти восхищения выливались в бесконечные стихи, посвящённые Софии. Всё дело в том, что сентиментальная эстетика начала XIX века в России считала женщину благородного происхождения «основным арбитром литературного вкуса». «На ее язык, очищенный от просторечия и вульгаризмов, а с другой стороны – от книжной речи и профессиональных жаргонов, – ориентировался Карамзин, реформируя язык литературы»²⁷². Пример С.Д. Пономаревой, конечно, не единственный в России, но вполне ярко дающий представление об отношении мужчин к салонным женщинам.

Французский салон был очень динамичным и развивающимся явлением и уже в XVIII веке из института досуга превратился в институт просвещения. Это же можно сказать и о русском салоне, но только в XIX веке. Зачастую французские салоны явились площадкой для обсуждения женского вопроса, что не имело места быть в русской культуре. Русские салоны не стали источником феминистского движения, они были всего лишь тем самым пространством, в котором женщины могли посоревноваться с мужчинами в интеллектуальном плане, подискутировать на равных правах о каком-либо литературном произведении. Русских салонных женщин интересовал не

²⁷⁰ Вацуру, В.Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры [Текст] / В.Э. Вацуру. – Москва: «Книга», 1989. – С. 16.

²⁷¹ Там же, С. 6

²⁷² Там же, С. 6.

социальный статус, а роль в эстетическом и духовном мире дворянской культуры XIX века.

Салонная культура подарила миру уникальное явление – альбом. Он был дополнительным способом общения и в некоторой степени формой самообразования. Сначала альбомы были своеобразной литературной игрой, но к началу XIX в. они уже прочно вошли в историю быта всех дворянских семей. Хозяйки литературных салонов обязательно их заводили, это был необходимый атрибут светской беседы. Существовали на тот период различные виды альбомов: стихотворные, нотные, для рисования и смешанные. С самого начала альбомы были «памятниками дружбы и общения», а в 30-40-м гг. превратились в коллекции автографов известных и уважаемых людей, друзей.

Интересно отметить то, что русские салоны существовали и за границей. В Париже, по свидетельству Вяземского, все еще сохранялось старое искусство держать салон: «Это умение или искусство (держать салон) переходит в предание. Замечательно, что последними представительницами этого искусства в Европе едва ли по преимуществу не были русские дамы: княгиня Ливен, княгиня Багратион, Свечина. Салон первой был политический. <...> Салон второй нашей соотечественницы был более чисто светский, так сказать, эклектический, без исключительного характера, а так, всего хорошего понемножку. Свечина председательствовала в салоне духовном с оттенком догматическим, но и литературным»²⁷³.

Существует целый ряд терминов, которые в той или иной степени обозначают салон: кружки, общества, объединения, собрания, беседы, вечера, обеды, чтения и др. – все эти форы предполагают объединение людей. В книге «Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века» Н.Л. Бродский говорит о том, что из салона со временем формировались новые объединения – «кружки». В частности, он пишет: «От великосветского салона к разночинскому кружку, от аморфного литературного объединения, быстро

²⁷³ Юнгтрен, А. Поэзия Тютчева и салонная культура XIX века [Текст] / А. Юнгтрен; [отв. Ред. Б.Н. Тарасов]; науч. Совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2006. – С. 13.

распадающегося вследствие различных интересов его участников, к долговременному существованию группы, связанной общностью работы в журнале, газете – таков путь салонно-кружковых организаций первой половины XIX века».²⁷⁴

Если взять за основу классификации форм салонов «Список литературных объединений»²⁷⁵ конца XVIII - первой половины XIX вв. Аронсона и Рейсера, то сможем сделать некоторые выводы. Из представленных авторами порядка 200 столичных литературных объединений, большая часть именуется кружками и салонами. Таким образом, на основании данной информации можно поделить все литературные объединения на две основополагающие формы: *салоны* и *кружки*. Далее, необходимым видится провести четкую грань различия между ними.

Участниками «салонной жизни» была преимущественно аристократия. Н.Л. Бродский пишет следующее по этому поводу: «Салон – исключительная принадлежность крупнопоместного барства и, во всяком случае, родовитого или богатого столичного круга, – объединяя людей по их классовому родству, был оформлением эстетических вкусов дворянского быта, выполнял украшающую функцию жизни знатного и богатого слоя»²⁷⁶. Безусловно, в салоне могли присутствовать выходцы и из других классов, но, по словам Бродского: «...они или услаждали своим искусством знатного хозяина с гостями и с окончанием вечера прекращалась их связь с колонной залой, или занимали особое место, не сливаясь с другими посетителями салона».²⁷⁷

Салону присуща открытость, то есть в него могли проникнуть все, кто пожелает (вне зависимости от способности к литературному и музыкальному пониманию или творчеству); меньшее единство его членов, поскольку состав салона мог постоянно меняться, у него не было четкой фиксированной

²⁷⁴ Литературные салоны и кружки: первая половина XIX века [Текст] / под. ред. Н.Л. Бродского. – Москва: «Аграф», 2001. – С. 10.

²⁷⁵ Аронсон, М.И. Литературные кружки и салоны [Текст] / М.И. Аронсон, С.А. Рейсер. – Ленинград: Прибой, 1929. – С. 301-306.

²⁷⁶ Литературные салоны и кружки: первая половина XIX века [Текст] / под. ред. Н.Л. Бродского. – Москва: «Аграф», 2001. – С. 10.

²⁷⁷ Там же, С. 10.

аудитории, и поэтому он был более, чем кружок связан с бытовой обстановкой эпохи. В салоне собирались люди из круга общения хозяина, и при этом на каждый вечер состав салона определялся собственным желанием, интересом его главы. Обязательности посещения салона не предусматривалось. По времени своего существования салоны были намного живучее, чем кружки (например, салон Е.А. Карамзиной просуществовал около 25 лет). Салонное общение было непринуждённым и лёгким. Литературный салон в большей степени связан с читателем, а кружок с писателем, творцом. Так, салон в литературной эволюции играет роль пропагандиста данной литературы в современном ему обществе, салон – посредник между писателем и читателем.

Один из ярчайших примеров салонной жизни – московский салон княгини З.А. Волконской, просуществовавший с конца 1824 до начала 1829 года. Ее салон притягивал весь дворянский свет столицы, поскольку его хозяйка была очень образованной и талантливой женщиной, умеющей привлечь и расположить к себе людей. По мнению Н.В. Сайкиной, «салон Волконской занял одно из центральных мест в литературной и культурной жизни русской дворянской элиты первой четверти XIX века»²⁷⁸. Его посетители были очень известными и влиятельными людьми того времени.

Другой, отличной от салона формой объединения, был кружок. В нем собирались участники, несмотря на различие в социальном происхождении. Особенность кружковой формы объединения заключалась в его регулярности, организованности, целенаправленности. Кружок был в большей степени связан с производством литературного продукта. «Домашние кружки, возникающие свободно и не сдержанные инерцией официального существования, в меньшей степени обязаны посторонним факторам и в большей степени посвящены литературе. Они сами создают литературу, в то время как официальные общества ею питаются»²⁷⁹. Кружок обладал двухсторонней связью с литературой: с одной стороны он определял литературу, а с другой, литература

²⁷⁸ Сайкина, Н.В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской [Текст] / Н.В. Сайкина. – М.: Наука, 2005. – С. 3.

²⁷⁹ Аронсон, М.И. Литературные кружки и салоны [Текст] / М.И. Аронсон, С.А. Рейсер. – Ленинград: Прибой, 1929. – С. 36.

влияла на его развитие. Так, кружок предполагал наличие фиксированного числа его членов, которые имели свои печатные материалы. «Кружки, выражая рост общественной мысли всех социальных групп, кроме закрепощенного крестьянства <...> и малокультурного городского ремесленного мещанства, служили организаторами их идеологии, часто имели свои печатные органы, были местом встреч людей, сходящихся для делового уяснения волнующей темы, для разрешения идеологических контроверз, для проведения в профессиональной практике общей идеологической воли».²⁸⁰

Кружки имели своего председателя и соответствующие документы, в которых фиксировались идеи каждого заседания. Бродский писал, что «особенностью литературных кружков было то, что наряду с чисто литературными вопросами неизменно возбуждались на собраниях вопросы иного порядка, литературные темы обсуждались на широком фоне общих проблем – социальных, философских, и не раз заострение “внелитературной” тематики вызывало крушение литературного объединения»²⁸¹. У кружка была четкая направленность, определена сфера интересов и поисков. Именно поэтому кружки позднее перерастали в научные общества.

Ярким примером кружкового объединения был «Арзамас», существовавший с 1815 по 1818 год, в который входили сторонники Н.М. Карамзина. Истоки «Арзамаса» уходят в последние десятилетия XVIII века, время формирования литературных кружков. «1800-е годы – время собирания сил, формирования партий, установления и пересмотра литературных репутаций»²⁸². У этого кружка была общая цель – борьба с архаическими литературными вкусами и традициями. В составе кружка были писатели В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, А.А. Плещеев, В.Л. Пушкин, А.С. Пушкин, А.А. Перовский, С.П. Жихарев, А.Ф. Воейков, Ф.Ф. Вигель и др. «Арзамас» возник в обстановке полемики с «Беседой любителей русского

²⁸⁰ Литературные салоны и кружки: первая половина XIX века [Текст] / под. ред. Н.Л. Бродского. – Москва: «Аграф», 2001. – С. 11.

²⁸¹ Там же, С.12.

²⁸² Арзамас: сборник в 2-х т., кн. I, Мемуарные свид-ва; Накануне «Арзамаса»; Арзамасские документы [Текст] / вступ. Ст. В. Вацура; сост., подгот. Текста В. Вацура, А. Ильина-Томича, Л. Киселевой др. – М.: Художественная литература, 1994. – С. 7.

слова», руководителем и идейным вдохновителем которой были Г.Р. Державин и А.С. Шишков. «...Дом Державина был важным двигателем тогдашней литературной деятельности»²⁸³. В то время на всех ступенях общества наблюдалась склонность к занятиям литературой, в особенности лирической и драматической поэзией.

В рамках рассмотрения кружковых форм объединения отдельное внимание стоит уделить студенческим поэтическим кружкам, особенностью которых был однородный состав участников и развлекательный характер встреч.

Русское студенчество, сформировавшееся как особая этнокультурная группа, заговорило о себе лишь в XIX столетии. По мнению исследователя С.Г. Исакова, русская студенческая поэзия была создана в Дерпте, под заметным немецким литературным влиянием, хотя в ней почти с самого начала присутствовало стремление к «русскости», к отражению русского национального духа, термина популярного в эпоху романтизма²⁸⁴. В 1810-1820 гг. в Дерпте впервые появляется группа русских студентов, и в эти же годы создается дружеский кружок русской и немецкой интеллигенции. Не последнюю роль в создании этого кружка сыграл профессор русского языка и словесности Александр Федорович Воейков, в доме которого любила собираться местная молодежь. В этот кружок входили физикохимик Станислав Шемиот, будущий крупный дипломат Николай Киселев, студенты Александр Хрипков (в будущем художник), Александр Петерсон, князь Владимир Голицын, Александр Лаппа и другие²⁸⁵. Кружок занимался сочинительством, однако эти произведения не сохранились в большинстве своем, так как их наиболее интересные произведения не публиковались. Благодаря лишь личному альбому Воейкова можно оценить творчество молодых сочинителей. Поэзия кружковцев была пародийно-сатирической и порой вольнолюбивой.

²⁸³ Там же, С. 38.

²⁸⁴ Исаков, С.Г. О поэтической школе русского дерптского студенчества 1810-1840-х гг. [Текст] / С.Г. Исаков // Вышгород. – 2003. – №3. – С. 7.

²⁸⁵ Там же, С. 8.

Таким образом, мы провели грань между двумя основными формами объединений – кружками и салонами. Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что салон был явлением больше связанным с отдыхом, непринужденным общением, а в кружок люди собирались с определенной целью, часто просвещенческой, в четко фиксированном составе. Подчеркнем, что литературные или литературно-музыкальные кружки и салоны разные структуры как по своему функционалу, по сфере деятельности, так и по составу своих участников. Такое различие становится отчетливо заметно в русской провинции.

Выделив две основные формы объединений (кружки и салоны), необходимым видится указать их типы и виды. В ходе исследования единой классификации салонов найдено не было. Исследователь И.А. Смирнова делает самую общую классификацию салонов, подразделяя их по своему размеру и весу на два вида: «...большие вечера, где собирались общие знакомые для приятных светских бесед, поверхностных разговоров, а порой и сплетен, и такие, где в тесном кругу настоящих друзей горячо и открыто обсуждались проблемы литературы, новые произведения, вышедшие из печати, затрагивались политические вопросы»²⁸⁶.

На наш взгляд, более подробную классификацию дает Е.Н. Палий в статье «Типы и виды салонов XVIII-XIX вв.»²⁸⁷. За основу своей типологии исследователь берет социальный состав участников салона, тем самым выделяя аристократические и демократические. По мнению автора, аристократический салон был преобладающим типом в период с конца XVIII и в начале XIX века. Он представлял собой совокупность участников дворянского происхождения. Второй тип, демократические салоны, появившийся в России в начале XIX века, состоял не только из лиц дворянского происхождения, но и представителей разночинной интеллигенции.

²⁸⁶ Смирнова, И.А. А.О. Смирнова-Россет в русской культуре XIX века [Текст] / И.А. Смирнова. – Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т., 2004. – С. 72.

²⁸⁷ Палий, Е.Н. Типы и виды салонов в России XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс] / Е.Н. Палий // Научно-исследовательский журнал. – 2012. – Режим доступа: <http://www.research-journal.org> (дата обращения: 01.10.2013).

По направлению деятельности автор выделяет следующие виды салонов: литературные, музыкальные, философские, литературно-музыкальные (зачастую салоны были смешанными) и др. По своему местоположению салоны подразделялись на следующие виды: столичные, городские и усадебные.

На специфику салона в России, его уникальные черты влияло место проведения, будь то столица или противоположная ей в культурных смыслах провинция, город или усадьба. «Вершиной русской аристократической культуры стала попытка создать идеальный, совершенный мир в рамках дворянской усадьбы, которую можно рассматривать как специфичную, отличительную черту салонной культуры России»²⁸⁸.

Таким образом, салон, будучи заимствованным из европейской культуры, хорошо прижился на российской культурной почве, став площадкой для трансляции передовых литературных и музыкальных тенденций своего времени. Многообразие типов салонов говорило о его полифункциональности: в салонах поднимались вопросы не только литературы и музыки, но и истории, краеведения, философии, политики; в таких местах воспитывался вкус у публики. Российские салоны имели много схожих черт с французскими. Однако, открыв свои двери в другой культурной среде, и немного позднее, чем на своей родине, они впитали местные особенности. Салоны образовывались вокруг талантливых личностей, библиотек, типографий, при учебных заведениях – все это подчеркивало потребность общества в таких объединениях. Нередки были случаи, когда такие способы объединения становились предпосылкой к формированию научных обществ. Центрами салонной жизни являлись Москва и Петербург. Но провинциальное общество, подражавшее столичной моде и порядку, скопировало данную форму активности, привнеся в нее свои специфические черты.

²⁸⁸ Палий, Е.Н. Салон как феномен культуры XIX века. Традиции и современность: монография [Текст] / Е.Н. Палий. – М.: Изд-во «НЕФТЬ и ГАЗ», 2008. – С. 80.

3.2. Литературно-музыкальные вечера Воронежской губернии 1800-1860-х гг. как инвариант столичных салонов

Воронежское дворянство, интересовавшееся литературой и музыкой, устраивало в своих домах вечера-концерты, которые по своей структуре напоминали столичные светские салоны, однако ни по месту проведения, ни по составу участников, ни по масштабу таковыми не могли являться. На специфику подобных вечеров провинциальная культурная среда оказала сильное влияние, в чем нам предстоит разобраться далее на конкретных примерах.

Отметим, что частотность проведения салона в провинции не была такой же регулярной, как в столицах, да и сам термин «салон» едва ли мог активно употребляться в обиходной речи. Всё чаще в периодических и мемуарных источниках мы встречаем следующие понятия: «литературно-музыкальные вечера», «домашние концерты», «домашнее музицирование». Масштаб вечера мог колебаться от уютного, камерного времяпрепровождения, до крупного мероприятия, концерта.

Не только губернские центры, но и малые города и даже поместья, составлявшие Воронежский край в первой половине XIX века, стремились подражать столице, и в первую очередь через литературу. А.В. Никитенко – журналист, историк литературы, профессор Петербургского университета и действительный член Академии наук в своем дневнике в 1816 году писал об Острогожске, городке, в котором жил некоторое время: «У многих, даже у купцов и мещан, были коллекции книг серьезного содержания, например: “Юридические сочинения” Юсти, “Конституция Англии” Делольма, “Персидские письма” Монтескье и его же “Дух Законов” <...>. Усердно читалась, между прочим, и газета “Московские Ведомости” – чуть ли не единственная в то время известная в провинции. В обществе толковали о науке, искусствах, обсуждали вопросы внешней и внутренней политики»²⁸⁹.

²⁸⁹ Никитенко, А.В. Записки и дневник: в 3 т. [Текст] / А.В. Никитенко. – М.: Захаров, 2005. – Т. 1. – С. 90.

«Многие воронежские усадьбы независимо от их доходности и пышности ансамбля были “культурными гнездами”, то есть создавали вокруг себя общественно-культурную среду, формировавшуюся научными и художественными вкусами его владельца, общением с приезжавшими родственниками, друзьями, соседями»²⁹⁰. Важными составляющими культурной среды усадьбы, на наш взгляд, являлись библиотеки, художественные коллекции, музеи, литературно-музыкальные вечера, мини-театры. Очень часто владельцы усадеб занимались благотворительностью на местном уровне: строили церкви, школы, больницы и организовывали целые предприятия.

По мнению исследователей М.А. Поляковой и Т.С. Старцевой, характерной чертой воронежской усадебной культуры был ее «личностный» характер²⁹¹, когда в центре усадебного мира находился человек с его творческими поисками, жизненными проблемами и мировоззрением.

В Богучарском уезде, в селе Писаревка, находилось имение Николая Васильевича Бедряги (1745-1811), уездного секунд-майора. В справке о дворянских родах Богучарского округа показано: «Николай Бедряга сорока одного году, женат полкового судьи Федора Татарчукова на дочери Марии, детей имеет: Федора – восьми, Самуила – шести, Клеопатру – одиннадцати, Просковью – десяти [лет]. Людей за ним мужска тысяча триста двадцать девять душ в Острогожском и Богучарском уезде, в с. Писаревке, где состоит он, Бедряга, и жительствует секунд-майором в отставке»²⁹².

Марья Федоровна Бедряга (умерла в 1842 г.) после смерти мужа сама владела имением. Она была богатой помещицей, что следует из «Дела о выдаче надворной советнице Бедряги М.Ф. свидетельства на имение, состоящее в Богучарском и Острогожском уезде» за 1821 год. В документе было сказано, что в собственном ее владении в сл. Писаревке Богучарского уезда состоит

²⁹⁰ Полякова, М.А. Культурные традиции воронежских дворянских усадеб [Текст] / М.А. Полякова, Т.С. Старцева // Русские провинциальные усадьбы. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2003. – С. 79.

²⁹¹ Там же, С. 79.

²⁹² ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 48. Л.121.

дворовых людей 7, а окрестных – 779. «В хуторах Федоровском – 268, Самойловым – 168, Титаревом – 122, Николенковым – 70, Стещенковым – 78, а всего – 1492 мужского пола души, которых по нынешней 7-й ревизии написали за нею, Бедрягою, из числа коих стоит в запрещении 951 душа»²⁹³.

Как стало известно из дневника А.В. Никитенко, в ее усадьбе проводились музыкальные вечера. Концерт устраивал оркестр из крепостных крестьян. Богато представленный ряд музыкальных инструментов может говорить об особой причастности к музыке не только хозяев, но и их прислуг: «Тут были: однорукий валторнист Иван, скрипач Бирик – он же и капельмейстер, другой скрипач, Трофим, молодой парень, мой приятель, всегда готовый за чернослив и пряник пропиликать мне “По мосту, мосту по калиновому” <...>. Были у нас и контрабас, и фагот, и флейта, и цимбалы. <...> Таким образом, в небольшой комнате, служившей нам и гостиной, и столовой, и передней, по всем правилам задавались концерты»²⁹⁴.

Литературные вечера устраивались и в офицерских кругах. На таких мероприятиях зачастую звучали не только отрывки, но и целые произведения знаменитых авторов. Так, например, в г. Острогожске А.В. Никитенко был участником одного из подобных «сборищ», оценивая его литературно-музыкальную составляющую достаточно высоко: «Как отуманенный ходил я после офицерских вечеринок, где всегда не последнюю, а часто и главную роль играло чтение. Иные из офицеров отлично декламировали, иногда целые драмы. Тут я в первый раз услышал “Эдипа в Афинах” Озерова и познакомился с произведениями Батюшкова и Жуковского, которые тогда только что появились в свете. Мы буквально упивались их музыкой и заучивали наизусть целые пьесы, например: “Мои Пенаты”, “Умиравший Тасс”, “На развалинах замка в Швеции”, или отрывки из “Певца во стане русских воинов” и т.д. У многих были заведены тетрадки, в которые они вписывали изречения или отрывки из прочитанного и почему-либо особенно заинтересовавшего их»²⁹⁵.

²⁹³ ГАВО. Ф. И.-167. Оп. 1. Д. 1336. Л. 11.

²⁹⁴ Никитенко, А.В. Записки и дневник: в 3 т. [Текст] / А.В. Никитенко. – М.: Захаров, 2005. – Т. 1. – С. 59-60.

²⁹⁵ Там же, С. 114-115.

В селе Белогорье Острогожского уезда располагалось имение другой ветви рода Бедряг – Григория Васильевича (1754-1815) и Анны Ивановны (?-1844)²⁹⁶. Дворянский род Бедряги знаменит своими военными подвигами, талантливыми администраторами и чиновниками. Появились они на воронежской земле с середины XVIII века.

Их сыновья были участниками войны 1812 года. Среди потомства заметно выделялся Михаил Григорьевич Бедряга (1777-1833), полковник, командир эскадрона Ахтырского гусарского полка, воевавшего на Бородинском поле. Он дружил с поэтами Д.В. Давыдовым и К.Ф. Рылеевым. Кондратий Федорович, характеризуя душевные качества Михаила Григорьевича, писал следующее: «Будучи самых высоких понятий о чести, и благороден чувствами и поступками, он умел вдохнуть и нижних чинов дух свой и любовь к чести»²⁹⁷. Однако в бою был ранен в голову и уже после стал негодным к строевой службе. В 1817 году вышел в отставку и отправился поправлять здоровье в родительский дом.

Его родной дом был широко распахнут для людей, поскольку матушка славилась своим гостеприимством. «Генерал-майорша Анна Ивановна Бедряга любила принимать у себя офицеров конно-артиллерийской батареи, прибывшей в слободу на постой после победоносных заграничных походов»²⁹⁸. Здесь бывал Рылеев, который читал свои стихотворения. Он посвятил другу Бедряге некоторые произведения (например, «Пустыня (К М.Г. Бедряге)»). По возвращении в Петербург Рылеев не забывал своего острогожского товарища и присылал ему свои стихотворения.

Из помещенных в газету «Воронежский телеграф» за 1872 год воспоминаний, мы узнаем некоторые сведения о проводившихся в прошлом музыкально-поэтических вечерах в усадьбе И.С. Башкирцева, в селе Семилуки, близ города Воронежа.

²⁹⁶ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 48. Л. 85.

²⁹⁷ Полное собрание сочинений К.Ф. Рылеева [Текст] / Лейпциг: типогр. Ф.А. Brockhaus, 1861. – С. 360.

²⁹⁸ Акиншин, А.Н. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии [Текст] / А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – С. 58.

Иван Сергеевич Башкирцев, один из самых богатых купцов-фабрикантов того периода, был мужем старшей сестры поэта А.В. Кольцова Марии Васильевны, которая умерла в 1831 году. Хозяйина усадьбы и поэта связывала крепкая дружба. «Здесь, на даче, поэт находил и помощь, и заботу, и участие, и понимание. Они очень нужны были Кольцову, и тогда, когда он переживал душевную драму, связанную с потерей любимой Дуняши – крепостной девушки, проданной родителями поэта куда-то в донскую станицу; и в дни конфликтов с деспотом-отцом; и в желании убежать из торгашеской среды грубых и бессердечных людей, с которыми он постоянно сталкивался. Поэт умел ценить искренние человеческие отношения – это и влекло Кольцова на дачу Башкирцева»²⁹⁹.

Когда мы говорим о пушкинских, лермонтовских, толстовских местах, то часто подразумеваем их родовые усадьбы. Поскольку Алексей Васильевич не был дворянином (он принадлежал к мещанскому сословию), то и своего поместья у него не было. Но зато таковым для него стал, правда, уже во взрослой жизни, дом Башкирцева. Уютная атмосфера усадьбы благотворно влияла на душевное состояние поэта и способствовала сочинительству. «Начиная с 1832 года, Кольцов регулярно бывает в загородном имении, живет там месяцами – с весны до глубокой осени, и почти все стихи тех лет навеяны древней красотой донских излуч, “ветрами с полудня”, пахнущим степным разнотравьем, песнями девушек-крестьянок из недалекого села, и, конечно же, встречами с Варенькой Огарковой, в замужестве Лебедевой»³⁰⁰.

Степан Никандрович Нагаев – учитель музыки, пианист, композитор-любитель, в конце 30-х годов давал частные уроки игры на фортепьяно на Большой Дворянской улице, в доме Путилина³⁰¹. Младшая сестра А.В. Кольцова Анисья Васильевна брала у него уроки. Еще при жизни поэта Нагаев

²⁹⁹ Новичихин, Е. Дача Башкирцева [Электронный ресурс] / Е. Новичихин. – Режим доступа: http://semiluki.ws/viewpage.php?page_id=6 (дата обращения: 20.05.2015).

³⁰⁰ Варфоломеев, П. Недаром же конь мой споткнулся [Электронный ресурс] / П. Варфоломеев // газета «Труд». – №167 (от 19.09.2002). – Режим доступа: http://www.trud.ru/index.php/article/19-09-2002/46563_nedarom_zhe_kon_moj_spotknulsja.html (дата обращения: 20.05.2015).

³⁰¹ Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 год [Текст] / под ред. Н.И. Второва. – Воронеж: Издание Воронежского губернского статистического комитета: В типографии губернского правления, 1856. – С. 25.

сочинил несколько романсов на его стихи, среди которых выделялся заметно «Хуторок» – одна из популярных русских народных песен. Из опубликованных им воспоминаний мы узнаем следующее: «По просьбе Анисьи Васильевны я написал музыку для “Хуторка”, когда эта песня была только что сочинена и ходила еще в рукописях между любителями стихов. Эта песенка имела громадный успех; ее пела в первый раз с аккомпанементом фортепиано сама Анисья Васильевна на вечере у Башкирцевых. На вечере присутствовал и поэт, и ему громко аплодировали, как автору романса»³⁰². Известно, что Кольцов неоднократно гостил в усадьбе (даче) мужа сестры, поскольку хозяин часто давал богатые обеды, на которых собиралась вся воронежская верхушка, и устраивал концерты домашнего хора и оркестра бродячих музыкантов³⁰³.

Ценным источником истории музыкальной жизни губернского центра является статья Н. Баталина «Воронеж в музыкальном отношении», опубликованная в № 7 журнала «Москвитянин» (1844 год). Из нее следует, что в 1833 году в город приехал механик из Вены по фамилии Браун, который стал жить на Дворянской улице в доме Н.И. Тевяшова. Он занимался починкой различных механизмов, делал часы, был очень талантливым мастером. Жители города, заметив его находчивость и сметливость, убедили открыть музыкальный магазин, который сразу же «сделался музыкальным rendez-vous всех виртуозов и любителей тонического искусства»³⁰⁴. Как мы можем заметить, это уже не первый случай в городе, когда магазин или лавка превращается в место встреч людей неравнодушных к искусству. С этого времени ему было поручено выписывать учителей музыки, а также музыкальные инструменты, ноты, альбомы для пения³⁰⁵.

В 1838 году г. Браун начал заказывать из Вены двухпедальную фисгармонику, что качественно способствовало увеличению спроса на

³⁰² Нагаев, С.Н. Исполнение песни «Хуторок» на стихи А.В. Кольцова на вечере у И.С. Башкирцева [Текст] / С.Н. Нагаев // Воронежский телеграф. – 1872. – №121. – С. 3.

³⁰³ Сокольский, Э. «По-над Доном сад цветет», или утешение Алексея Кольцова [Электронный ресурс] / Э. Сокольский // Научно-культурологический журнал. – №20 [238]. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.wa/wa/Main?textid=3083&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 25.05.2015).

³⁰⁴ Баталин, Н. Воронеж в музыкальном отношении [Текст] / Н. Баталин // Москвитянин. – 1844. – №7. – С. 183.

³⁰⁵ О подписке на альбом для пения «Сирена» [Текст] // Воронежские губернские ведомости. – 1841. – №41. – С. 207-208.

музыкальный инструмент, и, по всей вероятности, положило начало моде на музыкальные вечера. Представители военных профессий оказались самыми равнодушными к музыке. Так «начались музыкальные вечера, особенно у г. подполковника Шванвича, г. генерал-майора, командира драгунской бригады Павлищева – отличного виртуоза на скрипке и у г. полковника И.В. Романуса»³⁰⁶. Иван Васильевич Романус, прибывший еще в 1837 году в город Воронеж, занял должность командующего батальоном военных кантонистов. Будучи талантливым композитором, пианистом и капельмейстером, он вскоре завоевал интерес и любовь у местной публики. В своем доме Романус тоже начал организовывать музыкальные вечера.

Постепенно из поместий в город начинают стягиваться люди, чтобы иметь больше возможности чаще посещать музыкальные концерты. В 1839 году переселился в город «страстный аматер и виртуоз» г. Шкейдан, а в 1841 году – помещик Охотников, который по переезде в Воронеж взял с собой еще и свой превосходный оркестр. С этого момента «начинается блестящее *crescendo* для музыки в Воронеже, но и сам воронежский театр как будто бы воспрянул от летаргического сна, оживляясь чудесными звуками блестящего оркестра г. Охотникова»³⁰⁷. Как мы видим, развитие музыкальной жизни в городе способствовало еще и пробуждению местного театра, давно ушедшего на периферию по культурной значимости. Многие артисты из столиц начинают приезжать для участия в музыкальных концертах.

Из информации, помещенной в «Губернских ведомостях», следует, что предводитель дворянства Ф.И. Прибытков часто проводил у себя дома музыкальные вечера, особенно в период с 1850-1852 гг. В марте 1851 года в его доме выступала знаменитая виолончелистка: «Радужный и внимательный хозяин, желая придать разнообразие общественной жизни, вознамерился подарить публику концертом, который надолго заставил говорить в городе. Знаменитая виолончелистка Г-жа Кристиани [Христиани], по его просьбе,

³⁰⁶ Баталин, Н. Воронеж в музыкальном отношении [Текст] / Н. Баталин // Москвитянин. – 1844. – №7. – С. 183.

³⁰⁷ Там же, С. 184.

решилась познакомить публику со своим искусством, и игра ее доставила несколько минут чисто эстетического наслаждения»³⁰⁸.

Значительная часть концертов, организованных дворянством, служила высшей цели. Благотворительные концерты в пользу бедных стали отдельной страницей в истории литературно-музыкальных вечеров Воронежской губернии. Причастным к подобным концертам оказался и князь Н.Б. Голицын, который часто посещал город и являлся прекрасным виолончелистом. Один из таких концертов был дан 29 января 1844 года: «Особы, радушно способствовавшие благой его цели, были: М.Д. Бергиштерн пела при аккомпанементе И.В. Романуса арию из “Сомнамбулы”, соч. Беллини; Е.Ф. Офросимова играла на фортепиано фантазию из оперы “Моисей” соч. Тальберга; Ю.К. Савельева пела романс соч. г-жи Пюже. Сам князь Голицын играл на виолончели фантазию на разные темы с аккомпанементом оркестра, фантазию на русские темы своего сочинения...»³⁰⁹. Такие концерты, проводимые в здании Дворянского собрания, притягивали огромную публику и были всегда долгожданнами.

Со второй трети XIX века музыкальное искусство приобретает особую популярность у представительниц прекрасного пола, «воронежских виртуозок, к числу которых принадлежит г-жа Литинская, дочь генерала Кологривова, девица Марья Ивановна Христлиб – особенно отличная в пении, девицы Варвара Николаевна и Екатерина Николаевна Чертковы, г-жа полковница Бергштерн и генеральша Фон-Сталь»³¹⁰.

Отметим, что пример дворянства сильно повлиял на купечество и немного меньше на мещанство, которые впоследствии взялись за обучение своих детей музыке. Все чаще стала публиковаться информация в «Воронежских губернских ведомостях» о появлявшихся новых учителях музыки, о даваемых ими уроках.

³⁰⁸ Местная хроника [Текст] // Воронежские губернские ведомости. – 1851. – №10. – С. 86.

³⁰⁹ Внутренние известия: Из Воронежа [Текст] // Москвитянин. – 1844. – №3. – С. 219.

³¹⁰ Баталин, Н. Воронеж в музыкальном отношении [Текст] / Н. Баталин // Москвитянин. – 1844. – №7. – С. 184.

Поскольку через Воронеж проходил один из главных путей, связывающих центр России с Кавказом, то очень часто случалось так, что знаменитые поэты останавливались на здешних землях. В честь приезда таких гостей устраивались вечера-приемы.

В селе Семидубравном находилось поместье выходца из знатной генеральской фамилии Александра Львовича Потапова (1818-1886), учившегося в той же Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которой в свое время обучался М.Ю. Лермонтов. Вместе с Лермонтовым он проходил службу в лейб-гвардии гусарском полку, расквартированном в Царском Селе. Лермонтов своему сослуживцу и товарищу посвятил стихотворение «Расписку просишь ты, гусар».

«К сожалению, А.Л. Потапов не оставил мемуаров о Лермонтове, но некоторые интересные сведения о поэте он сообщил П.А. Висковатому – известному литературоведу и первому биографу Лермонтова. Тот же использовал их при написании своей книги “М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество” (1891 г.)»³¹¹.

Благодаря П.А. Висковатому нам становится известным, что во время своего пребывания в Семидубравном, а это произошло в 1840 году, Лермонтов на одном из вечеров сочинил музыку для своей «Казачьей колыбельной песни», и что в имении Потапова находились написанные рукой поэта ноты песни (данный факт показан в статье Ираклия Андроникова – прелюдии к «Лермонтовской энциклопедии» – «Образ Лермонтова») ³¹².

В Землянском уезде, неподалеку от Воронежа, располагалось поместье, хозяевами которого были отставной капитан второго ранга Вячеслав Иванович Плотников и его супруга Авдотья Александровна. Они вели достаточно однообразную жизнь степных помещиков, редко навещая друзей, зато их дом часто становился пристанищем не только родственников и знакомых, но и творческих личностей. Поэт И.С. Никитин стал завсегдатаем их дома,

³¹¹ Окунев, Б.Г. Лермонтов в Семидубравном [Текст] / Б.Г. Окунев // Записки воронежских краеведов: сборник / сост. А.И. Гайворонский. – Воронеж, 1983. – Вып. 2. – С. 209–218.

³¹² Там же.

«приглашенный бывать здесь как особое украшение местной публики»³¹³. Он сильно симпатизировал дочери хозяев. «Поэт посвящал Наталье Вячеславовне проникновенные лирические строки и вел себя с ней, как галантный кавалер».³¹⁴ У «маман», Авдотьи Александровны, имелся, как тогда было положено во всех столичных салонах альбом, в который Никитин вписал свое стихотворение (обо всем этом П.В. Малыхин рассказал в статье «Правда об И.С. Никитине»)³¹⁵.

Как мы могли заметить, И.С. Никитин – поэт, творческая личность был членом второвского кружка, выступал на публичных чтениях и часто участвовал в благотворительных литературно-музыкальных вечерах, на которых практически становился центральной фигурой. 9-го апреля 1861 года в зале Дворянского собрания организовали музыкально-литературный вечер. Программа этого вечера была следующей: «Г.Ф. Столь и К.В. Ушаков исполнили интродукцию и 2-е слово Спасителя (Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю: Лук. XXIII ст. 44), из оратория Гайдна. А.И. Антонов прочел “Уездный лекарь”, соч. Тургенева. В.В. Крупков прочел “Чернец”, стихотворение Шевченко. Е.Н. Метлицкая исполнила трио из оперы “Жизнь за Царя”, (соч. Глинки). Н.С. Большаков прочитал отрывок из “Литераторы обыватели”, соч. Щедрина. Е.А. Пистолькорс и А.Г. фон Брикман исполнили дуэт “Половцы”, муз. Варламова. И.С. Никитин прочитал свое стихотворение. <...> О.Д. Конюшевская прочла стихотворение Некрасова “Забытая деревня”. И.Д. Маринин прочел “Два оратора”, сцена из Шекспира собственного перевода с английского. И.С. Никитин прочел “Обоз”, рассказ Успенского»³¹⁶.

Из информации, помещенной в «Губернские ведомости», следует, что особое место на воронежских вечерах-концертах отводилось живым картинам (от фр. *tableaux vivants*). В словаре Ожегова понятие «живые картины»

³¹³ Акиншин, А.Н. Пахарь духовной нивы: Историко-краеведческие этюды [Текст] / А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский. – Воронеж: «Петровский сквер», 1996. – С. 7.

³¹⁴ Там же, С. 7.

³¹⁵ См.: Малыхин, П.В. Правда об И.С. Никитине [Текст] / П.В. Малыхин // Исторический вестник. – СПб., 1913. – Т.131. – С. 896-902.

³¹⁶ О музыкальном вечере в зале Дворянского собрания [Текст] // Воронежские губернские ведомости. – 1861. – №15. – С. 166.

определяется как «мимические сцены без слов»³¹⁷. Ю.М. Лотман характеризует их следующим образом: «живые картины» – спектакли, действие которых составляло композиционное расположение неподвижных актеров в сценическом кадре. Движение здесь изображалось, как в живописи, динамическими позами неподвижных фигур. Привычный созерцатель картины не удивляется тому, что ее неподвижное полотно обозначает динамические сцены. Он восстанавливает движение в своем сознании»³¹⁸.

Дело в том, что содержание крепостного театра было дорогим, не каждый помещик мог себе его позволить, тем более в губернии с мелкопоместным дворянством, и поэтому ему на смену в начале XIX века приходит увлечение живыми картинами, в которых участвовали уже не крепостные актеры, а сами хозяева и гости, обычно из числа молодежи. Живые картины представляли собой зачастую костюмированные сцены из известных произведений литературы или живописи. Они давали шанс своим участникам показать во всем блеске грацию, так как все сцены были немymi.

Обычно идея постановки живых картин возникала в течение вечера, и в таком случае она предполагала импровизацию, а актерам приходилось «выкручиваться» на ходу, без должной подготовки. «Поэтому зрители строго не судили отсутствие костюмов, освещения, рамы, занавеса и т.д.; напротив, все эти спешные приготовления тоже служили развлечением и предметом приятных разговоров. Чаще всего во время таких импровизированных показов зрителям предлагали отгадать название картины, сюжет которой пытались изобразить от двух до семи исполнителей, и имя художника. Если же участниками были дети, тогда заимствовали сюжет из сказок. Когда же картины ставились по случаю какого-нибудь семейного праздника, то в первую очередь заботились, чтобы их сюжет соответствовал торжеству»³¹⁹.

³¹⁷ Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10779> (дата обращения: 22.05.2015).

³¹⁸ Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб: «Искусство – СПб», 1994. – С. 200.

³¹⁹ Родина, Е.Б. Развлечения и игры дворянской эпохи. «Живые» картины. Загадки или шарady. Буриме [Электронный ресурс] / Е.Б. Родина // Тарханский вестник. – № 22. – Режим доступа: <http://>

«В живых картинах требуется опытность, тонкое знание дела и вкус, искусное расположение каждой группы, правильное освещение – все это такие условия, от исполнения которых зависит успех или неуспех картины. <...> И все это исполняется у нас с должным успехом»³²⁰, – сообщалось в «Воронежских ведомостях».

«В воскресенье 4 марта, постановлены были три картины: “Похищение из сераля”, “Сельский праздник” и “Взятие Михайловского укрепления”. Каждая из этих картин была обставлена с замечательным искусством, но вторая имела, сравнительно с прочими, гораздо больший успех. Картина представляет сельский праздник, взятого из быта Тиролевских крестьян. Старый скрипач, бандурист, сидит на опрокинутой бочке, рука его сжимает смычок, готовый проскользнуть по струнам скрипки. В антрактах между картинами г. Скрыпицын исполнил вариации на темы из “Лючии” на фантазию Берио»³²¹. Как мы можем заметить, картина на сельскую тему встретила больший успех у публики, и это подтверждает мысль, что в провинции в большей степени чувствуется причастность дворянства к народной культуре и к природе.

Живые картины были частым явлением и на благотворительных вечерах. Проникнувшись идеями чистой филантропии, воронежское общество захотело подражать примеру столиц в деле благотворительности. Так были устроены живые картины и благотворительный концерт в пользу сирот, призреваемых в Александринском детском приюте³²². Честь проявления этой идеи принадлежала попечительнице приюта, действительной статской советнице Анне Ивановне Шеле, которая в постоянных заботах об улучшении своего заведения решила предложить местной публике поучаствовать в благотворительном деле. Эта идея встретила «живейшее сочувствие, и все лучшее общество города решилось принять участие в общем подвиге

tarhany.ru/museum/nauchnie_statii_tarhanskije_vestniki_razvlechenija_i_igri_dvorjanskoi_jepohi_zhivie_kartini_zagadki_ili_sharadi_burime (дата обращения: 22.02.2016).

³²⁰ Местная хроника [Текст] // Воронежские губернские ведомости. – 1851. – №10. – С. 85.

³²¹ Там же, С. 85-86.

³²² Александринский детский приют был организован 1 июля 1848 года, под руководством А.И. Шеле – вдовы статского советника, которая в течение шести лет занималась обеспечением достойных условий для жизни сирот, давала благотворительные спектакли, концерты.

благотворения»³²³. Собравшемуся кружку А.И. Шеле сообщила о своем замысле, был составлен план живых картин, для которых нашлись сразу же исполнители, и были назначены пьесы для концерта.

Публика с большим нетерпением оставалась в ожидании спектакля, а в день представления зала театра с трудом вмещала многочисленных посетителей. «Но вот раздались, наконец, стройные звуки музыки и после блестящей увертюры, исполненной театральным оркестром, взоры всех обратились к рамке картины: в мрачной и почернелой темнице, перед распятием, представлена молящаяся узница (Е.А. Ознобишина); за нею стройный мужчина, одетый в богатый русский костюм (А.Н. Сомов). Шумные, восторженные браво сопровождали появление картины, и весь театр огласился громом рукоплесканий. Вслед за тем П.Д. Халютин и Князь В.П. Кейкуатов исполнили на фортепиано и фисгармонике поурри на тему из “Сомнамбулы”, соч. Черни; чудная мелодия фисгармоники трогала душу, и, сливаясь с живым и блестящим *allegro* фортепиано, производила невыразимое очарование»³²⁴. После игры актеров Софья Николаевна Сталь Фон-Гольштейн исполнила романс «Ясны очи, черны очи», на музыку А.А. Алябьева. Ее пение встретило множество рукоплесканий и положительных отзывов.

Затем была представлена живая картина «Сельская гадалщица» Н.А. Ознобишиной, И.Ф. Спешневым и П.Д. Халютиным. Сюжет этой картины взят из сельского быта. Вслед за картиной, Е.Д. Батурина исполнила романс из оперы Лукреция Борджия, чем доставила слушателям несколько минут эстетического наслаждения.

Третья картина, заимствованная из поэмы Д.Г. Байрона «Абидосская Невеста», представляла сцену, в которой отец Зюлейки (З.А. Храповицкая) робко стоит перед своим повелителем (В.А. Панов), а за ним в почтительной и унылой позе стоит мужчина в богатом бархатном костюме (А.Н. Ферзен). Затем показана фантазия на тему из оперы «Belisario», выполненная на фортепиано

³²³ Живые картины и благотворительный концерт в Воронеже [Текст] // Воронежские губернские ведомости. – 1851. – №13. – С. 113.

³²⁴ Там же, С. 114.

Е.А. Ознобишиной и Л.Д. Капканщиковым. Отчетливая игра этой пьесы заслужила одобрения. Прекрасная ария «Il segreto...» из Лукреция, исполненная С.Н. Сталь Фон-Гольштейн, очень понравилась публике.

Четвертую картину – «Сульфида и Спящий Шотландец», составляли красавица (Н.М. Сентянина) и спящий юноша (Н.А. Сталь Фон-Гольштейн). Картина эта считалась одной из самых сложных, поэтому не допускала возможности строгой художественной оценки.

Пятая картина была названа одной из самых удачных и блистательных: грациозная фигура Ольги (З.И. Савельева), представляющей вдовствующую Великую Княгиню, которая на могиле Игоря клянется отомстить древлянам за убийство супруга.

Последнюю картину составляли Ассур (Б.К. Сталь Фон-Гольштейн), сидящий на троне в окружении придворных (В.А. Панов, П.В. Маслов, А.И. Жмурин и В.А. Исаев), а пред ними стоит бледная, с умоляющими взорами и ужасом Эсеир (С.С. Корвин-Красинская).

В заключение этого вечера раздались пения гимна «Боже, Царя храни!»³²⁵

Так в г. Воронеже в 1851 году прошел благотворительный вечер, в котором, как мы убедились, приняли живое участие известные воронежские семьи. Как следует из «Губернских ведомостей», такие благотворительные вечера во второй четверти XIX века стали учащаться, по форме напоминая настоящие концерты.

Таким образом, литературно-музыкальный вечер как форма времяпрепровождения, похожая на столичный салон, существовала в Воронежской губернии со своими особыми чертами. Вечера, проводимые помещиками в городских домах или в своих усадьбах, стали главными формами причастности человека к культуре в провинциальной среде 1800-1860 гг. Особенностью таких вечеров была тесная связь с народной культурой. В организации вечера помещики активно привлекали крестьян для игры на

³²⁵ Живые картины и благотворительный концерт в Воронеже [Текст] // Воронежские губернские ведомости. – 1851. – №13. – С. 115.

музыкальных инструментах, пения и пр. Излюбленными сюжетами воронежского дворянства являлись народные мотивы, что очень характерно для провинциальной культуры. Никаких серьезных просветительских функций, по сравнению с кружками, такие вечера не выполняли, а вполне носили развлекательный характер. По своему масштабу вечера, устраиваемые в городе Воронеже, были намного шире, чем в поместьях, не только за счет количества участников, сложности своей программы, но и стоявшими перед ними задачами. Зачастую они организовывались с целью благотворительности.

Заключение

В результате произведенного исследования удалось прийти к следующим выводам. В процессе формирования культурной среды провинции в южной части России 1800-1860 гг. одной из доминирующих характеристик стало медленное, но непрерывное заимствование столичных традиций и нововведений. Отсутствие университета, публичной библиотеки, серьёзных журналов и других важных элементов культурной инфраструктуры общества, способных обеспечить устойчивый характер позитивных изменений культурной среды, компенсировалось иными формами социокультурной активности, прежде всего, литературными кружками и вечерами.

Нами было выявлено, что культурная среда Воронежской губернии представляла собой сложный структурный монолит, на специфику которого повлиял ряд факторов, в числе которых наиболее важными можно назвать географическое положение, социальный состав, знаковые исторические события и личности.

Пограничное положение с Украиной и значительная доля малороссиян, проживавших на территории губернии, влияли на традиции, бытовые особенности, фольклор территории. Плодородные черноземные почвы, мягкий климат, судоходные реки обеспечивали сельскохозяйственную мощь губернии и взаимосвязанную с ней купеческую деятельность.

Через Воронежскую губернию проходил путь, соединявший Москву с Кавказом. Эта дорога сыграла значимую в социокультурном плане роль, поскольку по ней проезжали знаменитые государственные, общественные и культурные деятели, которые часто останавливались в городе, устраивали приемы или же сами гостили в усадьбах местных помещиков, тем самым привнося разнообразие в размеренный провинциальный образ жизни.

Нами было доказано, что особую роль в культурной среде Воронежской губернии сыграли разночинцы, представители мелкопоместного дворянства, купечества и мещанства. В среде этих сословий появлялись яркие, просвещённые личности. Такие личности для провинциальной культурной

среды стали источником созидательной энергии, они «расшевелили» местную общественность, притянув к себе людей и образовав общества, занимавшиеся культурно-просветительской деятельностью. Поскольку основными формами причастности человека к культуре XIX века были литература и музыка, то провинциальное общество объединялось в кружки, организовывало литературно-музыкальные вечера, ходило в книжные и музыкальные лавки. Эти формы объединения и социально-культурные места стали центрами развития культурной жизни Воронежской губернии 1800-1860 гг. В дальнейшем они способствовали развитию литературоцентризма региона, который наиболее полно проявил себя в XX веке.

Кружок Е.А. Болховитинова способствовал началу изучения края, содействовал открытию первой типографии в Воронеже. На основании печатных источников, архивных документов, анкет второй половины XVIII века, а также личных наблюдений и исследований Болховитинов подготовил и издал в 1800 году первый научный труд по истории Воронежского края – «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии». Е.А. Болховитинов как просвещённая личность, собрав вокруг себя заинтересованных людей, способствовал их культурному развитию, духовному преображению.

Кружок Серебрянского, возникший в среде воспитанников духовной семинарии, повлиял на его участников в плане интеллектуального и общекультурного развития. Недостаток знаний, получаемых в семинарии и литературы в учебной библиотеке, компенсировался посещением кружка, на котором семинаристы читали знаменитые книги, декламировали и писали стихотворения. А.П. Серебрянский как талантливый сочинитель во многом этому способствовал.

Кружок Тарачкова хоть и не представлял собой серьёзного социокультурного образования, но в относительной степени сыграл важную роль для своих участников. Таких кружков в городе той поры было несколько, и все они зачастую складывались вокруг преподавателей местных учебных

заведений, которые получив университетское образование, становились проводниками их культурно-просвещенческих традиций.

Второвский кружок внес серьезный вклад в изучение края. Его участники занимались сбором, описанием и публикацией старинных воронежских рукописей, ими были изданы «Воронежские акты». Кружок помог становлению гения поэта И.С. Никитина. Выходцы из этого объединения способствовали открытию публичной библиотеки в городе. Второвцы поддерживали связь со столичными кружками, посредством чего в город попадал ценный научный материал, различные новинки литературы.

В целом, литературные кружки города объединили в себе прогрессивно мыслящих представителей разночинной интеллигенции, вели активную просветительскую деятельность и способствовали продвижению передовых идей. Большая часть выходцев из этих общностей была занята впоследствии редакторской деятельностью местных газет и журналов, преподавала в учебных заведениях, занималась исследованием старины и оставила после себя ценные труды.

Деятельность кружков стала основой для формирования в дальнейшем общественных организаций, которые начали появляться с отменой крепостного права в 1861 году. Они совершенствовали культурную инфраструктуру города, что проявлялось в открытии библиотек и музеев, способствовали изучению и сохранению исторического наследия родного края, дополняли действия правительства и органов местного самоуправления. Главную роль в этом процессе играли представители интеллигенции, идеи и замыслы которой, приходились по вкусу горожанам и сочетались с их потребностями в улучшении уровня жизни, распространении науки и культуры, организации свободного времени населения.

Появлению печатного дела в Воронеже поспособствовала просвещенная личность. Редакторами крупной газеты того времени, «Воронежских губернских ведомостей», становились лица связанные с учебными заведениями города, которые в своей работе не ограничивались только лишь подготовкой и

правкой текста, а стремились к более высоким просвещенческим целям. Из среды учеников первых губернских деятелей печати вышли впоследствии учёные, писатели, журналисты, занявшие видное место в истории России.

Книжные лавки города стали заведениями, в которых местная публика не только покупала свежие издания, но и могла с хозяином обсудить их содержание и качество, оценить талант того или иного писателя, драматурга, философа. Так, книжные лавки Воронежа выполняли функции «свободного салона». Они привлекали внимание общественности, в них разгорались нешуточные дискуссии, декламировались произведения местных поэтов, которые получали серьезную поддержку от книготорговцев.

Инвариантом традиционного столичного литературно-музыкального салона в провинции были вечера, устраиваемые помещиками в своих усадьбах. Эти усадьбы стали культурными центрами для всей округи. Особенностью проводимых в них вечеров была тесная связь с народной крестьянской культурой, местными богатыми фольклорными традициями. В организации вечера помещики активно привлекали своих крестьян для игры на музыкальных инструментах, пения, участия в спектаклях и пр. Излюбленными сюжетами воронежского поместного дворянства являлись народные мотивы, что очень характерно для провинциальной культуры. Никаких серьезных просветительских функций, по сравнению с кружками, такие вечера не выполняли, а вполне несли развлекательный характер. По своему масштабу вечера, устраиваемые в городе Воронеже, были намного шире, чем в поместьях не только за счет количества участников, сложности своей программы, но и стоявшими перед ними задачами. Зачастую они организовывались с целью благотворительности.

Таким образом, более чем за два столетия развития воронежского краеведения в изучении истории местной культуры было написано немало работ. Однако по части издания обобщающих трудов Воронеж всё ещё отстаёт от других регионов. Задачей ближайшего будущего остается создание подробной работы о воронежском культурном гнезде. Требуется дальнейшее

изучение взаимосвязей культуры столицы и провинции. Необходимо провести межрегиональное исследование, с целью детальнейшего анализа культурного диалога Воронежа с другими областями, которое позволит в дальнейшем составить чёткую и полную картину исторических событий и роли в них просвещённых личностей. По нашему мнению, исследование литературных кружков и вечеров второй половины XIX – начала XX века будет вполне перспективным направлением. Наконец, всё ещё без серьёзного внимания со стороны исследователей остаётся традиционная бытовая культура села и города.

Библиография

1. Акаткин, В.М. Прощание с утопией: Статьи о литературе [Текст] / В.М. Акаткин. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1991. – 334 с.
2. Акимова, Т.И. Эрмитажный салон Екатерины II: между французскими салонами и Российской Академией [Текст] / Т.И. Акимова // Вестник Татарского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. – 2010. – №1(19). – С. 4-8.
3. Акиньшин, А.Н. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии [Текст] / А.Н. Акиньшин, О.Г. Ласунский. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 432 с.
4. Акиньшин, А.Н. Воронежская культурная жизнь в трудах местных исследователей (XIX – начало XXI века) [Текст] / А.Н. Акиньшин // Общественное движение и культурная жизнь центральной России XIV-XX веков: сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – С. 8-30.
5. Акиньшин, А.Н. Пахарь духовной нивы: Историко-краеведческие этюды [Текст] / А.Н. Акиньшин, О.Г. Ласунский. – Воронеж: «Петровский сквер», 1996. – 85 с.
6. Акиньшин, А.Н. Записки старого пешехода: Прогулка по Большой Дворянской – проспекту Революции [Текст] / А.Н. Акиньшин, О.Г. Ласунский. – 2-е изд., доп. и испр. – Воронеж: Правдивцев и К., 2002. – 350 с.
7. Акиньшин, А.Н. За страницами краеведческих книг [Текст] / А.Н. Акиньшин. – Воронеж; Киев: МАГ, 2003. – 24 с.
8. Акиньшин, А.Н. Два века воронежского краеведения: люди, труды, события: краткий обзор [Текст] / А.Н. Акиньшин, О.Г. Ласунский. – Воронеж, 2000. – 59 с.
9. Акиньшин, А.Н. Этнографическое изучение Воронежского края в конце XVIII – начале XXI века [Текст] / А.Н. Акиньшин // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2015. – №4. – С. 44-47.

10. Анисимов, Е.В. Личность Ивана Шувалова [Текст] / Е.В. Анисимов // Философский век. Альманах. Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории. – СПб., 1998. – Вып. 8. – С. 13–23.
11. Анненков, П.В. Николай Владимирович Станкевич: переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым [Текст] / П.В. Анненков; [вступ. статья Е.М. Таборисской; науч. коммент. М.И. Медового; под ред. А.Б. Ботниковой, Ю.Л. Полевого]. – Воронеж: Кварта, 2013. – 368 с.
12. Антюхин, Г.В. Очерки истории печати Воронежского края 1798-1917 [Текст] / Г.В. Антюхин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973. – 282 с.
13. Антюхин, Г.В. Печатное слово России: История журналистики Чернозем. центра страны XIX в. [Текст] / Г.В. Антюхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – 221 с.
14. Анциферов, Н.П. Москва Пушкина [Текст] / Н.П. Анциферов; под общ. ред. В. Бонч-Бруевича. – М.: Гос. изд. Культ.-просвет. лит., 1950. – 78 с.
15. Анчиполовский, З.Я. Старый театр. Воронеж 1787-1917 [Текст] / З.Я. Анчиполовский. – Воронеж: ИПЦ «Черноземье», 1996. – 319 с.
16. Арзамас: сборник в 2-х т., кн. I, Мемуарные свид-ва; Накануне «Арзамаса»; Арзамасские документы [Текст] / вступ. ст. В. Вацура; сост., подгот. текста В. Вацура, А. Ильина-Томича, Л. Киселевой др. – М.: Художественная литература, 1994. – 606 с.
17. Аронсон, М.И. Литературные кружки и салоны [Текст] / М.И. Аронсон, С.А. Рейсер. – Ленинград: Прибой, 1929. – 312 с.
18. Архангельский, А.С. А.С. Пушкин в Казани (5-8 сентября 1833 года) [Текст] / А.С. Архангельский. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1899. – 68 с.
19. Аскоченский, В.И. За Русь Святую! [Текст] / Сост., предисл., прим. А.Д. Каплина; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 784 с.

20. Барышников, С.В. Культурная среда современного города: семиотический аспект / С.В. Барышников, А.Г. Барышникова // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2015. – Вып. 1 (5). – С. 9-14.
21. Бартенев, А.А. Жизнь и воспоминания одного дворянина [Текст] / А.А. Бартенев // Из истории Воронежского края: сб. статей. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2009. – Вып. 16. – С. 243-279.
22. Баталин, Н. Воронеж в музыкальном отношении [Текст] / Н. Баталин // Москвитянин. – 1844. – №7. – С. 183-185.
23. Белов, А.В. Русский провинциальный город в середине XIX века. Формы и функции городского развития [Текст] / А.В. Белов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История, политология, экономика и право». – 2009. – №4. – С. 19 – 23.
24. Бердяев, Н.А. Судьба России [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 240 с.
25. Биографическая библиотека Ф. Павленкова: Жизнь замечательных людей: В 3 т., Т. 3: XVIII – XIX вв. [Текст]. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 800 с.
26. Болховитинов, Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии [Текст] / Е.А. Болховитинов; науч. ред. А.Н. Акинъшин; [вступ. ст. и примеч. А.Н. Акинъшина]. – [Репр. изд.]. – Воронеж: Воронеж. обл. тип. - изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2011. – 228 с.
27. Будаков, В.В. Подвижники русского слова: Очерки [Текст] / В.В. Будаков. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2007. – 380 с.
28. Будаков, В.В. Великий Воронежец – историк и пастырь [Текст] / В.В. Будаков // Болховитинов – выдающийся ученый XVIII – XIX веков: исследования и материалы / под ред. Г.В. Вишиной и Е.П. Корчагиной. – Воронеж: изд. «Истоки», 2004. – С. 9-14.
29. Бунтури, В.В. Парижский литературный салон второй половины XVIII века и петербургский литературный салон первой трети XIX века: опыт сравнительного анализа [Текст] / В.В. Бунтури // Вопросы культурологии. – 2009. – №9. – С. 73-77.

30. Бурлина, Е.Я. Хронотоп малого города и проблемы гуманитарной экспертизы / Е.Я. Бурлина, Н.В. Барабошина // Вестник развития науки и образования. – 2013. – № 6. – С.166-168.
31. Вацуро, В.Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры [Текст] / В.Э. Вацуро. – М.: «Книга», 1989. – 415 с.
32. Вейнберг, Л.Б. Город Воронеж: исторический очерк [Текст] / Л.Б. Вейнберг // Воронежский юбилейный сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа. – Т. 1. – Воронеж: Воронежский губернский статистический комитет, 1886. – С. 71-197.
33. Веневитинов, Д.В. «Спокойно дни мои цвели в долине жизни...». Стихотворения. Письма из деревни [Текст] / Д.В. Веневитинов. – М.: Белый город, 2013. – 176 с.
34. Веселовский, Г.М. Города Воронежской губернии. Их история и современное состояние, с кратким очерком всей Воронежской губернии [Текст] / Г.М. Веселовский, Н.В. Воскресенский. – Воронеж, 1876. – 130 с.
35. Веселовский, Г.М. Город Острогожск (Воронежской губернии) и его уезд: историко-статистич. и этнограф. очерк с планом города и геогр. картой уезда [Текст] / Г.М. Веселовский. – Воронеж: Тип. Губ. правления, 1867. – 220 с.
36. Веселовский, Г.М. Исторический очерк воронежской гимназии от 1785 до 1835 года [Текст] / Г.М. Веселовский // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб., 1861. – С. 317-380.
37. Виолле-ле-Дюк, Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века [Текст] / Э.Э. Виолле-ле-Дюк. – Санкт-Петербург: «Евразия», 1997. – 384 с.
38. Виртшафтер, Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской Империи [Текст] / пер. с англ. яз. Т.П. Вечериной; под ред. А.Б. Каменского. – М.: Логос, 2002. – 272 с.
39. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального Штаба. Том XIII, ч. 2 «Воронежская губерния» [Текст]. – Санкт-Петербург: Типография департамента Генерального Штаба, 1850. – 136 с.

40. Волдочинский, В.П. Декабристы – воронежский след [Текст] / В.П. Волдочинский // Романтизм как вектор развития культуры: академический и музейный опыт: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 7-9 октября 2015 г.) / науч. ред. Т.А. Дьякова. – Воронеж: Кварта, 2016. – С. 254-259.
41. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях [Текст] / сост. Г.М. Веселовский. – Воронеж: Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета, 1866. – 454 с.
42. Воронеж: встреча с прошлым и настоящим: ист.-архитектур. ил. справ.-путеводитель по культур.-ист. памятникам [Текст] / сост. В. А. Мальцев; авт. текста: В. Митин, П. Попов, В. Кононов, Б. Фирсов; ред. И. Шишова. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 211 с.
43. Воронежские губернские ведомости [Текст]. – Воронеж, 1841-1862.
44. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710-1917: Историко-биографические очерки [Текст] / ред.-сост. А.Н. Акиньшин. – Воронеж: Центр.-Чернозем. книжное изд-во, 2000. – 400 с.
45. Воронежский краеведческий сборник: из истории культуры края [Текст]. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 208 с.
46. Воронежская литературная беседа: Материалы и исследования по истории литературы и театра [Текст] / под. ред. А.М. Путинцева. – Воронеж: Издание Воронежского Губполитпросвета и Никитинского музея, 1925. – 84 с.
47. Воронина, Н.И. Лики провинциальной культуры [Текст] / Н.И. Воронина. – Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2005. – 232 с.
48. Воронина, Н.И. Личность и время: метафизика музыки [Текст] / Н.И. Воронина. – Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2010. – 260 с.
49. Воронцов, Ю.В. Композитор А.А. Алябьев и его воронежские друзья [Текст] / Ю.В. Воронцов // Воронежский краеведческий сборник. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1985. – С. 101-123.

50. Воронцов, Ю.В. Композитор И.В. Романус [Текст] / Ю.В. Воронцов // Воронежский краеведческий сборник. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1985. – С. 119-122.
51. Воронцов, Ю.В. Музыкальная жизнь дореволюционного Воронежа. Исторические очерки [Текст] / Ю.В. Воронцов. – Воронеж: изд-во «Левый Берег», 1993. – 160 с.
52. Воскресенский, Н.В. Воронежские губернские ведомости [Текст] / Н.В. Воскресенский // Воронежский юбилейный сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа. – Воронеж: Воронежский губернский статистический комитет, 1886. – Т.2. – С. 181-182.
53. Воскресенский, Н.В. Пятидесятилетие Воронежских губернских ведомостей: Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников [Текст] / Н.В. Воскресенский. – Воронеж: Типография губернского правления, 1888. – 623 с.
54. Гайворонский, А.И. Золотые архивные россыпи: из истории культуры Воронежского края (конец XVIII – начало XX в.) [Текст] / А.И. Гайворонский. – Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1971. – 264 с.
55. Гайворонский, А.И. Первый воронежский словарь [Текст] / А.И. Гайворонский // Записки воронежских краеведов: вып. 2. – Воронеж: Воронеж. Центр.-Чернозем. Кн. Изд-во, 1983. – С. 69-72.
56. Гареева, Э.А. Роль литературных салонов в эмансипации женщин высшего сословия в период немецкого романтизма XVIII-начала XIX века [Текст] / Э.А. Гареева // Вестник ВЭГУ.– 2014. – №4 (72). – С. 89-96.
57. Глобализация и локальная культура. Сборник научных статей [Текст] / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. – М.: РГГУ, 2002. – 272 с.
58. Глущенко, Г.С. Н.Д. Кашкин. Исследование [Текст] / Г.С. Глущенко. – М.: «Музыка», 1974. – 326 с.
59. Голицын, И.А. Статистические таблицы Всероссийской Империи или физическое, политическое, статистическое начертание России с XIX столетия, из новейших писателей извлеченное [Текст] / И.А. Голицын. – Москва: В Губернской типографии у А. Решетникова, 1807. – 109 с.

60. Города Воронежской области: сборник [Текст] / сост. В.А. Прохоров. – Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1978. – 171 с.
61. Гревс, И.М. Монументальный город и исторические экскурсии [Текст] / И.М. Гревс // Анциферовские чтения. – Ленинград, 1989. – С. 69-75.
62. Гриц, Т. Словесность и коммерция (Книжная лавка А.Ф. Смирдина) [Текст] / Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин / под ред. В.Б. Шкловского и Б.М. Эйхенбаума. – М.: «Аграф», 2001. – 304 с.
63. Данилов, А.А. Интеллигенция провинции в истории и культуре России [Текст] / А.А. Данилов, В.С. Маметов. – Иваново: Ивановский гос. ун., 1997. – 173 с.
64. Дацков, И.С. Театральная хроника [Текст] / И.С. Дацков // Воронежские губернские ведомости. – 1851. – №6. – С. 6.
65. Де-Пуле, М.Ф. Алексей Васильевич Кольцов [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб., 1861. – С. 401-432.
66. Де-Пуле, М.Ф. Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке [Текст] / Соч. Михаила Де-Пуле. – СПб.: Тип. и литогр. В.И. Грაციанского, 1878. – 201 с.
67. Де-Пуле, М.Ф. Кружок Серебрянского [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // История Воронежской духовной семинарии / сост. Никольский П. – Воронеж, 1868. – С. 173-178.
68. Де-Пуле, М.Ф. Николай Иванович Второв [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Русский архив. – 1877. – С. 426-469.
69. Де-Пуле, М.Ф. Светлые черты воронежской жизни (из очерков «Николай Иванович Второв» 1847, «Иван Саввич Никитин» 1885) [Текст] / М.Ф. Де-Пуле // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 58-129.
70. Дзякович, Е.В. Подходы к исследованию провинции как социокультурного, ментального и кроссрегионального феномена [Текст] / Е.В. Дзякович // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 4. – С. 47 – 50.
71. Дидковская, Н.А. Российский провинциальный город как сфера реализации коллективных и личностных культуротворческих стратегий в исторической

- динамике [Текст] / Н.А. Дидковская // Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального: коллективная монография. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. – С. 127-134.
72. Дидковская, Н.А. Театр как субъект и среда воплощения культурных стратегий современной российской провинции [Текст] / Н.А. Дидковская // Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального: коллективная монография. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. – С. 323-331.
 73. Дмитриева, Е.Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай [Текст] / Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. – М.: ОГИ, 2008. – 528 с.
 74. Дневник купца А.П. Капканщикова [Текст] // Из истории воронежского края: к 200-летию воронежского краеведения. Сборник статей / отв. ред. А.Н. Акиньшин. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – Вып. 8. – С. 181-206.
 75. Добролюбов, Н.А. Алексей Васильевич Кольцов, его жизнь и сочинения [Текст] / Н.А. Добролюбов. – М.: А.И. Глазунов, 1858. – 153 с.
 76. Долженкова, М.И. Художественный мир провинциальной усадьбы [Текст] / М.И. Долженкова // Народные традиции в художественной культуре Тамбовского края: Практико-ориентированная монография. – Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2014. – 186 с.
 77. Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество [Текст] / С.Д. Домников. – М.: Алетейа, 2002. – 672 с.
 78. Духовные традиции усадебной культуры рода Боратынских: Сб. материалов Всерос. науч. семинара [Текст] / Сост. и науч. ред. М.А. Климкова. – Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. – 232 с.
 79. Евангулова, О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы [Текст] / О.С. Евангулова. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 304 с.
 80. Ермолин, Е.А. Миф и культура: Учеб.-метод. пособие [Текст] / Е.А. Ермолин; Науч.-метод. совет по культурологии М-ва образования Рос. Федерации,

- Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль: Александр Рутман, 2002. – 122 с.
81. Ерохина, С.В. Роль интеллигенции в формировании культурной среды малого провинциального города на рубеже XIX–XX вв. (на примере г. Углича Ярославской губернии) [Текст] / С.В. Ерохина // Ярославский педагогический вестник. Сер. Гуманит. Науки. – 2013. – № 2. – С. 269–273.
 82. Ерохина, С.В. Участие населения в формировании культурной среды малого города во второй половине XIX – начале XX века [Текст] / С.В. Ерохина // Социальная история российской провинции: материалы Всерос. научн. конф., 23-24 сентября 2011 г. / Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – С. 74-79.
 83. Ерохина, Т.И. Провинциальность в художественной картине мира русского символизма [Текст] / Т.И. Ерохина // Феникс – 2009: ежегодник кафедры культурологии. – Саранск, 2009. – С. 35-40.
 84. Жихарев, С.П. Записки современника [Текст] / С.П. Жихарев; ред., ст. и коммент. Б.М. Эйхенбаума. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 834 с.
 85. Загоровский, В.П. Воронеж: Историческая хроника [Текст] / В.П. Загоровский. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1989. – 255 с.
 86. Злотникова, Т.С. Человек. Хронотоп. Культура: Введение в культурологию [Текст] / Т.С. Злотникова. – Издание 3-е. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2011. – 332 с.
 87. Иван Саввич Никитин, его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей [Текст] / сост. В. Покровский. – М., 1911. – 167 с.
 88. Из истории Воронежского края: к 200-летию воронежского краеведения. Сборник статей [Текст] / отв. ред. А.Н. Акиньшин. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – Вып. 8. – 244 с.
 89. Из истории Воронежского края: сб. статей [Текст] / отв. ред. А.Н. Акиньшин. – Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 2009. – Вып. 16. – 332 с.
 90. Инюшкин, Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри [Текст] / Н.М. Инюшкин. – Пенза, 2004. – 440 с.

91. Исаков, С.Г. О поэтической школе русского дерптского студенчества 1810-1840-х гг. [Текст] / С.Г. Исаков // Вышгород. – 2003. – №3. – С. 5-29.
92. Исторический город русской провинции как культурный универсум: учебное пособие [Текст] / науч. ред. Т.С. Злотникова, М.В. Новикова, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2010. – 536 с.
93. Историческая записка о Михайловском Воронежском кадетском корпусе: С прил. списков воспитанников за 50 лет. (1845-1895 гг.) [Текст]. – Воронеж: Изд. Воронежского Михайловского кадетского корпуса, 1895. – 157 с.
94. Каган, М.С. Град Петров в истории русской культуры: история Санкт-Петербурга от основания до наших дней, постижение прошлого, осмысление настоящего, взгляд в будущее [Текст] / М.С. Каган. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Паритет, 2006. – 477 с.
95. Каждан, Т.П. Культура русской усадьбы [Текст] / Т.П. Каждан, Е.Н. Марсианова // Очерки русской культуры XIX в. – М., 1998. – С. 265-374.
96. Карташов, Н.А. Станкевич [Текст] / Н.А. Карташов. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 264 с.
97. Клейн, И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века [Текст] / Клейн Иоахим. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 576 с.
98. Коган, Л.Б. Городская культура и пространство: проблема «центральности» [Текст] / Л.Б. Коган // Развитие городской культуры и формирование пространственной среды / под ред. Л.Б. Когана. – М., 1976. – С. 5-20.
99. Кожемякин, А.В. Воронежские друзья Е.А. Болховитинов [Текст] / А.В. Кожемякин // Митрополит Евгений: Жизнь и творчество. Восьмые Болховитиновские чтения. – Воронеж: Фонд культуры, 1993. – 36 с.
100. Козляков, В.Н. Культурная среда провинциального города [Текст] / В.Н. Козляков, А.Н. Севастьянова // Очерки русской культуры XIX в.: в 2-х ч. – Ч.1. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С.125-202.
101. Кольцов, А.В. Стихотворения [Текст] / А.В. Кольцов; Вступит. статья О. Г. Ласунского. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1977. – 223 с.

102. Кольцов, А.В. Сочинения [Текст] / А.В. Кольцов. – М.: «Художественная литература», 1966. – 462 с.
103. Кольцов, А.В. Сочинения (Стихотворения и письма) [Текст] / А.В. Кольцов; / вступ. ст., подг. текста и прим. Л. Акимова. М.: Гослитиздат, 1955. – 416 с.
104. Кондратенко, А.И. Издатель и редактор Николай Тарачков [Текст] / А.И. Кондратенко // Бюллетень лаборатории региональной журналистики. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 179-182.
105. Кононов, В.И. Воронеж. История города в памятниках и мемориальных досках [Текст] / Валерий Кононов; науч. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. – 349 с.
106. Корниенко, Н.Г. Очерки по литературному краеведению [Текст] / Н.Г. Корниенко. – Воронеж: ВГПУ, 2007. – 77 с.
107. Кострица, Е.И. История возникновения термина «культурная среда» на примере статьи П.Н. Савицкого «Евразийство» [Текст] / Е.И. Кострица // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – №97. – С. 349-356.
108. Кривцова, М.А. Художественное образование в российской провинции: Воронежская бесплатная рисовальная школа [Текст] / М.А. Кривцова. – Воронеж: Кварта, 2015. – 332 с.
109. Кригер, Л.В. Архитектура исторических городов Воронежской области [Текст] / Л.В. Кригер, Г.А. Чесноков. – Воронеж: Центр духов. возрождения Чернозём. края, 2002. – 320 с.
110. Кригер, Л.В. Путеводитель по памятникам истории и культуры Воронежской области [Текст] / Л.В. Кригер. – Воронеж: ВГУ, 2006. – 244 с.
111. Кройчик, Л.Е. В пределах «возможной независимости» [Текст] / Л.Е. Кройчик // Бюллетень лаборатории региональной журналистики / сост. Д.С. Дьяков; под ред. Л.Е. Кройчика. – Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 14-37.
112. Кузнецов, В.И. Нетленные строки [Текст] / В.И. Кузнецов. – Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд., 1984. – 223 с.

113. Кузнецова, А.А. Салонная культура XVII в. и английский галантно-исторический роман [Текст] / А.А. Кузнецова // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. – 2012. – №1. – С. 32-48.
114. Кулакова, И.П. И.И. Шувалов и Московский университет. Тип «просвещенного покровителя» (к постановке проблемы) [Текст] / И.П. Кулакова // Философский век. Альманах. Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории. – СПб., 1998. – Вып. 8. – С. 139-151.
115. Лаврентьева, Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет [Текст] / Е.В. Лаврентьева. – Москва: Молодая гвардия, 2005. – 663 с.
116. Ласунский, О.Г. Друзья мои – Кольцов и Никитин: Из записок собирателя [Текст] / Олег Ласунский. – Воронеж; Киев, 2001. – 115 с.
117. Ласунский, О.Г. Литературная прогулка по Воронежу [Текст] / О.Г. Ласунский. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1985. – 253 с.
118. Ласунский, О.Г. Литературный потенциал Воронежского края: из истории осмысления, систематизации, пропаганды [Текст] / О.Г. Ласунский // Деятельность литературного музея в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (28-30 мая 2014). – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – С.131-137.
119. Ласунский, О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции [Текст] / О.Г. Ласунский. – Воронеж: изд. ВГУ, 1985. – 211 с.
120. Ласунский, О.Г. Интеллигентские кружки в провинциальном городе [Текст] / О.Г. Ласунский // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX века: Сб. статей. – Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1995. – С. 193-201.
121. Летина, Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII-XX вв.) [Текст] / Н.Н. Летина: монография. – Ярославль: изд-во ГОУ ВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», 2009. – 257 с.
122. Литвинов, В.В. Воронежский губернатор Д.Н. Бегичев и его распоряжения при открытии мощей св. Митрофана и перенесении их из Архангельского собора в Благовещенский [Текст] / В.В. Литвинов // Воронежская старина. – Воронеж:

Издание Воронежского Церковного Историко-Археологического Комитета, 1914. – Вып. 13. – [2], II, 110, 244, 116, [4] с.

123. Литвинов, В.В. Указатель литературы по изучению Воронежской губернии (1703–1927 гг.) [Текст] / Воронеж. краевед. о-во. – Воронеж, [1928]. – 74 с.
124. Литвинова, Т.Н. Деятельность предводителей дворянства по распространению просвещения и образования в Воронежской губернии в 1801-1811 гг. / Т.Н. Литвинова [Текст] // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII - начале XX века: сб. науч. ст. – Воронеж, 2002. – С. 36-44.
125. Литературные салоны и кружки: первая половина XIX века [Текст] / под. ред. Н.Л. Бродского. – М.: «Аграф», 2001. – 496 с.
126. Лихачев, Д.С. Верю в провинцию [Текст] / Д.С. Лихачев // Российская провинция. – 1994. – № 4. – С. 118 – 120.
127. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство – СПб», 1994. – 398 с.
128. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв [Текст] / Ю.М. Лотман. – М.: Аспект, 2003. – 230 с.
129. Лотман, Ю.М. Семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман; Сост. М.Ю. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб., 2000. – 703 с.
130. Макеева, И.В. Обзор направлений в исследовании культурной среды [Текст] / И.В. Макеева // Вестник ЗабГУ. – 2007. – №4. – С. 81-86.
131. Малыхин, П.В. Правда об И.С. Никитине [Текст] / П.В. Малыхин // Исторический вестник. – СПб., 1913. – Т.131. – С. 896-902.
132. Марин, С.Н. Стихотворения. Драматические произведения. Сцены и отрывки. Письма [Текст] / С.Н. Марин, М.В. Милонов. – Воронеж: Центр.- Черн. кн. изд-во, 1983. – 326 с.
133. Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) [Текст] / Э.С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
134. Мартен-Фюжье, А. Элегантная жизнь, или как возник «весь Париж», 1815-1848 [Текст] / А. Мартен-Фюжье. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. – 480 с.

135. Материалы для биографии И.С. Никитина: письма его [Текст] / оттиск из IV-V вып. «Фил. зап.» за 1901 год. – Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1902. – 16 с.
136. Митрополит Евгений. Жизнь и Творчество [Текст] / под ред. В.Г. Сарбей. – Воронеж: ЦЧКИ, 1998. – 184 с.
137. Митин, В. Усадьбы города Воронежа XVIII, XIX, XX веков [Текст] / В. Митин. – Воронеж: Изд-во «Никитинское», 2004. – 224 с.
138. Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография [Текст] / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Лётиной, М.В. Новикова. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2013. – 292 с.
139. Муравьёва, О.С. Как воспитывали русского дворянина [Текст] / О.С. Муравьёва. – СПб.: «Журнал «Нева», 2001. – 224 с.
140. Нагаев, С.Н. Исполнение песни «Хуторок» на стихи А.В. Кольцова на вечере у И.С. Башкирцева [Текст] / С.Н. Нагаев // Воронежский телеграф. – 1872. – №121. – С. 3.
141. Никитин, И.С. Стихотворения; Дневник семинариста [Текст] / И.С. Никитин. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1986. – 381с.
142. Никитенко, А.В. Записки и дневник: в 3 т. [Текст] / А.В. Никитенко. – М.: Захаров, 2005. – Т. 1. – 640 с.
143. Никольский, П.В. История Воронежской духовной семинарии. Ч. 1-2 [Текст] / П.В. Никольский; вступит. статья А.Н. Акиньшина. – Новое изд., доп. – Воронеж: Образ, 2011. – 656 с.
144. Никольский, С.А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX-XX вв. [Текст] / С.А. Никольский. – М.: Голос, 2015. – 536 с.
145. Новиков, В. Русская литературная усадьба [Текст] / В. Новиков. – М.: Ломоносовъ, – 2012. – 256 с.
146. Новичихин, Е.Г. Веневитинов и Новоживотинное [Текст] / Е.Г. Новичихин // Первые Веневитиновские чтения: Статьи. Исследования. Очерки. – Воронеж:

- Отд. Союза писателей России; Обл. лит. музей им. И.С. Никитина. – 2010, Печ. в тип. «Колибри». – С. 51-55.
147. Новоточинова, А.А. Тайна Андрея Серебрянского [Текст] / А.А. Новоточинова, В.В. Инютин // Серебрянский А.П. Дни нашей жизни. Стихотворения. Поэмы. Статьи. – Воронеж, 2001. – С. 83-94.
 148. Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник [Текст] / отв. ред. М.В. Новиков, Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 459 с.
 149. Общественное движение и культурная жизнь центральной России XIV-XX веков: сборник научных трудов [Текст]. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – 272 с.
 150. Окунев, Б.Г. Лермонтов в Семидубравном [Текст] / Б.Г. Окунев // Записки воронежских краеведов: сборник / сост. А. И. Гайворонский. – Воронеж, 1983. – Вып. 2. – С. 209–218.
 151. Олейников, Т.М. К биографии А.П. Серебрянского [Текст] / Т.М. Олейников // Воронежская старина. – 1910. – Вып. 9. – С. 36-37.
 152. Отечественные записки [Текст]. – Июнь. – СПб., 1854. – 462 с.
 153. Охлябинин, С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века [Текст] / С.Д. Охлябинин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 347 с.
 154. Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX – нач. XX в. [Текст] / ред.-сост.: В. А. Тонков, О. Г. Ласунский. – Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1970. – 424 с.
 155. Палий, Е.Н. Салон как феномен культуры XIX века. Традиции и современность: Монография [Текст] / Е.Н. Палий. – М.: Изд-во «НЕФТЬ и ГАЗ», 2008. – 320 с.
 156. Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 год [Текст] / под ред. Н.И. Второва. – Воронеж: Издание Воронежского губернского статистического комитета: В типографии губернского правления, 1856. – X, 38, 80, 94, 70 с.
 157. Пивоварова, Ю.И. Литературные кружки и культурная среда русской провинции 1800-1860 гг. (на материале г. Воронежа) [Текст] / Ю.И.

- Пивоварова // Вестник научной сессии факультета философии и психологии / отв. ред. Ю.А. Бубнов. – Воронеж, 2015. – Вып. 16. – С. 81-86.
158. Пивоварова, Ю.И. Литературный музей им. И.С. Никитина в социокультурном пространстве г. Воронежа [Текст] / Ю.И. Пивоварова // Культурология: пересечение научных сфер. Сборник статей. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – Вып. 9. – С. 64-67.
 159. Пивоварова, Ю.И. Литературный салон XIX в. в современной музейной практике [Текст] / Ю.И. Пивоварова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – №1. – С. 231-233.
 160. Пивоварова, Ю.И. Особенности литературно-музыкального салона дворянской усадьбы в провинции [Текст] / Ю.И. Пивоварова // Материалы Международной научно-практической конференции (28-30 мая 2014 г.). – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – С. 216-221.
 161. Пивоварова, Ю.И. Просветительские кружки и книжные лавки г. Воронежа как «культурные гнезда» России (1800-1860 гг.) [Текст] / Ю.И. Пивоварова // Культурология: пересечение научных сфер. Сборник статей. – Воронеж: ЦНТИ, 2015. – Вып. 10. – С. 84-92.
 162. Пивоварова, Ю.И. Просвещенная личность в культурной среде провинциального города середины XIX века: Н.И. Второв и Воронеж [Текст] / Ю.И. Пивоварова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – №1. – С. 268-271.
 163. Пивоварова, Ю.И. Роль женщины в литературном салоне (на материале русской культуры начала XIX в.) [Текст] / Ю.И. Пивоварова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – Т.1 (Культурология). – С. 127-130.
 164. Пивоварова, Ю.И. Роль литературно-музыкального салона в литературном развитии общества [Текст] / Ю.И. Пивоварова // Вестник Воронежского государственного университета. – 2014. – Серия: Филология. Журналистика. – №4. – С. 43-46.
 165. Пивоварова, Ю.И. Романтические настроения в воронежской культурной среде первой трети XIX века и А.П. Серебрянский [Текст] / Ю.И. Пивоварова

- // Романтизм как вектор развития культуры: академический и музейный опыт: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 7-9 октября 2015 г.). – Воронеж: Кварта, 2016. – С. 239-245.
166. Пиксанов, Н.К. Областные культурные гнёзда [Текст] / Н.К. Пиксанов. – М.: Государственное издательство, 1928. – 148 с.
 167. Пиксанов, Н.К. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская: Темы и библиография [Текст] / Сост. Н.К. Пиксанов. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. – 47 с.
 168. Письма А.В. Кольцова [Текст] / под ред. П. Смирновского. – М.: типография А.В. Васильева и Ко, дом Обидиной, 1901. – 117 с.
 169. Письмо А.П. Серебрянского к брату [Текст] / публ. П. Щукина // Филологические записки. – 1910. – Вып. I. – С.146-150.
 170. Полякова, М.А. Русская провинциальная усадьба. XVII- начало XX века [Текст] / М.А. Полякова, Е.Н. Савинова. – М.: Ломоносов, 2011. – 264 с.
 171. Полякова, М.А. Культурные традиции воронежских дворянских усадеб [Текст] / М.А. Полякова, Т.С. Старцева // Русские провинциальные усадьбы. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2003. – С. 77-86.
 172. Полное собрание сочинений К.Ф. Рыльева [Текст] / Лейпциг: типогр. F.A. Brockhaus, 1861. – 393 с.
 173. Попов, П.А. Воронеж: история города в названиях улиц [Текст] / П.А. Попов ред. Ю.Л. Полевой. – Воронеж: Кварта, 2003. – 447 с.
 174. Попов, П.А. Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII – начала XX века [Текст] / П.А. Попов, Б.А. Фирсов. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 328 с.
 175. Пронина, Л.А. Качество культурной среды: проблемы измерения [Текст] / Л.А. Пронина // Известия Томского политехнического университета. – 2014. – Т. 324. – № 6. – С. 65-73.
 176. Проскурина, Н.В. Наследие дворянских усадеб Воронежской области [Текст] / Н.В. Проскурина // Вестник ВГУ, серия: География. Геоэкология. – 2012. – №2. – С. 108-114.

177. Путинцев, А.М. Андрей Порфирьевич Серебрянский, его жизнь и литературные произведения [Текст] / А.М. Путинцев // Памятная книжка Воронежской губернии 1906 год. – отд. III. – С. 34-35.
178. Путинцев, А.М. А.В. Кольцов как собиратель русских народных пословиц [Текст] / А.М. Путинцев // Труды Воронежского гос. Ун-та, 1926. – Т. III. – с.75-94.
179. Пыльнев, Ю.В. История народного образования Воронежского края: (конец XVII – начало XX века): монография [Текст] / Ю.В. Пыльнев; ред. М.Д. Карпачев. – Калининград: Аксиос, 2012. – 728 с.
180. Пыльнев, Ю.В. История школы и народного просвещения Воронежского края. XVIII – начало XX века: пособие для доп. образования [Текст] / Ю.В. Пыльнев, С.А. Рогачев. – Воронеж: Центр духов. возрождения Чернозём. края, 1999. – 527 с.
181. Пыпин, А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I [Текст] / А.Н. Пыпин. – Петроград: Огни: Тип. Гл. управления уделов, 1916-1918, Т. 2: Очерки литературы и общественности при Александре I / Предисл. и примеч. Н.К. Пиксанова. – 1917. – VIII. – 534 с.
182. Романтизм как вектор развития культуры: академический и музейный опыт: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 7-9 октября 2015 г.) [Текст] / науч. ред. Т.А. Дьякова. – Воронеж: Кварта, 2016. – 274 с.
183. Ромер, М. Письма из Воронежа (1831-1832) [Текст] / пер. с польского. Публикация и предисловие О.Г. Ласунского. Примечания А.Н. Акинъшина. – Воронеж, 2013. – 104 с.
184. Русские провинциальные усадьбы [Текст] / сост.: Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. – Воронеж: Центр духов. возрождения Чернозём. края, 2001. – 496 с.
185. Савелов, Л.М. Воронежское дворянство: Случайные заметки любителя-генеалога / К. П. Д. – М.: Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, Вып. 2. – 1896. – 10 с.

186. Сайкина, Н.В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской [Текст] / Н.В. Сайкина. – М.: Наука, 2005. – 295 с.
187. Салахова, Л.М. Особенности формирования культурной среды молодых индустриальных городов [Текст] / Л.М. Салахова // Проблемы социально-экономического развития Сибири: науч. журнал БрГУ. – 2011. – № 1(3). – С. 59-70.
188. Свиридов, А.Н. Воронежские летописцы [Текст] / А.Н. Свиридов. – Воронеж: Центр духов. возрождения Чернозём. края, 2006. – 256 с.
189. Семенов, Н.П. Наше дворянство [Текст] / Н.П. Семенов. – СПб: Гос. тип., 1898. – 85 с.
190. Скакун, А.А. Французская культура XVII века и ее восприятие в России [Текст] / А.А. Скакун // Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 26-51.
191. Славинский, М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии [Текст] / М.И. Славинский; науч. ред. А.Н. Акиньшин. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. – 240 с.
192. Смирнова, И.А. А.О. Смирнова-Россет в русской культуре XIX века [Текст] / И.А. Смирнова. – Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т., 2004. – 556 с.
193. Соковнина, Е.П. Воспоминания о Д.Н. Бегичеве [Текст] / Е.П. Соковнина // Исторический вестник. – 1889. – Т. 35. – № 3. – С. 661 – 673.
194. Станкевич, Н.В. Проза. Статьи. Письма [Текст] / Н.В. Станкевич / вступ. ст., сост. и прим. Б.Т. Удодова. Воронеж: Центр.- Черн. кн. изд-во, 1988. – 271 с.
195. Стернин, Г.Ю. Усадьба в поэтике русской культуры / Г.Ю. Стернин // Русская усадьба: сб. Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ). – М.: Проспект, 1994. – С. 46 – 52.
196. Стрелкова, Е.И. Культурная среда и ее системообразующие компоненты [Текст] / Е.И. Стрелкова // Культурология: Теория и практика общественного развития. – 2014. – №13. – С. 121-122.

197. Сукина, Л.Б. Художественная культура русской провинции: проблемы и методы изучения [Текст] / Л.Б. Сукина // Выбор метода изучения культуры. – М.: Алетейя, 2001. – С.199-204.
198. Сухова, Н.Ю. Столетний вклад в «духовную ученость»: выпускники Воронежской духовной семинарии в российских духовных академиях (1817-1917) [Текст] / Н.Ю. Сухова // Выпускники Воронежской духовной семинарии 1745-2015 гг. – Воронеж: Издательский отдел Воронежской Православной Духовной Семинарии, 2015. – С. 335-352.
199. Тарачков, Н.С. Из путевых заметок при ботанических поездках по Воронежской губернии [Текст] / Н.С. Тарачков // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб., 1861. – С. 224-274.
200. Телескоп. Журнал современного просвещения. Часть XXVII [Текст]. – М.: Типография Н. Степанова, 1835. – 545 с.
201. Тихонова, А.Ю. Личность и региональная культура: историко-образовательные аспекты исследования: монография [Текст] / А.Ю. Тихонова, И.А. Чуканов. – Ульяновск: УИПКПРО, 2010. – 176 с.
202. Тонков, В.А. И.С. Никитин: очерк жизни и творчества [Текст] / В.А. Тонков. – М.: «Просвещение», 1968. – 127 с.
203. Тонков, В.А. Никитин [Текст] / В.А. Тонков. – Воронеж: Обл. книгоизд-во, 1945. – 89 с.
204. Удодов, Б.Т. Литература воронежского края в развитии духовной культуры России [Текст] / Б.Т. Удодов // Филол. зап. – 2003. – Вып. 20. – С. 284-290.
205. Успенский, Ю.И. Старый Воронеж: художественно-исторический очерк [Текст] / Ю.И. Успенский. – Воронеж: Профтехшкола, 1922. – 78 с.
206. Философский век. Альманах. Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории. [Текст] / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб., 1998. – Вып. 8 . – 351 с.
207. Фоминых, О.Б. Региональная и провинциальная культура: некоторые характеристики [Текст] / О.Б. Фоминых // Время культуры в региональном пространстве: сб. науч. тр. – Курган, 2010. – С. 74-84.

208. Фортунатова, В.А. Провинциальный учитель в статусе русской ментальной категории [Текст] / В.А. Фортунатова // Жизнь провинции как феномен духовности. Международн. научн. конф. / Под ред. Н.М. Фортунатова. – Нижний Новгород, 2004. – С. 7-11.
209. Хафизов, Г.Г. Карл Фукс и его место в социокультурном пространстве Казанской губернии [Текст] / Г.Г. Хафизов // Казанский медицинский журнал. – 2006. – №5. – С. 398-400.
210. Хованский, А.А. О среднем роде в народном говоре Воронежской губернии [Текст] / А.А. Хованский // Филологические записки. – Воронеж: Типография В. Гольдштейна, 1860. – Вып. 4. – С. 224-228.
211. Хованский, А.А. Причины неуспешного преподавания русского языка в уездных училищах [Текст] / А.А. Хованский // Филологические записки. – Воронеж: Типография В. Гольдштейна, 1860. – Вып. 5-6. – С. 277-288.
212. Чванов, И.В. Провинциализм и провинциальность как два проявления российской ментальности [Текст] / И.В. Чванов // Регионоведение. – 1995. – № 3. – С. 174-180.
213. Человек в кругу семьи [Текст]: очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / п. ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: РГГУ, 1996. – 376 с.
214. Чернышев, М.А. «В душе неразгаданной думы тая...» О жизни и творчестве Д.В. Веневитинова [Текст] / М.А. Чернышев. – Саратов: ИИЦ ГКПО «Заволжье», 1992. – 280 с.
215. Чичерин, Б.Н. Из моих воспоминаний (По поводу дневника Н.И. Кривцова) [Текст] / Б.Н. Чичерин // Русский архив. – 1890. – №4. – С. 501-525.
216. Чичерин, Б.Н. Москва сороковых годов [Текст] / Б.Н. Чичерин. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929. – 294 с.
217. Шаповалов, В.А. Русский помещик в народном фольклоре: благородство и жестокость (социально-психологический аспект) [Текст] / В.А. Шаповалов // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политологи. Экономика. Информатика. – 2012. – №1 (120). – С. 96-107.

218. Шмидт, С.О. Изучение культуры российской провинции (XVIII – начало XX вв.) и задачи краеведения [Текст] / С.О. Шмидт // Русская провинция. Культура XVIII-XX веков: Сб. статей. М., 1993. – С. 7–14.
219. Шувалов, П.И. Шувалов И.И. Избранные труды [Текст] / сост., автор коммент. С.В. Андрияйнен, авторы вступ. ст. С.В. Андрияйнен, А.Б. Каменский. – М.: РОССПЭН, 2010. – 344 с.
220. Этнография Центрального Черноземья России: сб. науч. тр. [Текст] / Воронеж. гос. ун-т, Ист. фак., Учеб.-науч. лаборатория «Этнография ЦЧО России»; [редкол.: А.З. Винников (отв. ред.) и др.]. – Воронеж, 2002. – Вып. 1–6.
221. Эйхенбаум, Б.М. О литературе: работы разных лет [Текст] / Б.М. Эйхенбаум. – М.: Сов. писатель, 1987. – 540 с.
222. Юнггрен, А. Поэзия Тютчева и салонная культура XIX века [Текст] / А. Юнггрен; [отв. ред. Б.Н. Тарасов]; науч. Совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2006. – 123 с.
223. Юрова, Т.В. История Воронежского отделения Императорского русского музыкального общества [Текст] / Т.В. Юрова // Из истории Воронежского края: сб. ст. / ВГУ ; отв. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж, 2011. – Вып. 18. – С. 135-172.
224. Яковнина, Н.И. Русское дворянство первой половины XIX в. Быт и традиции [Текст] / Н.И. Яковнина. – СПб: изд. «Лань», 2002. – 160 с.

Словари, энциклопедии и справочники:

225. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов [Текст] / З.Е. Александрова. – 11-ое изд., перераб. и дополн. – М.: Рус. яз., 2001. – 564 с.
226. Брокгауз, Ф.А. Мировая история. Знаменитые личности, повлиявшие на судьбу мира: иллюстрированный биографический словарь: 2500 ил. [Текст] / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Москва: Эксмо, 2008. – 863 с.
227. Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии [Текст] / гл. ред. О.Г. Ласунский. – Изд. 2-е, доп. и испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 657 с.

228. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия [Текст] / В.И. Даль. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 736 с.
229. Справочник о составе и содержании документальных материалов Государственного архива Воронежской области [Текст]. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1961. – 295 с.
230. Энциклопедический словарь ЦЧО [Текст]. – Воронеж: Коммуна, 1934. – 742 с.

Архивные источники исследования:

231. ВОЛМ им. И.С. Никитина. ВМН 12, 13, 582, 621, 639, 777, 778, 786, 787, 790, 973, 1177, 1419, 2057, 2061, 2062, 2065, 2068, 2080, 2097, 2081, 2322, 2930, 2931, 2932, 3360, 5810, 6732, 8012, 8013, 8014, 8089, 8090.
232. ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 1330. 33 л.
233. ГАВО. Ф. И.-167. Оп. 1. Д. 1336. 19 л.
234. ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 48. 156 л.
235. ГАВО. Ф. И-29. Оп. 127. Д. 57. 32 л.

Литература на иностранном языке:

236. Clarke, E. Travels in Russia, Tartary, and Turkey [Text] / Edward Daniel Clarke. – 1848. – 383 p.
237. Kale, S.D. Women, the Public Sphere and the Persistence of Salons [Text] // French Historical studies. Durham, Vol. 25. 2002. – P. 115-149.
238. Lecoeur, M. Conversation and Performance in Seventeenth-Century French Salon Culture [Text] / M. Lecoeur // diss. ...Ph.D. – Columbia University, 2011. – 345 p.
239. Mason, A.G. The Women of the French Salons [Text] / Amelia G. Mason. – New York: the Century Co., 1891. – 312 p.

Источники из диссертационных исследований:

240. Азерникова, И.П. Салонная культура дворянства в России в первой половине XIX в.: истоки и традиции [Текст] : дисс. ... канд. ист. н.: 07.00.02 / И.П. Азерникова, – М., 2011. – 231 с.
241. Баженова, Г.Н. Культурная среда малого исторического города как социально-философская проблема [Текст] : дисс. ... канд. филос. наук / Г.Н. Баженова, – М., 1998. – 167 с.

242. Густова, Л.И. Трансформация образа усадьбы в русской поэзии XVIII- первой трети XIX вв. [Текст] : дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01 / Л.И. Густова, Псков, 2006. – 160 с.
243. Канторович, И.В. Московские литературные салоны 2-ой четверти XIX в. в общественно-культурной жизни России [Текст] : дисс. ... канд. ист. н.: 07.00.02 / И.В. Канторович. – М., 1997. – 253 с.
244. Колягина, Т.Ю. «Усадебный» тип культуры в художественном сознании А.С. Пушкина [Текст] : автореф. дисс. ... канд. филологических наук: 10.01.01 / Т.Ю. Колягина. – Омск, 2007. – 23 с.
245. Кононова, Т.Л. Становление и развитие книжного дела в Центральном Черноземье (конец XVIII – начало XX в.) [Текст] : дисс. ... доктора ист. н. : 07.00.02 / Т.Л. Кононова. – Курск, 2014. – 486 с.
246. Купцова, И.А. Динамика русской провинциальной культуры в условиях исторических трансформаций российской цивилизации [Текст] : дисс. ... доктора культурологии : 24.00.01 / И.А. Купцова. – М., 2011. – 377 с.
247. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа [Текст] : автореф. дисс. ... доктора культурологии: 24.00.01 / В.Д. Лелеко. – СПб., 2002. – 52 с.
248. Литвинова, Т.Н. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII - первой половины XIX вв. [Текст] : автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.Н. Литвинова. – Воронеж, 2005. – 24 с.
249. Новоточинова, А.А. Творчество и личность А.П. Серебрянского в современном ему литературном контексте [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.А. Новоточинова. – Воронеж, 2005. – 20 с.
250. Печерская, Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Мемуары, дневники, письма, беллетристика [Текст] : дисс. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Т.И. Печерская. – Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 1999. – 299 с.

251. Полутина, Е.В. Социокультурная жизнь провинциального города на рубеже XIX-XX веков [Текст] : дисс. ... канд. ист. н.: 24.00.01 / Е.В. Полутина. – Саранск, 2006. – 219 с.
252. Сайко, Е.А. Российская провинция как социокультурный феномен [Текст] : дисс. ... канд. фил. наук / Е.А. Сайко. – М., 1997. – 129 с.

Электронные источники:

253. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. [Электронный ресурс] / АПН СССР. – М.: Педагогика, 1987. – Режим доступа: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000027/index.shtml> (дата обращения: 19.03.2016).
254. Астафьева, О.Н. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды [Электронный ресурс] / О.Н. Астафьева, А.Я. Флиер // Культурологический журнал. – 2013. – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/182.html&j_id=13 (дата обращения: 25.05.15)
255. Варфоломеев, П. Недаром же конь мой споткнулся [Электронный ресурс] / П. Варфоломеев // газета «Труд». – №167 (от 19.09.2002). – Режим доступа: http://www.trud.ru/index.php/article/19-09-2002/46563_nedarom_zhe_kon_moj_spotknulsja.html (дата обращения: 20.05.2015).
256. Викулова, В.П. Быт провинциальной усадьбы и русские писатели первой половины XIX века [Электронный ресурс] / В.П. Викулова. – Режим доступа: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/202/> (Дата обращения: 01.07.2016).
257. Глазычев, В.Л. А где Московия? [Электронный ресурс] / В.Л. Глазычев. – Режим доступа: http://glazychev.ru/publications/interviews/1999-07-16_interview_Moskovia.htm (Дата обращения: 01.07.2014).
258. Дмитриев, В. Образование в Воронежской губернии в первой половине XIX века [Электронный ресурс] / В. Дмитриев. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2015/03/13/1981> (дата обращения: 21.03.16).
259. Ершов, Б.А. Система духовного образования в Воронежской губернии в XIX веке [Электронный ресурс] / Б.А. Ершов // «Образование и общество»:

- Научный, информационно-аналитический журнал. – Режим доступа: http://www.jeducation.ru /5_2010/105.html (дата обращения: 18.02.16).
260. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.efremova.info/word/prosveschennyj.html#.WOtO1rj2R_E (Дата обращения: 18.03.2015)
261. Кондаков, И.В. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX-XXI вв. [Электронный ресурс] / И.В. Кондаков // Вопросы литературы. – 2008. – №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2008/5/ko5.html> (дата обращения: 20.06.15).
262. Кораблина, Л.Н. Благотворительность и народное образование в Воронеже в конце XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс] / Л.Н. Кораблина // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. – Режим доступа: <http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/c35b724d27a34028d743071f2ad0fd34d8a40390.pdf> (дата обращения: 22.02.15).
263. Кошман, Л.В. Культурное пространство русского города XIX – начала XX вв. К вопросу о креативности исторической памяти [Электронный ресурс] / Л.В. Кошман // NB: Культуры и искусства. – 2013. – № 2. – Режим доступа: http://enotabene.ru/ca/article_639.html (дата обращения: 10.09.14)
264. Михельсон, М.О. Пространство и время городской культуры: проблема соотнесения принципов диахронии и синхронии [Электронный ресурс] / М.О. Михельсон // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2006. – №18. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-i-vremya-gorodskoy-kultury-problema-sootneseniya-printsipov-diahronii-i-sinhronii> (дата обращения: 22.03.2016).
265. Новичихин, Е. Дача Башкирцева [Электронный ресурс] / Е. Новичихин. – Режим доступа: http://semiluki.ws/viewpage.php?page_id=6 (дата обращения: 20.05.2015).

266. Палий, Е.Н. Типы и виды салонов в России XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс] / Е.Н. Палий // Научно-исследовательский журнал. – 2012. – Режим доступа: www.research-journal.org (дата обращения: 20.05.2013).
267. Попов, П.А. Площадь пяти веков [Электронный ресурс] / П.А. Попов // Альманах «Университетская площадь». – 2011. – №4. – Режим доступа: <http://pus.vsu.ru/pdf/2011/2011-01-04.pdf>. (дата обращения: 25.06.15).
268. Пухова, Т.Ф. А.Н. Афанасьев и воронежский фольклор [Электронный ресурс] / Т.Ф. Пухова. – Режим доступа: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/nasled_afanasiev2003/pukhova.pdf (дата обращения: 20.06.15).
269. Пухова, Т.Ф. Изучение фольклора и этнографии в Воронежском крае [Электронный ресурс] / Т.Ф. Пухова. – Режим доступа: <http://folk.phil.vsu.ru/hist/hist.doc> (дата обращения: 20.06.15).
270. Родина, Е.Б. Развлечения и игры дворянской эпохи. «Живые» картины. Загадки или шарады. Буриме [Электронный ресурс] / Е.Б. Родина // Тарханский вестник. – № 22. – Режим доступа: http://tarhany.ru/museum/nauchnie_statii_tarhanskije_vestniki_razvlechenija_i_igri_dvoryanskoj_jeponi_zhivie_kartini_zagadki_ili_sharadi_burime (дата обращения: 22.02.2016).
271. Савицкий, П.Н. Евразийство [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий. – Режим доступа: <http://www.gumilevica.kulichki.net/SPN/spn09.htm> (дата обращения: 17.06.15).
272. Семенова, Е.В. Литературные салоны России XIX века: начало кристаллизации русской философской культуры [Электронный ресурс] / Е.В. Семенова // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №4. Научная библиотека Кибер Ленинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/literaturnye-salony-rossii-xix-veka-nachalo-kristallizatsii-russkoy-filosofskoykultury#ixzz2yN3AIRAZ> (дата обращения: 20.05.2013).
273. Сокольский, Э. «По-над Доном сад цветет», или утешение Алексея Кольцова [Электронный ресурс] / Э. Сокольский // Научно-культурологический журнал.

- №20 [238]. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3083&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 25.05.2015).
274. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 27.02.2014).
275. Успенская, В.И. Женские салоны в Европе XVII–XVIII веков [Электронный ресурс] / В.И. Успенская // Женщины. История. Общество. Сбор. ст. – Режим доступа: http://tversocium.ru/library/main.php?subaction=showfull&id=1283759520&archive=&start_from=&ucat=65&do= (дата обращения: 20.09.14)
276. Флиер, А.Я. Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] / А.Я. Флиер // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 2 (март–апрель). – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/ (дата обращения: 21.06.15).
277. Флиер, А.Я. Принципиальные модели модернизации культурной среды [Электронный ресурс] / А.Я. Флиер // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 6 (март–апрель). – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Flier_Environment-Modernization (дата обращения: 23.06.15).
278. Шаповалова, И.В. Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья в 1850-х – начале 1860-х гг. [Электронный ресурс] / И.В. Шаповалова. – Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/lib_r/ru2sbor16.php (дата обращения: 25.06.15).
279. Шулепова, Э.А. Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция [Электронный ресурс] / Э.А. Шулепова // Культурологический журнал. – 2011. – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/59.html&j_id=6 (дата обращения: 25.06.15).